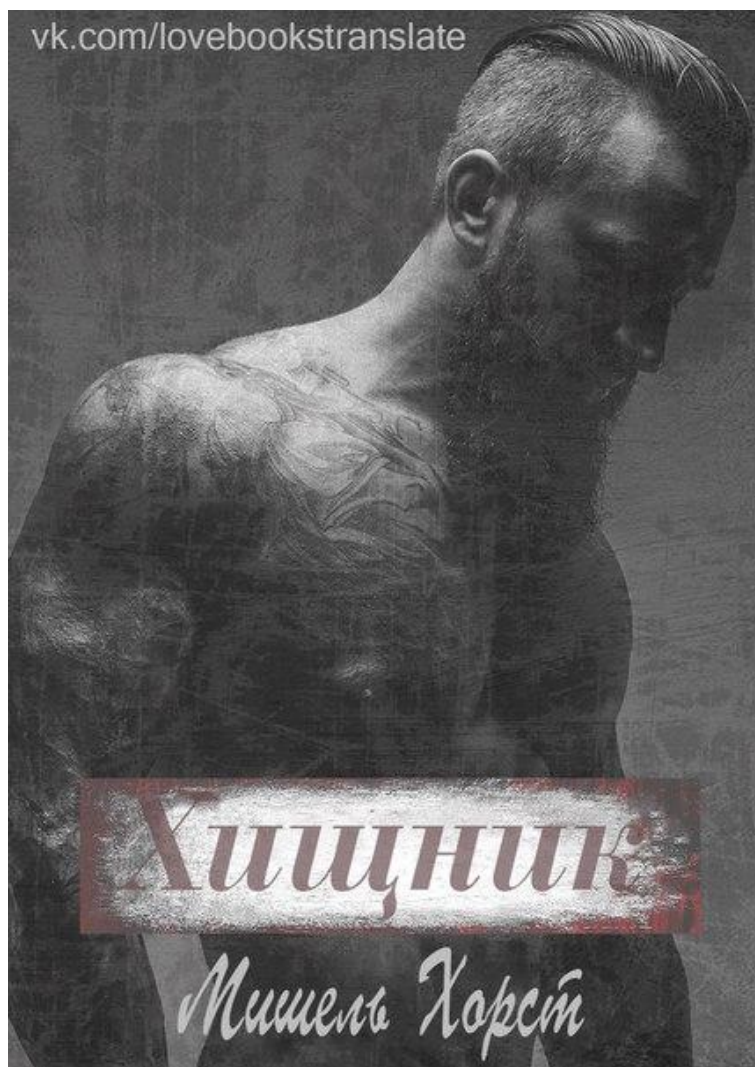

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Мишель Хорст

"Хищник"

Серия: Мужчины чести (книга 1)

Автор: Мишель Хорст

Название на русском: Хищник

Серия: Мужчины чести

Перевод: Marizza

Сверка: betty_page

Редактор: Eva_Ber,

Кит-кат,

Виктория Недвецкая (1-10 гл.)

Обложка: Вета Светлова

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Всю жизнь я в бегах, нет ни одного уголка на этой Богом забытой земле, где я могла бы спрятаться. Я должна заплатить за грехи своего отца. Никому, в чьих жилах течет кровь Эллисонов, не позволено жить, и я — последняя в моем роду.

Я жила в ожидании своей смерти, когда за мной придет Он — известный только, как «Хищник». Никто не знает, на кого он работает, только то, что он никого не оставляет в живых.

Каждый его вздох наполнен последним вздохом умирающей жертвы.

Но почему он не убил меня.

Я не знаю, что хуже — смертный приговор, нависший над моей головой, или оказаться в его власти.

ПРОЛОГ

Кара

— Кара, — папа окликает меня. — У тебя есть одеяло?

— Да, папочка.

Я вытаскиваю одеяло из машины и отправляюсь вслед за моим отцом. В отличие от большинства подростков, я люблю быть с моими родителями. У нас прекрасные отношения. Я знаю, что могу поговорить с ними о чем угодно. И так было всегда.

Папа заводит лодку, держа курс вниз по реке. Сегодня солнечный день, и легкий бриз приятно освежает после ужасной жары. Мы всегда приезжаем сюда после обеда. Это наш семейный досуг. Как только мы добираемся до широкого открытого пространства плотины, папа начинает медленно направлять лодку вниз по течению.

Я расстилаю одеяло прямо на дно лодки и счастливо смеюсь, когда мы с мамой пытаемся на нем устроиться. Папа выключает двигатель и когда видит, что мы лежим рядом, подходит к нам, чтобы лечь по другую сторону от меня.

— Посмотри на это, — говорит папа, указывая на облако. — Оно похоже на автомобиль.

Я смеюсь.

— Для тебя все выглядит как автомобиль.

— Нет, серьезно, — тоже смеется он, но продолжает. — Смотри, вот то — диски, а это — самая что ни на есть настоящая крыша.

Мы говорим о глупейших вещах, а потом просто тихо слушаем пение птиц вокруг нас. Когда я уеду в колледж, то мне придется забыть о таких вот моментах, проведенных с родителями. У меня есть всего лишь несколько драгоценных недель, чтобы насладиться этим. Думая о своем отъезде, я незаметно для себя засыпаю, как впрочем, и всегда.

Какой-то грохот выдергивает меня из спокойного сна. Я слышу, как мои родители кричат, и все мое тело мгновенно замирает от шока.

Лодка резко наклоняется, и меня отбрасывает в сторону. Я ногтями цепляюсь в деревянное дно, пытаюсь за что-нибудь ухватиться, и тут же сильно ударяюсь об одну из скамеек в лодке, тело пронзает резкая боль.

Наша лодка разлетается с громким хлопком, и вода жадно заглатывает обломки.

— Папочка! Мамочка! — кричу я. Мой взгляд мечется, ища любой признак их присутствия, но ничего нет, лодка разваливается, и я слышу только ужасный шум.

То, что осталось от лодки, резко поднимается в воздух, как животное, задыхаясь, делает последний вздох. Я начинаю скользить вниз, пытаюсь схватиться за уцелевшую доску, но слишком поздно. Что-то упорно толкается в мое плечо, только сильнее заталкивая меня в мутную воду.

— Папа, — кричу я, пытаюсь уцепиться за что-нибудь, что не позволит мне утонуть.

Обломки дерева ранят меня, а затем мутная вода поглощает мое тело с головой.

Я знаю, как плавать. Я хороший пловец, но цвет воды лишает меня возможности дышать... он красный. Из всех сил я борюсь, чтобы выплыть на поверхность, но только ледяной страх распространяется по всему телу.

Я не хочу умирать!

Внезапно я слышу громкий звук. Это не похоже на грохот. На этот раз что-то падает в воду, подбираясь ко мне ближе.

Вода меня не отпускает.

Обжигающие волны боли проходят сквозь мое тело, и я глотаю воду.

Я глотаю кровь.

***

Проснувшись от ослепительного света, я моргаю пару раз, прежде чем привыкнуть к нему. Меня охватывает недоумение.

Где я? Я пытаюсь произнести слова, но вместо них вылетает искаженный стон. Мой взгляд мечется по комнате, и острая боль начинает пульсировать в спине.

Где папа и мама? Что случилось?

Я вздрагиваю от рыданий, и это движение усиливает мою боль. Горячие слезы катятся из глаз, скатываясь в мои волосы.

— Кара.

Я поворачиваю голову в сторону голоса и вижу дядю Тома, брата мамы.

— Я сожалею, — говорит мужчина, одновременно вставая с кресла.

Я хмурюсь, не уверенная в том, о чем он сожалеет.

Дядя Том устало трет лицо, а затем тяжело вздыхает.

— Произошла авария. Твои родители... они не выжили.

Мои родители... они мертвы?

НЕТ! Мое сердце сжимается от боли, а потом что-то резко кольнуло в груди. Я делаю мучительный вдох, но странное чувство все растет и растет, пока в душе не остается ничего, кроме пустоты от потери моих родителей. В следующий момент всхлипы вырываются из моего горла.

Они не могут умереть! Это слишком рано. Я даже не успела попрощаться с ними.

Мысли сменяют друг друга с хаотичной скоростью, и паника разрастается в моем теле. Они не могли умереть... только не мои родители.

Понимание того, что я никогда не увижу своих родителей, бьет так сильно, эта боль настолько глубокая, что разрушает меня. Чувство такой пустоты переполняет меня, какой я никогда не ощущала прежде. Это как волна, которая смывает все мои счастливые воспоминания прочь, оставляя за собой лишь душераздирающее горе.

Я слишком напугана, чтобы сказать хоть слово, и взглядом умоляю дядю Тома сказать, что все происходящее лишь глупая шутка. Я продолжаю смотреть на дверь, ожидая, что папа и мама войдут в любую минуту.

Они сделают это. Они заберут эту пустоту.

— Медицинский персонал будет ухаживать за тобой. После того, как ты сможешь ходить, ты должна будешь покинуть страну.

Я смотрю на дядю Тома в ужасе от этих слов.

Зачем мне покидать ЮАР? Это мой дом.

Мужчина поднимает матрас под моей задницей, это движение посылает волну боли в спину. Я наблюдаю, как он засовывает толстый конверт под матрас, прежде чем снова вернуть его на место.

— Береги этот конверт. В нем твой новый паспорт и немного денег. Я договорился о получении визы, чтобы ты уехала в Америку, но она будет действительна только три месяца. За такое короткое время я смог сделать только это. Ты не можешь остаться здесь. Будешь в Америке, держись небольших городов и никогда не используй свое настоящее имя. Забудь, откуда ты родом, или они найдут тебя.

Они? Кто они? Почему эти люди должны прийти за мной? Я не понимаю.

Мне хочется кричать от чувства беспомощности, что переполняет меня.

Дядя Том нежно проводит по моей щеке, бросив печальный взгляд, от которого его лицо выглядит изможденным.

— Уезжай из Южной Африки, Кара. Так скоро, как только сможешь, — он наклоняется надо мной и целомудренно целует в лоб. — Беги, Кара. Убегай далеко и никогда не останавливайся!

Я смотрю ему вслед, а затем остаюсь одна в больничной палате с конвертом и сердцем, наполненным острыми осколками одиночества, которые вонзаются в меня при каждом вздохе.

Мгновение я могу только моргать и дышать, прежде чем реальность вновь начинает разъедать мои внутренности.

Мои родители умерли!

Я одна?

Я начинаю плакать, убитая горем и подавленная всем произошедшим.

Мне только восемнадцать. Я не знаю, что делать. Я хочу вернуть обратно своих папу и маму.

Медсестра заходит в комнату и приветливо мне улыбается, но я не чувствую тепла. Она дает мне что-то, и это успокаивает боль, которая терзает мое сердце.

Я знаю, что облегчение только временное, но приветствую блаженный сон с распростертыми объятиями.

Глава 1

Кара

Семь лет спустя...

— Пора закрываться, — говорит мистер Джонсон своим устрашающе тихим голосом.

В самом начале он использовал его, чтобы напугать меня, но вы привыкаете к таким вещам, если нуждаетесь в деньгах. Я сменила так много работ в своей жизни, но продажа чучел животных стала самой нелюбимой и самой странной.

Однажды Мистер Джонсон предложил научить меня «премудростям торговли» (его слова, не мои). У меня точно не было желания учиться быть таксидермистом. Мне просто нужны были еще сто баксов, и я бы ушла. Я уже пробыла здесь слишком долго.

Я живу в одиночестве, но привыкла к этому. Это просто реальность. Задавая себе вопрос — почему это случилось — я ничего не изменю. Лучше просто признать, что это моя жизнь.

Теперь я живу как Кесси Смит — это имя моей матери. Кесси — сокращение от Кассандры и Смит — ее девичья фамилия. Я очень благодарна за этот подарок дяде Тому. Так я чувствую себя ближе к ней.

Я все еще не понимаю ничего из того, что случилось со мной, когда мне было восемнадцать. Нет, вру. Я понимаю боль, потому что это единственное, что было реальным и постоянным.

Я не понимаю, что произошло на лодке или с моими родителями. Я не понимаю, почему я должна была уехать, и почему дядя Том оставил меня.

Я пришла к выводу, что жизнь сложная штука и попытки понять её сведут вас с ума. Жизнь должна быть прожита, каждый новый день просто несет очередные проблемы.

Я живу в США в течение семи лет. Число семь счастливое... Не правда ли? Я больше не могу воспользоваться своим паспортом. Он был действителен только в течение трех месяцев, но этого мне было достаточно, чтобы найти свою первую работу — уборка туалетов на стоянке для грузовиков. Это была дерьмовая работа, вот почему они позволили мне там работать. Дешевая рабочая сила.

Я продолжаю двигаться, как и наставлял дядя Том. Я не остаюсь на одном месте дольше, чем на пару месяцев. Я здесь уже шесть недель и чувствую знакомый зуд, подсказывающий, что пора бежать.

Я не завожу друзей и уж точно не привязываюсь к кому-либо, поэтому мне пришлось оттолкнуть от себя Стивена. Я больше не могла видеться с ним. Если вы испытываете желание с кем-то увидеться, это, как правило, означает неприятности. Когда ты в бегах, нельзя привязываться к другому человеку — иначе он повиснет неподвижным грузом у тебя на шее.

Я подумала, что будет неплохой идеей замутить с ним на одну ночь, увидев, как он проезжал через Скапос. Мужчина приехал только, чтобы поохотиться на оленей, а потом вернуться домой.

У нас был секс, ничего особенного, но это успокоило мою тягу к человеческим прикосновениям.

Но Стивен начал преследовать меня. Я видела, как он ошивался в местном баре, поэтому я перестала туда ходить.

Пора уходить. Я чувствую это нутром.

Натягиваю куртку, которая видела лучшие дни, и убеждаюсь, что нагреватель, который мы держим под прилавком, выключен. Этот магазин уже как ледяная коробка, хотя еще даже не зима.

В то время как мистер Джонсон запирает подсобку, где расположена его мастерская, я быстро достаю мою еду. Вода в чайнике еще теплая, поэтому я просто наливаю ее в чашу с лапшой и жду мистера Джонсона.

Шаркая, он выходит из своей мастерской, и я открываю входную дверь, так чтобы мужчина смог проковылять ко мне. Я не хочу, чтобы он останавливался, потому что тогда мистер Джонсон найдёт для меня кучу работы, которую нужно сделать, и я проторчу здесь ещё как минимум пару часов.

Придерживая дверь ногой, я быстро меняю табличку «открыто» на «закрыто». Когда мы оба выходим из магазина, мистер Джонсон закрывает дверь. Он устало машет мне, прежде чем отвернуться и медленно пойти по тротуару. Полагаю, мне тоже следует идти домой.

Дом.

Такого места для меня не существует. Я переезжаю от одного сомнительного отеля к другому. Это стало моей жизнью с тех пор, как я сбежала из больницы. Я должна была сбежать, но не из-за страха за свою жизнь, а потому что у меня не было никакой возможности оплатить огромный счёт. Я кралась как ночной вор.

Я иду медленно и проверяю, насколько сильно остыл мой обед. Тыкаю палец в чашку и мешаю содержимое до тех пор, пока оно не выглядит достаточно хорошо, чтобы

проглотить. Когда вы живёте несколько лет, питаясь лишь чашкой лапши в обед, вы перестаёте жевать и просто глотаете, так, чтобы масса смогла заполнить ваш рычащий желудок. Сейчас пережёвывание предназначено для тако, или пиццы, или бургеров... тоска.

— Привет, — слышу я, как кто-то произносит приветствие за моей спиной. Я оглядываюсь через плечо и вижу Стивена, бегущего ко мне.

— Ну, это отстой, — бормочу я.

Он догоняет меня и бросается обнимать.

— Куда мы идём?

— Мы? — ох, приятель, у тебя большие надежды. — Мы никуда не пойдём. Я иду домой.

— Я пойду с тобой, — говорит он, слишком радостно, как будто ему повезёт сегодня.

— Я сама дойду, — я сбрасываю его руку с моих плеч и иду быстрее.

— Ох, давай же, детка. Мы хорошо провели время в ту ночь.

Я останавливаюсь как вкопанная и с ненавистью смотрю на него.

— Одну ночь, — я произношу слова по слогам, подняв один палец для акцента. — Это больше не повторится.

Стивен хватается за руку, достаточно крепко, и начинает тащить по улице.

— Я сказала — нет, мудака, — огрызаюсь я, пытаюсь выдернуть руку. В голове звучат тревожные звоночки, и нервное напряжение захлестывает меня.

Лапша выплёскивается из стаканчика мне на руку.

— Ты пролил мой обед! — кричу я на него.

Мужчину, кажется, не заботит потеря моей еды, и он просто продолжает дёргать мою руку, заставляя меня двигаться быстрее.

Мой желудок падает, и, в первые, я на самом деле начинаю сомневаться в себе. Насколько хорошо я знаю этого парня? Что, если он затащит меня в парк и изнасилует? Дерьмо! Что, если он серийный убийца? Чёрт!

— Хорошо, — говорю я, немного запыхавшись. Моё сердце бешено колотится, когда чувство паники затопляет вены. — Иди вначале в бар, а я подожду тебя. Я просто хочу принять душ после рабочего дня, — мой голос дрожит. Чёрт, он может слышать, что я напугана.

— Ну уж нет, детка. Ты никуда не пойдёшь, — огрызается Стивен.

Он тащит меня через улицу. Я слышу скрип автомобильных шин, и к тому времени мои чувства подталкивают меня к действию, но слишком поздно.

Чужие руки хватают меня сзади, а кусок ткани прижимают к моему лицу.

Холодный страх струится по моему телу, когда я начинаю понимать, что нахожусь в опасности.

Испуганный крик вырывается из моего горла, когда меня бросают на твёрдую металлическую поверхность, а затем на мягкое сидение автомобиля. Я слышу, как хлопает дверь, и непреодолимое чувство опасности затопляет меня.

Я успеваю отвернуть лицо от тошнотворно пахнущей ткани.

— Отпусти меня! — кричу я, в то время как пинаю и бью всё, что мне попадается.

Я пытаюсь оттолкнуться и подняться, но меня толкают обратно вниз.

— Давай, давай, давай, — вопит Стивен. — У нас есть посылка.

Что-то жёсткое ударяет меня по голове, а затем я чувствую укол в правое плечо. Я стараюсь вырваться, но слишком поздно.

Весь мой мир качается и вращается.

Глава 2

Кара

Когда открываю глаза, мир кажется размытым. Сначала я думаю, что всё ещё сплю или что нахожусь под водой, но затем чувствую сладость на языке. Я всегда ощущаю металлический привкус крови во сне, но это не он. Этот тошнотворно приторный.

Мои веки тяжёлые, и я с трудом приоткрываю их, щурясь вокруг. Темно. Всё, что я слышу, — это глухой звук, похожий на хлопок. Пока пытаюсь сесть, я жду, что мои глаза приспособятся, но ничего не выходит. Дерьмо! Здесь действительно очень темно, как будто я упала в кастрюлю с чернилами.

— Эй? — я шепчу, потому что слишком напугана, чтобы говорить громко. Никакого ответа, только суровое эхо моего жалкого испуганного голоса.

Я медленно встаю, тщательно проверяя пол под ногами, снова раздаётся глухой звук. Должно быть, я стою на каком-то металлическом листе... я так думаю.

Автоматически вытягиваю руки, боясь во что-нибудь врезаться. Как будто равновесие просто покинуло меня, и а охвативший меня страх полностью отключил мои чувства.

Я слишком напугана, чтобы двигаться, но знаю, что не могу просто стоять тут. Всё мое тело начинает дрожать, как будто оно только сейчас осознаёт, что оказалось в громадном количестве дерьма.

«Давай, Кара», — я пытаюсь внести немного мужества в свои испуганные мысли. — «Найди выход. Тебе просто нужно найти выход. Сохраняй спокойствие и не теряй его».

Я делаю маленькие шажки вперёд, мои руки ужасно трясутся. Когда я врезаюсь в твёрдую стену, моё дыхание превращается в быстрые прерывистые вдохи ужаса: *«Нет! Чёрт, где я?»*

Я прохожу вдоль стены и упираюсь в ещё одну стену, а затем ещё одну... и ещё. Пространство такое маленькое.

«Черт! Я так глубоко в дерьме. Они собираются убить меня. О, Боже. Я умру. Как они нашли меня? Что я сделала не так?» — наступает паника, побеждая весь здравый смысл. Я чувствую, что подошла к углу, и соскальзываю вниз, пока моя задница не касается пола. Я прижимаюсь спиной к холодной, твёрдой поверхности, пока практически не сливаюсь с ней.

Страх провоцирует темноту потянуться ко мне когтистыми пальцами. Кажется, что время замедлилось и не хватает воздуха.

От осознания всего ужаса ситуации мои внутренности дрожат, а во рту становится сухо.

Секунды переходят в леденящие, наполненные ужасом минуты.

Минуты переползают в нервирующие, страшные часы.

Я не знаю, сколько прошло времени. Не знаю, ночь или день на улице. Я не знаю, кто удерживает меня и почему.

Я не знаю ничего, кроме голого ужаса.

Я прижимаю колени к груди и раскачиваюсь, когда слышу громкий удар по одной из стен. Я взвизгиваю и вжимаюсь ещё сильнее в холодный металл. Что, б**дь, это было?

Я собираюсь пройти все эти стадии. Вначале паника, затем страх. Потом я начну убеждать саму себя, что найду способ сбежать, пока снова не буду спокойна. Гнев придет последним, тогда я начну придумывать способы защитить себя. Пока я полна ярости, я воображаю способы, которыми собираюсь убить того, кто держит меня взаперти.

Я перехожу от чувства жара по всему телу к ознобу за секунды, от истерического плача к простому раскачиванию своего тела, как какой-то сумасшедший человек.

Но сейчас, в отличие от всего, что я чувствовала раньше, — это парализующий страх.

Я продолжаю думать, что любая секунда может быть последней.

Я боюсь, что закончится воздух. Что делать, если меня похоронили, а я даже не знаю этого?

Я постоянно представляю, что умру в этой чёрной дыре, и никто никогда не узнает об этом.

Вдруг я слышу скрежет ключа в двери, а затем свет заливают крошечную комнату. Испуганный визг срывается с моих сухих губ. Я быстро сканирую помещение, прежде чем свет погаснет. Тут только серые стены, серый пол и серый потолок. Это выглядит, как маленькая коробка.

О Боже! Они держат меня в каком-то ящике! Они собираются похоронить меня!

Моя грудь начинает сжиматься, и становится трудно дышать. Я покрываюсь холодным потом, и моё тело начинает ужасно трястись.

Я не хочу так умирать.

Горячие слёзы текут по моим щекам, но я слишком напугана, чтобы их вытирать.

Мужчина, стоящий у двери, просто смотрит на меня, и это до чёртиков пугает. У него неровная бородка и лохматые, тёмные с проседью волосы. Он довольно высокий, с широким торсом и заметным животом, что говорит о том, что мужчина, стоящий передо мной, живёт безбедной жизнью.

Мне требуется время, чтобы узнать его, но когда я это делаю, облегчение накрывает меня, и на мгновение я чувствую слабость и головокружение.

— Мистер Аттридж? — квкаю я, а затем начинаются слёзы.

Я пытаюсь встать, опираясь на стену. Мои ноги дрожат, что угрожает падением в любую секунду.

Раньше мистер Аттридж постоянно приходил к нам домой. Он, папа и дядя Том были очень близки до несчастного случая.

Мужчина хмурится и теперь выглядит далеко не дружелюбно. Момент моего облегчения был недолговечным, слёзы высыхают до того, как страх накрывает меня.

— Кара, — говорит он, когда заходит в комнату. Мужчина закрывает дверь, и я больше не могу его видеть.

Моё сердце колотится, и я вздрагиваю, когда пламя спички на мгновение освещает небольшое пространство. Маленькое пламя заставляет жуткие тени прыгать и танцевать на металлических стенах.

Он закуривает сигарету, а затем всё, что остаётся, это светящийся красный уголёк.

— Представь себе наше удивление, когда мы увидели, как ты идёшь по дороге к бару Иззи. Ты так похожа на свою мать. Пусть земля ей будет пухом, — мужчина затягивается, и уголёк горит ярче, придавая мрачность маленькому помещению.

— Глупо было менять своё имя на имя матери. Ты сделала свои поиски такими лёгкими.

Мистер Аттридж делает ещё одну затяжку, снова освещая лицо страшным красным мерцающим светом.

— Да, это был действительно глупый поступок, — шепчет он, от чего холодный озноб бежит вверх по моему позвоночнику.

— Итак, к несчастью для тебя, у нас есть счёты с твоим отцом, — я слышу его южно-африканский акцент, который давно забыла, слышу, как он плюёт, и не понимаю, почему этот мужчина здесь, почему я здесь.

Я начинаю дрожать, и страх набухает в груди до тех пор, пока не начинает душить.

— Я не понимаю! — кричу я, когда страх становится слишком сильным, чтобы его выносить.

— Я знаю, моя девочка. Мне очень жаль, но именно так обстоят дела. Ты знаешь, как это работает. Дети платят за грехи своих отцов.

Дверь снова открывается, и входят три человека. На мгновение я могу видеть только их силуэты на фоне резкого солнечного света, льющегося позади них. Один из мужчин держит камеру и возится с ней, пока красный индикатор не начинает мигать.

Зачем, нахрен, им нужна камера?

Другие два подходят ближе ко мне, и мой взгляд устремляется к ним.

Стивен! Стивен один из них?

Стоя неподвижно, я могу только дрожать и смотреть.

Как же я была неосторожна. Все это время они наблюдали за мной. Я совершенно забыла, что скрываюсь, чтобы выжить.

— Скажи своё имя на камеру, девочка, — приказывает мистер Аттридж.

— Каси Смит, — выпаливаю я. Я не хочу разозлить их.

— Настоящее имя! — раздраженно огрызается он, и я вздрагиваю от враждебности в его голосе.

— Кара Эллисон, — стук моего сердца отдаётся в ушах.

— Скажи дату своего рождения, — снова приказывает он.

— Девятое октября, — я стараюсь смотреть одновременно на каждого, но в основном на Стивена и мистера Аттриджа.

— Кем тебе приходится Ральф Эллисон? — рычит он, и мой желудок скручивается от ужаса.

— Он мой отец, — хнычу я.

— Всего десять минут, парни. Нам нужно достаточно плёнки, чтобы этот кусок дерьма осознал, что мы настроены серьёзно. После того, что мальчики сделают с тобой, твой дядя прибежит тебя спасать, так же, как тогда, когда я убил твоих родителей. Не сердись, Кара, просто так всё устроено. Без обид, — я смотрю на мистера Аттриджа огромными от ужаса глазами, когда он протягивает сигарету мужчине рядом с ним. — Держи, Генри.

А затем он уходит, оставив меня с тремя мужчинами.

Когда дверь камеры закрывается, вспыхивает яркий свет, на меня направлен луч прожектора. В ярком свете всё остальное вокруг меня тускнеет. Моё тело начинает трястись, и я вжимаюсь обратно в холодную стену.

Что происходит?

Что они собираются делать?

Миллион ужасных сценариев проносится в моём сознании, стягивая холодной хваткой паники мои внутренности.

Генри двигается первым и идёт прямо на меня. Он выглядит, как громадная тёмная масса. Я кричу и уворачиваюсь в сторону, но мужчина хватается за руку, дергая обратно.

На меня падает ослепительный свет, и крошечная красная лампочка говорит мне о том, что они записывают всё это.

Голос Генри — это злобное рычание, которое будоражит каждый нерв и заставляет мои внутренности дрожать.

— Не стой столбом. Тащи свою задницу сюда и оставайся внизу.

Меня насильно вытаскивают из угла. Я теряю равновесие, а мои колени с силой ударяются об пол. Зубы стучат, и я прикусываю язык.

— Снимай куртку, — рявкает Генри.

— Нет! — визжу я, пытаюсь отодвинуться. — Пожалуйста, не делайте этого. Я ничего не знаю, — прошу я, и это всё, что мой мозг может придумать в этот момент.

От паники мои движения становятся бешеными и неконтролируемыми, а воздух становится горячим и спёртым из-за количества людей, находящихся в небольшом пространстве. От дыма сигареты мне хочется заткнуть рот.

Стивен встает перед светом, что заставляет его исчезнуть. Секунду я сижу в шоке, прежде чем все мои чувства устремляются обратно ко мне. Пальцы Генри вонзаются в

мои лодыжки, и он дёргает меня к себе. Я падаю на спину, а моя голова ударяется о жёсткий стальной пол, вызывая ещё один гулкий звук, который создаёт вибрацию на полу и в моём теле. Я начинаю паниковать, от удушья мои внутренности сжимаются.

— Пошёл ты! — я плюю в них и начинаю пинаться со всей оставшейся в моих ногах силой. Мне удаётся ударить Генри в грудь, и он падает на задницу.

Я использую этот момент победы, чтобы подняться на руки и колени. Я отползаю, и каждое движение, что я делаю, отдаётся эхом в крошечном пространстве.

Стивен следует за мной, и я спешу встать на ноги, чтобы убежать или, по крайней мере, защитить себя. Мои инстинкты, наконец, сработали. Лучше поздно, чем никогда!

Яркий слепящий свет мешает видеть. Мужчины набрасываются на меня, и испуганный крик вырывается из меня. Так много рук пытаются схватить меня.

Я дёргаюсь и бью, но чувствую, что промахиваюсь. Всё, что я слышу, это тяжёлое дыхание, безусловно, моё собственное и их, приближающихся ко мне.

В одно ужасное мгновение мои руки болезненно дёргают назад, а затем куртку срывают с моего тела. Моя задница жёстко ударяется о пол, когда меня толкают вниз.

Я продолжаю биться, пинаясь ногами и рычать, как одержимая. Страх захватил каждую мою частичку. В этом безысходном ужасном состоянии есть только одна мысль — выживание. Я должна пережить это каким-то образом.

Я всегда думала, что жизнь была холодной. Я всегда описывала её холодной. Я была так неправа, так сильно неправа.

Страх делает ваш разум устрашающе кристально чистым. Так, что вы можете видеть каждую мелочь, происходящую вокруг вас. Ваше тело работает исключительно на адреналине без единой капли крови, пульсирующей по венам.

Я слышу шелест их одежды, когда они двигаются вокруг меня.

Я чувствую свист воздуха, когда Генри отдёргивает руку. Клянусь, что моя кожа тонко натягивается на моём лице, когда я ожидаю удар.

Незнание делает это гораздо хуже.

Страх делает боль хуже.

Страх заставляет время остановиться.

Страх превращает людей в монстров, а каждый звук в предупреждение о том, что может произойти.

Кулак жёстко врежется в мою щеку, и голова откидывается назад от силы удара. Я кричу, и это звучит отчаянно даже для моих собственных ушей. Боль охватывает всю левую сторону моего лица, заставляя её пульсировать своим собственным сердцебиением.

Затем противный голос Генри прокатывается сквозь темноту.

— Снимайте блузку.

Рычание переходит в хриплые вздохи.

Я пытаюсь отползти, но они намного быстрее, чем я. Стивен двигается позади меня, и желчь жжёт мне горло. Мне бы хотелось выблевать всё на них. Может быть, тогда бы они остановились.

Но меня не рвёт, а моё тело бьётся в конвульсиях, когда следующим меня хватает Стивен.

Я просто не могу позволить им избить меня.

Дерьмо, что, если они изнасилуют меня?

О Боже! Я не переживу этого. Лишь мысли о том, что один из этих ублюдков приблизит свой член ко мне, было достаточно, чтобы заставить меня превратиться в дикого зверя.

Я пытаюсь замахнуться локтем в Стивена. Движение лишает меня равновесия, и я падаю на бок, замахиваясь в никуда, не ощущая ничего, кроме спёртого воздуха.

Стивен хватает меня за блузку, а затем дёргает её вверх, в ослепляющий момент ужаса, стягивая её вокруг моей шеи и перекрывая мне подачу воздуха. Он дёргает снова, и от его силы мою голову отбрасывает назад. Материал жалит кожу, а затем исчезает.

Разгоряченный воздух прилипает к моему избитому телу, и я чувствую себя ужасно обнажённой.

— Нет! Пошёл ты! Нет! — кричу я, пока моё горло не начинает гореть.

— Хватай её руки, — рычит Генри, но я вижу только красный, горящий уголёк сигареты, который освещает его лицо. Боже, он выглядит злобно, будто сам дьявол.

— Отпусти меня! — кричу я, начиная извиваться и пинаться, пытаюсь вытащить себя из этой безвыходной ситуации.

Генри ставит колено поверх моих бёдер, а его левая рука обрушивается на мою грудь. Он силой укладывает меня обратно на пол, а потом тушит сигарету о мой бок. Жжёт сильно, но это ничто в сравнении со страхом неизвестности того, что они собираются делать дальше.

Мужчина отбрасывает сигарету, а затем обрушивает кулак на меня. От боли я вытаращиваю глаза, и мир начинает вращаться. Медный вкус крови взрывается у меня во рту, от чего моё горло обжигает желчью.

Следующий удар ощущается, как попытка проделать дыру в моём лице. Третий удар заставляет яркий свет поблекнуть, а боль вступает во владение моим телом, пока не ощущается так, что кажется, болят даже зубы.

Я перестаю сражаться, и моё тело слабеет. Кровь заливает мой рот, стекает с уголка губ и бежит вниз по моей больной челюсти. Последнее, что я помню, это острая боль в груди, когда его нога встречается с моими рёбрами.

***

Темнота медленно убивает меня, но ослепительный свет пугает ещё больше. Я знаю, что это длится четыре дня. Это вроде бы не слишком долго, но они делают запись один раз в день для дяди Тома. Я не думаю, что дядя Том собирается помочь мне в этот раз. Я не говорила с ним все эти годы. Чёрт, даже не знаю, жив ли он.

Каждый день мистер Аттридж добавляет пять минут к избиению. Вчера двадцать пять минут ощущались, как двадцать пять лет. Я думала, что это никогда не закончится.

Я боюсь сегодняшнего дня! Каждый звук заставляет меня подпрыгивать от страха.

Каждый день они снимают предмет одежды. На второй день это были мои кроссовки, на третий — носки, еще один день — джинсы. Они продолжают забирать мою одежду, оставляя мне всё меньше и меньше.

Я постоянно дрожу и не знаю, то ли это от холода, то ли от страха. У меня осталось только два элемента одежды.

В первый день я всё ещё пребывала в шоке. Я не ела, когда старик принёс еду. Во второй день я заставила себя двигаться. Я передвигалась, преодолевая боль, после того, как они пинали и били меня, и я ела. Было трудно удержать еду в себе.

Третий день был хуже, вчера я не смогла удержать пищу вообще. Думаю, что у меня сломано ребро или два. Моё правое бедро болит больше всего, как будто кто-то постоянно толкает кулаком в мой бок.

Крохотное пространство воняет рвотой и кровью. *Так пахнет смерть.*

Старик никогда не смотрит на меня. Он просто кладёт еду и воду, а потом спешно уходит. Я проигрывала в голове идею попытки одолеть его, но я даже долго не могу стоять на своих собственных ногах, не говоря уже о том, чтобы драться с человеком.

Я слышу скрежет цепи снаружи и сильнее вжимаюсь в угол, так сильно моё тело кричит от боли. Я знаю, что это не поможет, но таков инстинкт. Низкое рычание возникает глубоко в моём горле, и я звучу как животное, которое не что иное, как побитая собака.

Когда Стивен заходит один, я хмурюсь. Он не принимал участия ни в одном из ужасных избиений. Он только держал меня.

Я наблюдаю за тем, как мужчина устанавливает камеру на штатив, затем нажимает на запись, и ослепительный свет снова падает на меня.

— Так что, теперь ты собираешься бить меня? Ты, наконец, отрастил пару яиц, придурок? — огрызаюсь я, злясь, что позволила монстру прикасаться ко мне.

— Нет, бить — это работа Генри, — говорит он спокойно. Слишком спокойно, на мой взгляд.

Стивен возится со своим ремнём, и мой рот сам собой открывается. Я качаю головой и изо всех сил стараюсь подняться на ноги.

— Я не позволю тебе трахнуть меня.

— Давай, детка. Это будет как в старые времена.

Он расстегивает джинсы, а затем тянет молнию вниз, открывая боксеры.

Новая волна адреналина поднимается во мне, и я бегу к двери. Я даже не пробегаю полпути, когда меня сбивают с ног. Моё тело жёстко врежется в пол, я лежу лицом вниз и кричу от боли, разрывающей меня.

Прежде, чем я могу подняться, Стивен хватается мои бёдра, увлекая меня обратно. Я царапаю пол, как дикая кошка, пытаюсь за что-нибудь схватиться так, чтобы отстраниться от него.

Стивен вскарабкивается на меня, вжимая мое тело сильнее в пол всем своим весом.

— Отстань от меня! — я пытаюсь толкнуть его локтем, но он отдёргивает мою правую руку в сторону, прижимая её к грязному полу. Мужчина использует свои колени, чтобы шире раздвинуть мои ноги, а я стараюсь ударить его в ответ. Я пытаюсь использовать всё свои силы, чтобы сбросить его, чтобы суметь подняться.

— Нет! — в момент отчаяния, я прибегаю к просьбе. — Пожалуйста, не надо.

Я пытаюсь сопротивляться, но так как лежу на животе, большинство моих попыток бесполезны. Мои лёгкие в огне от панических вдохов. Где-то внутри меня вспыхивает гнев, и я кричу, выпуская некоторую долю отчаяния.

Стивен даже не утруждается, чтобы снять мои трусики. Я чувствую, как его член прижимается к моей заднице, и желчь, поднятая волной отвращения, прожигает путь в моём горле.

Он пальцами отпихивает тонкий хлопок в сторону.

— Нееееет! — я кричу, когда его член врежется в меня, но вся моя борьба и протест, кажется, только больше возбуждают его. Он продолжает вколачиваться в меня, стараясь изо всех сил вставить свой член, пока держит меня прижатой к полу. Я пытаюсь сжать ноги, но его колени блокируют все мои попытки.

Мужчина насильно входит в меня, лежащую на полу, и я не могу сдерживать безутешные крики ужаса.

— Нет, — это единственное слово, которое может выдавить мой мозг в этот момент абсолютного унижения. Кажется, как будто острые ожоги горя ранят меня.

— Не волнуйся, детка, — бормочет он, тяжело дыша. — Я быстро. Ты не запомнишь это надолго, — он продолжает вколачиваться в меня, каждый толчок — обжигающий удар. Я чувствую себя обнажённой и раздавленной.

— Завтра Генри выбьет тебе мозги, — снова крикает Стивен, его тело дёргается быстрее. Он с силой кончает, содрогаясь на мне, как если бы моя неминуемая смерть больше всего зависела от него.

— Ты же не думала, что выживешь? — я чувствую его липкое дыхание у своего уха, а затем он шепчет.

— Но сначала мы все немного повеселимся с тобой. Ты будешь просить Генри о пуле между глаз, к тому времени, как мы грубо тебя оттрахаем.

Стивен хватается меня за волосы и рывком поднимает с пола. Я чувствую его липкую сперму, стекающую вниз по моим бёдрам, и каким-то образом это делает всё намного хуже. Я чувствую себя грязной и пустой, как выброшенный мусор.

Он толкает меня ближе к камере, а затем общается непосредственно с ослепительным светом.

— От неё ничего не осталось, Том. Тебе следовало дать нам деньги, когда мы просили.

Мужчина отталкивает меня в сторону, и я с шумом падаю на колени. Я даже не утруждаюсь встать, вместо этого сворачиваюсь в позе эмбриона.

Я не замечаю его ухода, не замечаю ничего, кроме липкой влаги между ног, из-за чего от тошноты у меня крутит живот.

Пустота простирается и растёт внутри меня, пожирая каждую частичку, которая делает меня человеком.

Мой разум впервые спокоен, как будто его выключили.

Я не думаю о том, как сбежать.

Я не думаю о том, как причинить им боль в ответ.

Я просто не думаю.

Что толку думать. Я уже мертва.

Они убили моё желание жить.

Глава 3

Кара

— Девочка! — шёпот исходит от старика. Он стоит прямо за дверью. Это странно, потому что слишком рано нести мне еду.

Может быть, это мой последний приём пищи?

Невесёлый смешок срывается с моих губ. Хах! Как я удержу что-нибудь в себе?

— Будь готова бежать, — шепчет он.

Дверь со скрипом открывается, моя голова кружится так, что я едва ли понимаю, что происходит, но старик уже ушёл. Я не уверена, что расслышала его правильно. Он сказал «бежать»?!

Дверь остаётся открытой, и солнечный свет льётся внутрь. Я не могу пошевелиться. Боюсь, что сошла с ума.

Я слышу хруст гравия под тяжёлыми шагами. Тёмная фигура появляется в дверях, и я вновь съеживаюсь.

— Пожалуйста, — хнычу я. Да, я прошу о своей никчемной жизни.

Я не знаю, сколько раз повторяла это слово за последние несколько часов. Я сломлена, и все, что мне осталось, это тихо умолять, чтобы меня оставили в покое.

Мужчина подкрадывается ко мне, и я хнычу, отшатываясь назад как трусиха. Когда он опускается на колени рядом со мной, я ожидаю удара, но вместо этого он снимает свой пиджак. Я сильнее вжимаюсь в стену. Я не хочу, чтобы меня снова насиловали. Уж лучше, пусть просто убьют.

Отвращение и ненависть вскипают внутри меня как вспышки, мучающие меня по ночам. Истинный кошмар — это воспоминания, с которыми тебе придётся столкнуться, когда ты проснёшься. Каждый раз, когда ты чувствуешь, что способен вздохнуть, они просто тянут тебя глубже, душат сильнее.

— Двигайся, — огрызается мужчина ледяным тоном. Не дожидаясь, он просто хватается за плечи сильными руками. Я отшатываюсь от его прикосновения, но он поднимает меня на дрожащие ноги и засовывает мои руки в рукава пиджака. Я слышу свист наверху, а затем ощущаю его пальцы, которые крепко обхватывают мою руку.

Моя первая мысль — и это вопрос, для чего насильнику одевать свою жертву?

Моя вторая мысль о том, что он не изнасилует меня, а убьёт, и я не уверена, что чувствую по этому поводу.

Бывали моменты, когда я хотела, чтобы они просто убили меня. Я боюсь не смерти, а скорее того, где я окажусь впоследствии. Я не уверена, куда попаду после смерти, рай или ад меня ждет, и от этого страх просачивается в мою душу, пока я дрожу, судорожно рыдая.

— Держись за мной всё время. Не кричи. И не выходи вперёд меня, — слышу я грубый голос. За доли секунды смысл его слов проникает в мой испуганный разум. Я не знаю, почему он говорит мне это, и у меня нет времени обдумать его слова, потому что он уже двигается и тянет меня за руку.

Я делаю свой первый неустойчивый шаг вперёд, а затем меня посещает третья чёткая мысль — на самом ли деле он помогает мне? Могу ли я надеяться, что он здесь, чтобы спасти меня?

Второй шаг причиняет боль, и при каждом движении липкость и саднящая боль между ног напоминают мне о гнусных вещах, которые со мной делали.

Когда мы достигаем двери, я отчаянно ловлю ртом воздух, пытаюсь проглотить боль и мучительные воспоминания.

— Я подожгу комнату, Хищник. Ты делай свою работу, — говорит старик мужчине, держащему меня за руку.

Что, чёрт возьми, это за имя — *Хищник*?

Мужчина тянет меня за собой, и моя грудь сжимается, стоило ему отпустить мою руку.

Дерьмо, это оно!

О, мой Бог. Я не готова умереть.

Сердце колотится так сильно, и я понимаю, что каждый из этих ударов сердца может быть последним.

Но затем мужчина протягивает мне левую руку, и я отчаянно хватаюсь за неё.

Меня не волнует, как его зовут, до тех пор, пока он здесь, чтобы помочь мне.

Пожалуйста, пусть он будет здесь, чтобы помочь.

— Мне нужно, чтобы моя правая рука была свободной, — шепчет он мрачно. Я бросаю взгляд на его лицо, и меня снова наполняет ужас. Этот мужчина, без сомнений, самый пугающий человек, которого я когда-либо видела.

Каждая черта его лица резко выражена, когда он достаёт пистолет из-за спины. Я понимаю, что даже не заметила оружие, видимо, оно было заправлено сзади за пояс штанов. В горле пересыхает, я не могу проглотить густую слюну, покрывающую мой рот внутри. Мужчина слегка подталкивает меня, пока я не оказываюсь прямо позади него, а затем я вспоминаю, что он сказал, — я должна оставаться позади него.

Я цепляюсь за него обеими руками. Мы идём в сторону простого на вид дома. Я чувствую позади себя тепло и бросаю взгляд через плечо. Старик поджёт грузовой контейнер.

Затем реальность осеняет меня. Меня держали в грузовом контейнере! Как легко бы было избавиться от моего тела!

Ублюдки!

— Мы собираемся войти. Мы убьём их и уйдём. Ничего не трогай. Не оставляй никаких следов, которые могут привести к нам, — мужчина так сосредоточен, что я могу чувствовать напряжение, волнами исходящее от него.

— Мы? — мой затуманенный мозг цепляется за слово.

— Рад видеть, что ты всё ещё мыслишь достаточно ясно, чтобы слышать, что я говорю, — говорит он хрипло. Уголок его рта дёргается вверх. — Без криков и обмороков. О, и, безусловно, без рвоты.

Я делаю шаг назад, униженная тем, что он мог почувствовать тошнотворный запах, исходящий от меня.

Хищник идёт первым, а я лишь перемещаюсь так, чтобы не отставать от него. Мы не бежим. Всё внутри меня кричит мне бежать, но я остаюсь позади мужчины, как жалкая марионетка, плетущаяся за своим хозяином.

Он усиливает свой захват на моей руке, когда мы подходим к дому, и я вижу, как напрягается его челюсть, от чего лишь сильнее нервничаю.

Когда мы поднимаемся по ступенькам на крыльцо, я упираюсь взглядом во входную дверь.

Почему, черт возьми, я не бегу в обратном направлении?

Почему я просто позволяю ему тащить меня за собой?

Мне следовало бы драться, пинаться и кричать!

Мой разум несется от абсолютной паники к бездне, заполненной пустотой.

Я вижу, как мужчина поднимает руку, но ничто не может подготовить меня к громкому хлопку, когда он стреляет в отверстие замка. Входная дверь содрогается, скрипя на петлях. А потом всё происходит так быстро, что я не успеваю отреагировать, словно кадры какого-то гангстерского фильма.

Вспышки и громкие хлопки.

Крики и кровь.

Мужчины бросаются на Хищника, а он, не отпуская моей руки, двигается быстро и точно, как если бы делал это миллион раз.

Всё, что я могу, — это стоять как вкопанная, мои глаза расширяются от шока, а сердце скачет все быстрее, как у дикой лошади.

Мир вокруг замедляется, однако, всё внутри меня мчится с бешеной скоростью.

С каждым выстрелом Хищник попадает в цель, красный цвет расцветает, окрашивая все вокруг, как в фильме ужасов. Только это не кино. Это настоящие люди, падающие на пол, настоящая кровь и реальные крики ужаса... кстати говоря, я не кричу, так как слишком шокирована.

— Оставайся тут, — рычит мужчина. Я застываю, наблюдая, как Хищник толкает тяжелую дверь справа от меня. Оттуда слышится ругань.

— Б**дь! — кричит кто-то, а затем следует ещё больше выстрелов.

Любой нормальный человек будет убегать, крича, от этого кошмара, но я стою, замерев, наблюдая, как они умирают. Я много раз представляла, как они все умрут, но их смерть в моем представлении не была такой простой. Я хочу, чтобы они горели как тот контейнер снаружи.

Мужчина возвращается в гостиную. Его лицо выглядит мрачным, глаза постоянно ищут цель.

Он похож на хищника. Теперь я понимаю, почему его так зовут.

Его взгляд останавливается на мне, заставляя моё сердце подпрыгнуть к горлу. Мужчина поднимает пистолет на несколько дюймов выше и направляет прямо мне в голову. В следующую секунду его палец спускает курок, а я смотрю в его глаза. Они холодные и расчётливые, там нет эмоций. Я слышу громкий хлопок, громче, чем все остальные, но не могу заставить себя наклониться, чтобы прикрыться. Я даже не вздрагиваю, когда чувствую лёгкий ожог на моей щеке, а потом слышу, как что-то тяжелое падает позади меня. Испуганный вздох вырывается из меня, страх заставляет мою кровь быстрее нестись по венам.

Дерьмо, он не собирался стрелять в меня. Я даже не могу заставить себя наорать на него.

— Хорошая девочка, — выдыхает он мрачно. Мужчина снова берёт меня за руку и тянет к входной двери. Я делаю всё возможное, чтобы не смотреть на изувеченные тела, но мои глаза помимо воли сами натыкаются на них, наполняя меня чувством сумасшедшего облегчения.

Мы почти у двери, когда я замечаю камеру. Я тяну Хищника за руку, чтобы привлечь внимание.

— Подожди, здесь камера, — она лежит на кофейном столике с треногой, а рядом с ней небольшая стопка карт памяти.

— И? — огрызается он. Очевидно, он не знает, что меня снимали.

— Они делали записи со мной для... — я останавливаюсь, не желая говорить больше, но он понимает.

— Нам нужна сумка. Не прикасайся ни к чему, кроме сумки, — его голос становится еще более напряженным. Мне некомфортно от того, что мужчина напряжён. До этого момента он оставался самым спокойным из нас двоих. Мы не можем оба потерять наше здравомыслие, ведь я уже полностью потеряла свой разум.

Мы находим бумажный пакет на кухне. Когда мы мчимся в гостиную, моя нога врежется во что-то твёрдое, и я едва не падаю. Я пытаюсь не смотреть на мёртвые тела и кровь, которые повсюду вокруг меня, но мой взгляд падает вниз. Я вижу кровь, Боже, её так много! Сама не желая, я вглядываюсь в чье-то мертвое лицо, и от резкого узнавания у меня сосет под ложечкой. Это Стивен! Я с отвращением отшатываюсь назад.

— Не начинай это дерьмо сейчас. Нам нужно убираться отсюда, — Хищник огрызается на меня. Он толкает меня вперёд, и трясущимися руками я помогаю ему засунуть карты памяти в пакет.

Мужчина снова хватается за руку и тянет к входной двери. Я смотрю прямо вперёд, а затем вижу траву. Я вырываюсь на свободу и устремляюсь вперёд, как будто, наконец, освобождена. Как только преодолеваю крыльцо, я бегу так быстро, как только могу.

Мои ноги подкашиваются, и я падаю на гравий, не добегая до травы, которая оказалась дальше, чем я думала.

Я слишком напугана, чтобы двигаться.

Я слишком напугана, чтобы оглянуться назад на того, кто приближается.

Я слышу хруст гравия позади, и моё сердце опускается. Я сжимаюсь и начинаю плакать. Я рыдаю, потому что даже Бог не поможет мне.

— Кара, — сквозь шум в ушах я слышу свое имя. Хищник произносит его так, как будто на самом деле беспокоится. Так странно. — Пора идти. Теперь ты в безопасности.

Когда он приседает рядом со мной, мне впервые удастся его рассмотреть. Его тёмно-коричневые волосы короткие и выбриты по бокам. Его лицо угрюмое и суровое, а борода придает еще больше мрачности. Одного взгляда хватает, чтобы понять, что перед тобой жесткий человек, словно высеченный из камня. Затем я вижу его глаза. Серые глаза. Свиные глаза.

Я опускаю взгляд. У него, безусловно, глаза, которые видят всё, также как и стены, в которых я была заперта, видели всё.

На мгновение эмоции грозят захлестнуть меня и утопить в ужасе, который я пережила, но я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на пустоте, которая окутывает мою душу. Я предпочла бы ничего не чувствовать и не вспоминать о случившемся кошмаре.

— Сейчас мы уйдём. Ты можешь идти? — спрашивает мужчина рядом со мной, вырывая меня из тёмных мыслей. Я пытаюсь подняться, но того адреналина, что был, уже нет. — Хорошо, тогда не пойдёшь, — говорит он.

Его руки скользят под меня, поднимая. Я ощущаю себя маленькой в его руках. Он намного больше, чем я, однако, я чувствую себя маленькой потому, что ничего не осталось от человека, которым я когда-то была.

Хищник уносит меня, и мне все равно — куда, лишь бы подальше от этого контейнера, от этого места.

Я чувствую, что вот-вот отключусь. Мой разум, моё тело, моя душа — каждая частичка меня устала сражаться.

— Ты в безопасности. Сейчас ты со мной, — это последние слова, которые я слышу.

Глава 4

Дэмиан

Я наблюдаю за тем, как девушка медленно приходит в сознание. Я видел всё это так много раз, что привык, но моё восприятие происходящего не изменилось.

Большинство людей, к которым меня посылают, чтобы вытащить их из дерьмовых ситуаций, подобных той, в которой я нашёл Кару, теряют свое человеческое обличье чертовски быстро. Они плачут, бесятся, блюют. Б**дь, они блюют так много, но, на самом деле, винить их не в чем. Это тот способ, с помощью которого их тела справляются с шоком.

Обычно я остаюсь с ними только на день, прежде чем передаю их человеку, который послал меня за ними. Но не в этот раз — я должен охранять Кару до тех пор, пока не удостоверюсь, что она в безопасности. Её дядя послал меня, и я должен буду немного исказить правду так, чтобы Кара никогда её не узнала.

Я должен научить её быть призраком, чтобы она снова не попалась. Это станет самой трудной частью, если всё пойдёт по плану.

Её глаза распахиваются, они расфокусированные и растерянные. У неё рыжие волосы, они грязные и торчат во все стороны. И зелёные глаза, которые на фоне рыжих волос выделяются еще сильнее. Всё это делает её лицо легко узнаваемым. Я вижу, что девчонка настоящая красавица, даже при всех синяках, которые покрывают её лицо и тело. Она имеет тот хрупкий вид красоты, который заставляет тебя хотеть защитить её, но всё же, они избили девчонку до полусмерти.

Мне легко убивать, я просто целюсь и стреляю. Либо их, либо меня, но я бы никогда не смог ударить женщину, особенно если она выглядит так, как Кара. Я чувствую волну удовлетворения, я почти под кайфом от убийства этих ублюдков.

Я получал кайф каждый раз, когда спасал кого-то, с каждой выпущенной пулей, с каждым трупом, который падал на землю. Но с годами кайф уходит, и приходит отстранённость. Это стало привычкой. Идти и брать цель... и не оставлять свидетелей в живых.

Иногда, чтобы получить помощь, мне приходится звонить Джеффу. Он уже совсем старик и выглядит безобидно, но этот человек всё ещё может постоять за себя в бою, даже после отставки из ФБР. Он не боится испачкать руки, чтобы выкопать себе путь напрямик в сердце адской дыры. Джефф перед каждым заданием проверяет план операции, расположение противников, изучает, насколько трудно будет извлечь цель. Когда он собирает всю информацию, то передаёт её мне, а затем я иду убивать.

Я доверяю только Джеффу, потому что он был тем, кто дал мне мою первую работу. Мы работаем вместе двенадцать лет. Б**дь, это ощущается, как целая жизнь.

Кара откашливается, чем привлекает моё внимание. Они хорошо поработали над ней. Её лицо сплошь покрыто синяками, челюсть опухла, под глазами кровоподтеки. Меня передёргивает, когда я замечаю ожог на её щеке. Пуля прошла слишком близко. Я нахожу утешение в том, что девушка жива, что прикур, который приближался к ней сзади, мёртв. Ожог заживёт.

— Ты проснулась. Хорошо, — говорю я.

Я сохраняю свой голос нейтральным, как и всегда. Я не могу дать цели ухватиться за кусочек эмоций. Одно дело, если я провожу с ними только один день, затем я обычно готовлю их, прежде чем тот, кто нанял меня, приходит их забрать. Но если они должны остаться со мной дольше, чем на один день, что бывает крайне редко, я держусь достаточно холодно. Это проще для всех, когда не вовлечены эмоции.

Взгляд Кары блуждает по комнате. Тут нет ничего, кроме двух кроватей и стола. Мотель выглядит дерьмово, но чем хуже он выглядит, тем лучше для нас. Так проще скрыться.

— Ты тот мужчина... — она снова прокашливается. — Ты помог мне? — девушка хмурится, морщась от боли. Я ещё не знаю масштаба её травм. Я хотел дать ей отдохнуть, но теперь, когда она встала, мы должны осмотреть её раны и хорошенько их промыть.

— Хищник?

О, да, мне дали такое прозвище. Я больше не использую своё настоящее имя. Но Кара пробудет со мной год, и я не могу позволить ей называть меня «Хищником», пока она живёт у меня.

— Дэмиан, — я говорю имя, которое использую в течение последних нескольких лет, наблюдая вспышку замешательства на её избитом лице.

— Меня зовут Дэмиан Вестон, — я вижу, как понимание отражается на её лице.

— Дэмиан, — шепчет она, словно пробуя мое имя на своих сухих, кровоточащих губах.

— Отлично, сегодня ты разговариваешь. Это очень хорошо.

Я хлопаю руками по своим бёдрам, а затем встаю со стула, на котором сидел в углу в течение последних четырнадцати часов.

— Пора тебя вымыть.

Я иду в ванную, чтобы включить воду. Когда я захожу обратно в комнату, Кара изо всех сил пытается сесть. Это важно для неё, сделать *большую* часть самой, независимо от того, как это трудно. Я не могу позволить ей стать зависимой от меня.

Женщины особенно похожи на раненных птиц. Вы должны позволить им исцелиться самостоятельно, или они никогда не выкарабкаются. Они не смогут постоять за себя, если вы будете с ними нянчиться. Женщины, как правило, видят тебя героем в своих кошмарах, а затем они хотят, чтобы ты продолжал отгонять монстров в темноте. После того, как вы позволите этому случиться, — всё кончено, вовлекаются эмоции и разбиваются сердца.

Кара стонет и падает обратно на кровать, закрывая глаза.

— Нет. Не спать. Прежде всего, ты должна помыться, — в этот раз я говорю немного грубее.

Я хватаю обезболивающее, стакан воды и иду к ней.

— Подними голову, Кара, — говорю я резко, и её глаза распахиваются по моей команде. — Тебе нужно помочь мне, — требую я.

Она слушается и поднимает голову. Я засовываю две таблетки ей в рот, а затем передвигаю руку ей за голову, помогая сглотнуть лекарство. Нет смысла, если она подавится, всё будет впустую. Я подношу стакан к её губам, и девушка делает несколько вялых глотков.

— Мыться будет больно, но если ты этого не сделаешь, то получишь инфекцию, а нам не нужно подобное дерьмо. Ты почувствуешь себя лучше после этого. Я обещаю, — говорю я, ставя стакан обратно на стол.

Я отбрасываю одеяло назад. Всё её тело напрягается, а с лица сходят все краски.

Кара так испугалась, что я могу почти почувствовать её страх.

Я тяну её за руки и заставляю принять сидячее положение.

— Небольшая помощь, Кара, — затем я тяну, поднимая её на ноги, и на этот раз в её теле больше силы. Девушка стоит на ногах, хоть и покачивается, и я быстро хватаю её за талию.

Она снова напрягается и отодвигается от меня.

— Я могу идти. Я в порядке, — невнятно произносит она через боль.

Я киваю и отступаю. Независимо от того, как сильно я хочу помочь, я не могу нянчиться с ней. Девушка делает шаг, но хватается за меня. У меня было такое дерьмо раньше, моей цели трудно иногда понять, что я убийца, а не их парень.

Кара

Есть что-то в том, когда теряешь себя, прибывая в состоянии опустошения и наполненности болью. Всё, что есть на мне, — это его пиджак. Мужчина не делает ничего, кроме как усаживает меня на постель. Должно быть, это потому, что от меня пахнет как от канализационной трубы, а выгляжу я как дерьмо.

Я устала не только физически, я разрушена до костей. Это ощущается, как будто моя душа весит тонну, увлекая меня под волну пустоты, которая продолжает разрушать меня.

Я опираюсь на стену, чтобы сохранить равновесие. Когда дохожу до ванной, внутри уже клубится пар. Я вхожу и сразу направляюсь к раковине, я могу использовать её, чтобы устоять на ногах. Небольшое квадратное зеркало висит над ней, но оно запотело.

— Вот, как это будет. Ты быстро примешь душ. После того, как наденешь чистую одежду, ты поешь. Я должен осмотреть твои раны и убедиться, что в них нет инфекции, а затем ты сможешь поспать. Это всё, что нам нужно сделать сегодня.

Интересно, у этого мужчины есть какие-нибудь чувства? Его голос звучит так же бездушно, как я себя ощущаю.

— Кто ты? — спрашиваю я, желая знать ответ, по крайней мере, на один из миллиона моих вопросов.

— Том Смит нанял меня. Я убрал остальных ублюдков. Ты в ужасном состоянии. Это всё, — говорит он холодно.

На глаза наворачиваются слёзы. Дядя Том не оставил меня. Он послал за мной. Я прикрываю рот дрожащей рукой, чтобы подавить всхлип, и с трудом сглатываю, принуждая слёзы отступить.

— У меня есть два правила, — говорит Дэмиан и делает шаг ближе. Он, может быть, и спас меня, но я чувствую себя более комфортно вдали от него.

— Не смотри вниз. Ты можешь смотреть в любую точку в ванной комнате, но не в зеркало и не на себя, и никаких запираний дверей, — в его голосе ясная нотка предупреждения, и я киваю. Я смотрю на выцветший узор на плитке. Она персикового и коричневого цвета. От коричневого цвета мой желудок сжимается.

Мой взгляд перепрыгивает на блёклые персиковые полотенца, на которых отчетливо видны пятна отбеливателя.

Мои глаза, наконец, возвращаются к Дэмиану, и я встречаю его суровый взгляд.

— У тебя десять минут.

Я жду, когда он уйдёт, и когда он это делает, то оставляет дверь полуоткрытой. Я испытываю облегчение. Я думаю, что могла бы умереть, если бы он закрыл эту дверь. Я не выносила маленькие помещения, ещё до похищения. Теперь они вселяют в меня ужас.

Я не могу заставить себя быстро двигаться. Когда я снимаю пиджак, боль пронзает мой левый бок, затрудняя дыхание. Я держусь за стену и шагаю в душ. Ухватившись за маленькую рейку, я позволяю горячей воде обрызгать меня. Поясницу жжёт там, где Генри пинал меня.

Я поворачиваю лицо к воде и позволяю ей омыwać меня некоторое время. Моя щека, челюсть и рот начинают болезненно пульсировать, когда жизнь возвращается к ранам, а затем боль распространяется вниз по моему телу, беспощадная и грубая.

Мои движения вялые. У меня нет сил, и моё тело болит. Вся моя сила была выжата из меня и заменена этим душераздирающим кошмаром, который наполняет каждую мою частицу болезненной темнотой.

Я тянусь за мылом. Оно твёрдое и потрескавшееся, и мне приходится поработать с ним под водой, чтобы заставить его вспениться. Я не отрываю глаз от растрескавшейся плитки. Один угол сколот.

Я кусаю мою чувствительную нижнюю губу, когда скольжу куском мыла между ног. Щиплет и болит так сильно, что мои ноги начинают дрожать под моим весом. Независимо

от того, сколько раз я мою там, это ощущается так, будто сперма всё ещё во мне. Рыдания вырываются из меня, сметая эмоциональные барьеры, и я быстро прикрываю рот тыльной стороной мыльной руки. Одна слезинка скользит из моего правого глаза и исчезает в воде. Я делаю глубокие вдохи, борясь за контроль с разрушительными чувствами.

Потом я мою левую руку, следя за тем, чтобы охватить каждый дюйм. Хотя я и хочу отскрести свою кожу, мои движения остаются вялыми. Каждая ссадина на моей коже болит. Боль — это тошнотворное напоминание о том, что произошло.

После того, как я обмываю всё моё тело, я повторяю весь процесс и моюсь заново. Каждый синяк болезненно пульсирует. Каждая рана болит, словно я сгораю в огне.

Я использую дешёвое мыло, чтобы вымыть волосы. Всё лучше, чем ничего, верно? Споласкиваю мыльную пену, а затем отжимаю лишнюю воду. Прислонившись к плитке, я понимаю, что полностью истощена.

Когда начинает бежать холодная вода, я отключаю её. Я беру полотенце и оборачиваю его вокруг своего чувствительного тела. Выхожу из душа, и тогда я вижу Дэмиана, стоящего у двери, мое сердце начинает колотиться сильнее, и я борюсь с собой, чтобы не позволить ужасу поглотить меня.

Я застываю и хватаюсь за полотенце, не зная, что делать.

Мужчина указывает на стойку.

— Одевайся и приходи есть.

Дэмиан снова выходит, и из-за страха, что он может вернуться, я двигаюсь так быстро, как могу. Я терплю боль, когда натягиваю свежие трусики вверх по ногам. Я откладываю лифчик и хватаю поношенную рубашку. Она старая, большая, выцветшего коричневого цвета, но я не обращаю на это внимания. Затем надеваю коричневые спортивные штаны, и хоть я и ненавижу их носить, я довольна тем, что они удобные и мягкие, особенно у меня между ног.

Я покидаю ванную комнату, таким же способом, как и пришла, используя стены для опоры.

Дэмиан сидит в углу, а его взгляд поднимается ко мне на мгновение.

— На кровати гамбургер и картофель фри. Съешь это, затем я смогу осмотреть твои раны. Тебе нужно поспать.

Я замечаю, что он, должно быть, сменил постельное бельё, потому что оно опрятное и чистое. Я залезаю на кровать, и всё, что я хочу делать — это спать, но я два раза кусаю гамбургер, только чтобы угодить мужчине.

Он ничего не говорит, когда я оставляю недоеденную еду на полу рядом с кроватью. Я принимаю это, как хороший знак. Я ложусь и поворачиваюсь к нему спиной. Таким образом, я могу притвориться, что одна.

Пару минут спустя я слышу, как мужчина двигается, и оборачиваюсь, смотрю через плечо. У него с собой небольшая сумка. Когда он приближается к кровати, я изо всех сил пытаюсь вернуться в сидячее положение.

— Давай сделаем это быстро, — он практически рычит на меня, как будто это моя вина, что я страдаю. Дэмиан подходит, встает передо мной и одаривает меня тёмным сердитым взглядом. Я устало вздыхаю и перемещаю свое избитое тело в сидячее положение на край кровати.

Смотрю, как мужчина кладёт сумку на кровать, а затем вынимает несколько антисептических салфеток. Он просто прижимает салфетку к моей щеке, без всяких предупреждений. Я шиплю от ожога и отдёргиваю голову.

Сердясь на него, я посылаю ему мрачный взгляд.

— Действительно ли нужно быть таким грубым?

Он фыркает, а затем, к моему удивлению, садится рядом со мной. Это вызывает у меня всплеск беспокойства. Мне не нравится, что он так близко ко мне. Дэмиан наклоняется ещё ближе, от чего становится трудно дышать, так как воздух между нами испаряется.

Моё дыхание ускоряется, и я закрываю глаза. Я не хочу, чтобы он видел мою панику и страх.

На этот раз его прикосновение намного мягче. Это всё ещё чертовски больно, но от дорожки мягких прикосновений, которую он прокладывает по моему лицу, у меня перехватывает горло.

Когда он использует какой-то крем на моей нижней губе, этого становится слишком много. Я отстраняюсь, отползая от него, чтобы установить некоторую дистанцию между нами.

Я не могу заставить себя встретиться с ним взглядом, когда борюсь со слезами.

Я чувствую, как его взгляд обжигает меня.

— Где ещё тебе больно?

Вопрос звучит жестко, и это рождает боль в груди.

Я оборачиваю руки вокруг талии и мотаю головой.

— Я в порядке.

Дэмиан продолжает смотреть на меня некоторое время, а затем встаёт, забирая с собой сумку.

— Спи, — рычит он.

Я снова поворачиваюсь к нему спиной, сворачиваясь в маленький комочек. Я молю, чтобы побыстрее пришло сонное оцепенение.

Глава 5

Кара

На следующий день, когда Дэмиан уходит, чтобы купить продукты, я встаю и подхожу к окну. Каждое движение вызывает адскую боль, но я не могу оставаться в кровати. Мне нужно поправиться и выбраться отсюда. Я отодвигаю занавеску в сторону и выглядываю на улицу. На стоянке только две машины. Мы в мотеле «Деревенский трактир». Я останавливалась в подобных местах много раз, они похожи друг на друга, так что в этом нет ничего нового.

Я замечаю Дэмиана, когда он проходит около закуской, у него в руках коричневый бумажный пакет. Я наблюдаю за ним, пока он приближается. Его шаги твёрдые и четкие, каждое движение выверено и рассчитано. Голова опущена, но у меня складывается ощущение, что он видит всё вокруг, включая и меня, хоть я и прячусь за занавеской.

Я захожу в ванную, не закрывая полностью дверь. Когда я мою руки, взгляд по привычке останавливается на зеркале.

Дэмиан всегда говорит мне не смотреть на себя, так что я ожидала, что выгляжу плохо, но то, *что* смотрит на меня в отражении, не может быть мной.

Я поднимаю руку к щеке и аккуратно нажимаю подушечками пальцев на уродливый ожог. Хищник сам заботился о моих ранах, так что у меня никогда не было необходимости смотреть в зеркало.

— Я говорил тебе не смотреть, — огрызается Дэмиан, напугав меня своим бесшумным и внезапным появлением позади. Я отдёргиваю руку от лица. — Пойдем есть.

Я подхожу к кровати и сажусь, беру бумажный пакет и открываю его, но затем я просто смотрю на сэндвич.

Моё горло сильно сжимается от непролитых слез и всхлипов, которые срываются из моих приоткрытых губ.

Я не могу справиться с тем, что я только что видела в зеркале. Дело не в том, что я чёрная и синяя, а скорее в том, что это суровое напоминание о времени, проведенном в контейнере, которое увлекает меня в непроглядную тьму.

Я борюсь за сохранение контроля над вулканом, который грозит извержением внутри у меня. Я сижу долгое время, просто уставившись на еду, прежде чем, наконец, лезу в пакет. Я ем и сплю, потому что это всё, с чем я могу справиться.

К настоящему времени мы живём в мотеле четыре дня. Каждый раз Дэмиан запирает дверь, когда идёт за продуктами, и он никогда не задерживается надолго. А еще он много читает. Я не спрашиваю что.

Телевизор в комнате всегда включен, бормоча что-то на заднем фоне. Я не спрашиваю, где мы находимся. Я ничего у него не спрашиваю, а он ничего не говорит. Хищник просто приносит мне еду и заботится о моих ранах, и на данный момент мне этого достаточно. Не думаю, что у меня остались силы делать что-нибудь большее, чем самое основное.

— Уже утро, Кара, — Дэмиан нарушает тишину раннего утра. Он звучит по-другому. Его голос глубже, и нейтральный тон, который он использовал, исчез. Я открываю глаза и смотрю на него снизу вверх, плохо соображая спросонья. Слишком рано для чего-либо. — Вставай. Одевайся. Мы едем домой.

Все предложения короткие, звучат как команда, так что я не могу пропустить ни слова.

— Что? — так или иначе, я спрашиваю.

Я ни разу не взглянула ему в лицо с первого дня, столкнувшись тогда в ванной. Думаю, он тоже избегает этого.

Сегодня мои глаза живут собственной жизнью, и они находят его. Я помню мёртвые серые глаза. Вот почему я избегала его лица, плюс — это сделало прошлую неделю проще. Они по-прежнему серые, но выглядят так, как будто в них назревает буря чего-то смертоносного, пронизывающего и сильного.

Я боюсь, что он может увидеть слишком многое, и опускаю взгляд на его шею. Концы какой-то замысловатой татуировки выглядывают из выреза его футболки. Возможно, это рисунок следа от когтей, который исчезает под воротом его чёрно-пепельной футболки.

Затем Хищник наклоняется, располагая руки по обе стороны моих плеч. Моё сердце останавливается, и я не могу сделать даже вдох, пока жду его следующего шага.

— Пора идти. Тебе сейчас лучше. Настало время встать на ноги и разобраться со всем дерьмом, которое произошло.

Дэмиан говорит так бессердечно, как будто сделать это проще простого.

Когда он отстраняется, я быстро отталкиваюсь, не желая быть загнанной в угол снова. Мужчина поднимает сумку с пола и открывает дверь. Я наблюдаю, как он выходит из комнаты. Я не знаю, что чувствую по поводу отъезда из этой комнаты, которая стала свидетелем моей боли и страха, и поездки «домой» с этим человеком. Я больше ни в чём не уверена.

Я быстро иду в ванную, думая о том, получится ли воспользоваться ей в ближайшее время, так как я не знаю, куда мы направляемся.

Я мою руки и на этот раз избегаю зеркала. Потом выхожу в спальню и жду, не уверенная, следует ли мне просто выйти на улицу.

Я скручиваю вместе руки и задаюсь вопросом, что случилось бы, если бы я попыталась сбежать. Дэмиан сказал, что его послал дядя Том, но это мало, что значит. Он может быть одним из них, нянчиться со мной, пока не объявится дядя Том, а затем они убьют нас обоих. Это может быть ловушкой.

Паника начинает расти во мне, когда в моей голове одна за одной всплывают мрачные мысли.

Дэмиан возвращается в комнату, а затем идёт прямо ко мне. Мой разум кричит мне двигаться, но я застываю как олень перед приближающимся грузовиком. Мужчина поднимает руки, и я вздрагиваю, но затем вижу свитер. Он натягивает его мне через

голову, и я быстро просовываю руки в рукава. Он хватает капюшон и надевает его мне на голову.

— Не поднимай голову. Снаружи никого нет. До дома ехать два часа. Даже не смотри в окно. Будет лучше, если ты просто попробуешь проспать всю дорогу.

Он берёт меня за подбородок и приподнимает моё лицо к своему. Мой взгляд устремляется на него.

— После сегодняшнего дня всё это закончится. Ты должна исчезнуть.

Я сглатываю, не уверенная, что понимаю его слова.

— Нам просто нужно смешаться с толпой так хорошо, как только сможем, и чтобы никто не обращал на нас внимание. Мы почти дома.

Уголок его рта слегка дёргается, а затем Дэмиан отпускает мой подбородок и двигается к кровати. Он хватает пару шлёпок с пола, которые я раньше не замечала, и подходит, приседая передо мной.

— Ногу, — приказывает он. Я поднимаю левую ногу, и мне приходится схватить его за плечо, чтобы не упасть. Дэмиан надевает шлёпок мне на ногу, а затем я быстро засовываю правую ногу в тот, который он оставил на полу, прежде чем он смог бы взять его. Я отпускаю его плечо и отхожу от него, моё сердцебиение учащается от прикосновений к нему. Не думаю, что когда-нибудь наступит время, когда я буду доверять другому человеку или снова почувствую себя в безопасности.

Хищник поднимается в полный рост, а затем начинает сдирать одеяла и простыни с обеих кроватей. Я наблюдаю, как он протирает комнату — везде и с такой тщательностью, что это пугает. Я не двигаюсь, пока он проходит по комнате и в ванной трижды. Чёрт, этот парень дотошный. Он убеждается, что мы ничего не оставили после себя.

Как только он остается доволен своей работой, то снова приказывает мне двигаться.

— Пойдём.

Я выбегаю из комнаты напрямик на холодный воздух. Снаружи всё ещё темно. Даже не знаю, сколько времени. Я оборачиваю руки вокруг себя, чтобы сохранить побольше тепла.

Когда рука Дэмиана опускается на мои плечи, я вздрагиваю. Он притягивает меня к себе сбоку, а затем начинает идти. Всю дорогу я не поднимаю взгляд, следуя за ним. Как он просил, я не отрываю глаз от своих ног, до тех пор, пока Хищник не останавливается около машины серебристого цвета, довольно простенькой, наверно, какая-то модель седана. Всё — отель, одежда, машина — простое, кроме него самого. Хищник подталкивает меня к пассажирскому сидению. Я чувствую, как автомобиль прогибается под его весом, и слышу урчание ожившего двигателя.

Внезапно он резко протягивает руку ко мне, и я шарахаюсь, вжимаясь в дверь и отворачивая лицо в ожидании удара.

Когда Дэмиан кладёт руку на подголовник, смущение и облегчение проносятся через меня. Наши глаза встречаются на мгновение, прежде чем он переводит взгляд назад, чтобы выехать задом с парковки. Я смотрю на него извиняющимся взглядом, который он даже не видит.

Мы едем в тишине, только жужжание других машин и гул колёс нарушают тишину предраассветного утра.

Мы ни разу не останавливаемся, и я не поднимаю глаз.

Я много думаю.

Впервые, вспоминая обо всем, у меня нет слёз, чтобы приглушить вспышки воспоминаний. Как будто мотель был безопасным коконом, куда воспоминания не могли проникнуть, и теперь, когда мы ушли, они атакуют на меня со всех сторон.

Я запомнила запах машины, когда Дэмиан положил меня на заднее сидение несколько дней назад. Я помню одеяла, которыми он накрыл меня, и что он не снимал их, пока я не проснулась в комнате мотеля.

Не знаю, как долго я была в отключке в первый раз, или второй, или пока я, наконец, не проснулась в тот день.

Но я также помню его взгляд, когда он убил их всех.

Он убил тех людей.

— Они все мертвы. Ты убил их всех, — мой голос звучит так же безразлично, как и его, в последние несколько дней.

— Да, — говорит Хищник. И это всё, что он произносит.

— Почему?

Я не знаю, зачем спрашиваю. Часть меня хочет их смерти. Другая часть не хочет думать о них, не хочет заботиться о том, дышат ли они.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ответил? — спрашивает он. Несколько секунд я чувствую на себе его взгляд, прежде чем мужчина переводит глаза обратно на дорогу впереди. Я смотрю на его руку, держащую руль, другая покоится на бедре. Всё в его манере поведения легко, расслабленно. Всё, кроме его глаз.

— Да, — шепчу я. Я хочу знать, почему он делает то, что делает, и чем именно он зарабатывает на жизнь.

— Я делаю разные вещи, в основном отслеживаю и зачищаю, — после паузы говорит он. Я не отрываю глаз от руки, которая лежит на бедре. Он не сжимает её в кулак, она остаётся расслабленной, как будто для него это просто ещё одна беседа.

— Люди нанимают меня, если кто-то пропадает без вести, и я нахожу их, прежде чем ситуация становится паршивой. Я убеждаюсь в уничтожении любых улик, которые когда-либо были, и устраняю виновных, так что они больше никого не беспокоят. Это то, в чём я хорош.

Мой взгляд сам собой останавливается на его руке. Эта рука нажимала на курок. Эта рука убивала. Как много людей Хищник убил? Чувствует ли он раскаяние? Является ли он серийным убийцей, и как только я потеряю свою бдительность, убьёт ли он меня тоже?

— Как ты думаешь, кто больше заслуживает смерти: невинный ребёнок или наркобарон? — неожиданно спрашивает Дэмиан, выдёргивая меня из моих панических мыслей.

— Конечно, не ребёнок, — бормочу я себе под нос, раздражённая тем, что он вообще спросил у меня такую вещь.

— Ты или Генри?

Он знает Генри? От этой информации дрожь проходит по моему телу, и я сжимаю руки крепче вокруг себя. Я трясую головой, даже не отвечая ему.

— Ты или Аттридж? — снова спрашивает он.

Я начинаю сгибаться, мечтая, чтобы он сейчас же остановился. Я не хочу слышать эти имена. Я продолжаю трясти головой.

— Ты или Стивен?

Моё тело дёргается, и прошлое, разрывая меня на куски, возвращается.

— Остановись, — это не мой голос, это низкий хриплый рык из моего горла.

— Я прибираюсь за людьми. Это то, что я делаю. Твой отец и дядя оставили беспорядок, и я должен его убрать, так, чтобы ты могла жить. Ты понимаешь это?

Он продолжает вести машину как ни в чем не бывало.

— Останови... м-машину, — хриплю я и тянусь к двери, когда желчь поднимается вверх по моему горлу. Чёрт, меня сейчас стошнит. Моё тело бьётся в конвульсиях, и я прижимаю руку ко рту.

Меня бросает вперёд, когда мужчина резко останавливает машину. Через мгновение дверь открывается. Рвота уже подходит к моему рту, когда он отстёгивает мой ремень безопасности. Я, шатаясь, двигаюсь вперёд и падаю на четвереньки, пока меня тошнит на дорогу. Слезы смешиваются с холодным потом, увлажняя лицо, в то время, как меня рвёт до тех пор, пока не остаются только слабые, сухие хрипы.

— Никто нас особо не заметил, — я слышу его вздох.

Я слишком истощена, чтобы смущаться, и его «мне по хрену» отношение, на самом деле, делает это проще, так как меня не волнует, что он думает о моей рвоте на обочине шоссе.

Дэмиан прижимает бутылку к моим губам.

— Вода.

Говорить шёпотом — не означает быть добрым. Я прополаскиваю рот пару раз, но ожёг желчи остаётся в глубине моего горла. Я держу недопитую бутылку с водой, когда возвращаюсь в машину. Когда Хищник закрывает дверь, я прислоняюсь лбом к холодному окну.

Он берёт меня за подбородок и поворачивает мою голову до тех пор, пока я не смотрю на него. Убийственные глаза впиваются в мои.

— Ты спросила, и я не вру. Я убиваю, но я не вру, Кара. Будь осторожней, когда спрашиваешь меня, потому что ты всегда будешь получать правду.

Я киваю, чтобы показать, что понимаю его. Не знаю, боюсь ли я его до смерти, или чувствую себя в безопасности, зная, что он делает. Всё, что я знаю, это то, что устала и чувствую себя потрёпанной, очень потрёпанной.

Когда мы, наконец, останавливаемся перед каким-то домом, разглядеть его не удастся из-за темноты. Единственное, что я понимаю, что дом большой и старый, но это всё.

Я следую за Дэмианом, но слежу за тем, чтобы быть на безопасном расстоянии. Он отпирает дверь, а затем исчезает внутри. Я вижу свет, исходящий откуда-то изнутри, а затем делаю шаг ближе. Я заглядываю внутрь и могу лишь мелком разглядеть гостиную, лестницу, ведущую наверх, и небольшой проход справа.

Я смотрю через плечо и вглядываюсь в темноту.

Могу ли я верить, что этот мужчина не причинит мне боль? Следует ли мне скорее сбежать от него?

На миг желание бежать становится подавляющим, и я паникую. Я отворачиваюсь от входной двери и двигаюсь так быстро, как могу. Я мчусь вниз по лестнице и едва не пропускаю последнюю ступеньку.

Это то, насколько далеко я убежала. Быстрые движения и паника истощили мою энергию как голодающие пиявки. Я хватаюсь за перила и делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, а затем звук отчаяния срывается с моих губ. У меня нет выбора, кроме как остаться. Мне слишком больно, чтобы бежать.

Обернувшись назад на открытую входную дверь, я шокировано замираю, когда вижу Дэмиана, прислонившегося к стене прямо у подножья лестницы. Он смотрит на меня, как будто терпеливо ждёт, решусь ли я остаться или бежать.

Мои плечи устало опускаются, и я медленно поднимаюсь по лестнице обратно на крыльцо. Я делаю ещё один глубокий вдох, а затем захожу в дом, в котором я либо смогу зализать свои раны, либо буду убита.

Моё сердце начинает биться сильнее от этих мыслей, и я не поднимаю лица. Я так чертовски устала. Мой подбородок начинает дрожать от слёз, чувство безысходности душит меня.

— Позволь мне всё тебе показать, и затем ты можешь пойти спать, — тихо говорит Дэмиан.

Большая гостиная, светлая кухня, а затем мы идём наверх. Хищник терпелив, когда я преодолеваю одну ступеньку за другой. Капли пота выступают на лбу, и моё тело начинает дрожать от всех усилий, которое оно совершает, чтобы просто оставаться на ногах. Когда я достигаю вершины лестницы, моя голова начинает кружиться, и я чувствую тошноту. Я хочу уснуть и никогда не проснуться.

Тут три спальни. В двух есть кровати, больше ничего. Я не получаю возможности увидеть третью комнату, так что я предполагаю, что она принадлежит ему. Также тут есть

лестница, ведущая на чердак. Мужчина ворчит что-то о том, что надо держаться подальше от чердака.

Наверху есть полностью оборудованная ванная комната и туалет внизу. Мы делим ванную комнату. Дом кажется старым и пустым, но мне наплевать.

Я использую свою последнюю энергию, чтобы подойти к кровати и с трудом сесть. Я могла бы заплакать от облегчения.

— Кара.

Я смотрю на выцветшее голубое покрывало. Это напоминает мне о воде.

— Кара! — повторяет Дамиан громче. Я вздрагиваю от силы его голоса и смотрю на него.

— Извини, — я пытаюсь улыбнуться, но мои губы ощущаются странно.

Он смотрит на кровать, а затем на меня.

— Есть другие одеяла в шкафу в конце коридора. Смени это, если оно тебе не нравится. В этом шкафу есть кое-какая одежда, — он указывает на тот, что занимает большую часть стены, прямо позади меня, — она может быть немного великовата тебе. Ты потеряла в весе, но мы исправим это.

Дэмиан поворачивается, собираясь уходить, но останавливается, словно что-то вспомнив.

— У меня вопрос.

Он ждёт моей реакции.

— Да? — я складываю руки на коленях и плотно закрываю глаза, делая вдох.

Я хочу, чтобы он ушёл, тогда я смогла бы поспать. Я с трудом сглатываю отчаянные слёзы, которые заставляют моё горло болеть.

— Ты скрывалась в течение семи лет.

Это не вопрос. Я не понимаю, куда он клонит.

— Так что я немного запутался... — он хмурится. — Я запутался во многих вещах, которые ты сделала, чтобы привести себя к этому беспорядку.

Я всё ещё жду вопроса с колотящимся сердцем.

— Они нашли тебя посреди глуши.

У меня перехватывает дыхание, и я слышу обвинение в его голосе. Я слышу от него то же самое обвинение, которое насмехается надо мной в моём собственном сознании.

— Либо ты забыла, что были люди, которые за тобой охотятся, либо ты почувствовала себя слишком комфортно и практически вручила себя им. Что из этого?

Вот, что ему интересно. Что-то сжимается внутри меня... что-то ужасное и отчаянное.

— Ты ублюдок! — шиплю я на него, сражаясь со слезами, угрожающими скатиться по моим пылающим щекам. — Ты не знаешь... — голос затихает, когда гнев душит меня, но я выжимаю из себя слово, — ничего.

Хищник поднимает бровь, и это делает его ещё более угрожающим.

— Я знаю каждую подробность о тебе. Я знаю каждую... отдельную... деталь, — он жалил словами.

Я трясусь головой, когда всепоглощающее чувство унижения грозит задушить меня.

Какого чёрта я ввязалась в это? Я не могу остаться здесь. Но... чёрт, либо смерть от рук преступников, которые ищут меня, либо милость этого человека. Прямо сейчас, я не знаю, что хуже.

— Я не... — я сжимаю зубы, когда слёзы усиливают давление на мои веки. — Я не знала, — выдавливаю я эти слова.

Его губы растягиваются в улыбке, и я чуть не задыхаюсь от гнева, который прожигает дыру в моей груди. Я разочарована в себе. Я позволила ему добраться до меня.

— Я не знала... что? — он повторяет мои слова, и слёзы горячего гнева обжигают мои щёки, наконец, прорываясь через мои барьеры.

— Я не знала, кто на меня охотился! — кричу я на него.

— Я не знал, что ты умеешь сердиться, но хорошо узнать это, — говорит Хищник, и я хочу кричать. Я хочу схватить что-нибудь и бросить в него. Я хочу бить его до тех пор, пока ему не будет так же больно, как и мне. Но я просто смотрю, как он уходит в своей тихой манере. Дэмиан оставляет меня с моим гневом, и я понимаю, что во всём этом есть смысл — он хочет, чтобы я чувствовала что-нибудь... что угодно. Если бы он только знал, что с чувствами приходит невыразимая боль.

Я падаю на кровать и позволяю слёзам литься. Я не двигаюсь по мере того, как солнце скользит по комнате. Я просто позволяю гневу отступить, пока не остаётся лишь пустая оболочка.

Я слышу скрежет ключа в двери, и мои внутренности обращаются в камень. Я пытаюсь отключиться. Вокруг крошечная тьма, что делает мой страх таким реальным. Но я благодарна, что они не включили яркий свет, из-за которого мои глаза слезятся. Это только делает всё более реальным, и мои опухшие глаза слезятся, и от слез жжёт.

Я слышу движение и болезненно напрягаюсь. Я не вынесу ещё одно избиение. Я не могу справиться с изнасилованием снова. Мне больше не за что бороться.

— Ах, Кара, — я слышу, как Стивен возмущённо шепчет мое имя, и сильнее вжимаюсь в холодный пол. — Почему ты должна быть такой чертовски сексуальной?

Рукой я зажимаю рот, чтобы не дышать слишком громко. Я хочу, чтобы моё сердцебиение замедлилось, не стучало до тех пор, пока он тоже может его слышать.

— Просто помни, — шепчет он мрачно, а затем я слышу, как он приближается, — это всё твоя вина.

Моё сердце останавливается. Мой мир останавливается.

Стивен внезапно оказывается на мне, и я начинаю бороться с такой силой, на которую, я думала, не способна.

Я царапаю мужчину, пока не чувствую его кожу у себя под ногтями. Когда же он пытается поцеловать меня, я кусаюсь до тех пор, пока не чувствую его кровь.

Я ощущаю его руки на всем теле. Когда мужчина до боли сжимает мою грудь, я не могу думать, кричать, только борюсь изо всех сил. Страх, что так хорошо мне знаком, усиливается, укореняется и погружает меня во тьму, точку невозврата, пока я не прекращаю возражать.

Когда его руки двигаются ниже, меня начинает тошнить. Стивен переворачивает меня, ставя на колени, и меня начинает рвать. Я чувствую, как он давит на мою спину, заставляя прогнуться, и когда мужчина отодвигает грязные трусики в сторону, я начинаю задыхаться. Он врывается в меня и в то же время хватает горсть волос, прижимая моё лицо к полу. Я продолжаю задыхаться и борюсь за воздух, пока знакомая, спасительная темнота не засасывает меня.

Я резко вскакиваю и отшатываюсь, падая на жёсткий пол в тёмной комнате, а затем отпихиваю спутанные простыни вокруг ног. Моё дыхание рваное, перед глазами все еще мелькают короткие вспышки ночного кошмара.

Ударяясь о стену, дверь открывается, и в комнату просачивается свет. Дэмиан просто стоит и смотрит на меня. Наши глаза встречаются на один напряжённый момент, прежде чем он буднично говорит.

— Я сделаю кофе. Ты, возможно, захочешь спуститься.

Это не вопрос. Я киваю и встаю с пола. Моё тело болит от падения, но я делаю всё возможное, чтобы не позволить боли отразиться на моём лице. Я не смотрю на кровать и проскальзываю мимо мужчины, когда поспешно выхожу из комнаты.

Я едва не сворачиваю в гостиную, когда Дэмиан берёт меня за локоть.

— Кухня тут, — говорит он и легонько тянет, меняя направление моего движения. Но сразу же отпускает. Без крайней необходимости, он никогда не прикасается ко мне,

если ему действительно не нужно этого, и я благодарна за это. Дэмиан самый холодный человек на всей планете, но, по какой-то причине, это успокаивает.

Кухонный свет слишком яркий, от чего я останавливаюсь как вкопанная. Моё сердце замирает, прежде чем с трудом продолжает стучать. Я делаю несколько глубоких вдохов, когда Дэмиан проходит мимо меня.

У меня возникает ощущение, будто стены надвигаются на меня.

Хищник одаривает меня мрачным взглядом, прежде чем налить кофе в зелёную кружку. Я смотрю, как он добавляет один сахар и молоко. Я наблюдаю за работой его рук, когда он размешивает напиток, а затем ставит зелёную кружку на стойку.

Мой взгляд следует за ним через всю кухню, когда мужчина ставит молоко обратно в холодильник. Он берёт бутылку воды и откручивает крышку, прислонившись к стойке. Непреднамеренно, его тело излучает комфорт и расслабленность, когда он вытягивает ноги перед собой, скрещивая в лодыжках. Я стою и наблюдаю, как движется его горло, а борода слегка покачивается, когда он делает глоток, затем опускает бутылку воды вниз.

— Твой кофе остывает, Кара, — говорит Дэмиан, выдёргивая меня из ступора.

— У тебя больше нет? — спрашиваю я, мой голос хрипит. Я прочищаю горло и дрожащей рукой убираю немного волос с лица.

Он делает ещё один глоток воды, и не похоже, чтобы он собирается отвечать мне. Медленно, я подхожу к чашке, следя за мужчиной рядом. Я поднимаю кружку и наслаждаюсь теплом, просачивающимся в мои пальцы.

— Я не пью кофе.

Это первая нормальная вещь, которую я узнаю о нём. Он пьёт воду, не кофе.

— Спасибо за кофе, — я сглатываю комок в горле, сделав глоток горячего напитка. — Как ты разузнал обо мне? — спрашиваю я, смотря на карамельную жидкость в моей кружке.

— Твой дядя, — отвечает он. — Он рассказал главное о тебе. Что тебе ещё многое предстоит узнать в свои двадцать пять, я понял из того, как легко они нашли тебя.

Я стреляю в него глазами, и гнев начинает скручиваться спиралью в моём животе.

— Позволь, мне уточнить, — он закручивает бутылку воды и ставит её на стойку.

— Том организовал для тебя новую личность, позволь добавить — дерьмовую, и тебе удавалось прятаться в течение семи лет... а затем ты позволила им просто схватить себя.

Не думаю, что это вопрос. Это не звучит, как один из них, так что я просто смотрю на его грудь. Я пытаюсь вдохнуть и выдохнуть в тоже время, что и он, но мне нужно больше воздуха, и моё дыхание ускоряется.

— Ты пережила нападение, в котором убили твоих родителей, — его голос предупреждающе опускается, и волосы на моём затылке встают дыбом, — и всё же, ты обнаружила себя, чтобы они схватили тебя?

Я ставлю чашку, прежде чем уроню её, и поворачиваюсь боком, подальше от него. Мой гнев испаряется, потому что он прав.

— Я была неосторожна, — жалко шепчу я. — На один глупый момент я забыла, что мне не позволено иметь нормальную жизнь.

— Тут нет такого понятия, как нормальная, — говорит он ледяным тоном. — Люди как мы, как ты и я, — он небрежно машет между нами, — далеки от нормального. Мы смешиваемся с толпой, прежде чем становимся не более чем тенью. Ты должна заставить людей смотреть в другую сторону.

Когда Дэмиан делает вдох, я понимаю, что это первый урок от него о том, как выжить. Он собирается показать мне, как стать тенью... такой как он.

Мне придётся зависеть от убийцы — чистильщика, как он назвал себя (*прим. Чистильщик — человек, который очищает место преступления от следов, использует давление или подкупает свидетелей преступления. Популярная фигура криминального жанра, чистильщик уничтожает улики или удаляет их с места преступления. Чистильщик может быть и киллером, «убирающим» свидетелей преступления, т.е.*

«очищающим ситуацию»). Хищник останется здесь из-за меня, и если я выберу остаться с ним, тогда он всё ещё будет здесь завтра, готовый помогать и учить. Но у меня нет никаких гарантий, я всё ещё не уверена в нём или его намерениях.

— Как долго я буду с тобой?

Мой голос все еще хриплый из-за переживаемых эмоций. Я никогда не жила с кем-то, ещё со времён родителей.

— К сожалению, жизнь тебя изрядно потрепала, — начинает он. Один факт о Дэмиане — он любит зрительный контакт. Мне трудно смотреть ему в глаза, но на этот раз я заставляю себя посмотреть на него. — У тебя два варианта, Кара. Ты либо остаёшься здесь... — он замолкает, не уточняя, что повлечёт за этим. — Я занимаюсь созданием новой личности для тебя. Бумаги будут здесь через две недели.

Дэмиан делает паузу, возможно, давая мне паузу осознать сказанное им.

— Если ты решишь сделать это, остаться здесь, — добавляет он, — ты не кинешь меня в один прекрасный день. Ты не сможешь проснуться и решить, что это не та жизнь, которую ты хочешь, — я чувствую, как он двигается, будто даже воздух спешит уступить ему дорогу.

Я быстро моргаю, когда Хищник приближается ко мне, и замираю. Его глаза удерживают мои, когда он подходит так близко, что между нами не остается даже воздуха. Моё сердце начинает тяжело стучать. Дэмиан оборачивает пальцы вокруг тыльной части моей шеи, и воздух вырывается из моих приоткрытых губ. Впервые он вызывает у меня леденящий страх, который сворачивается спиралью в животе, ожидая освобождения.

— Это будет жизнь, в которой ты выживешь. Я могу только обещать сохранить тебя в живых, — мышцы его челюсти сокращаются, прямо над бородой. Я слышу его вдох. Слышу крик птицы где-то за окном. Слышу тиканье часов. Я слышу многое, но вижу только, как дёргаются его мышцы. Он как заряженный пистолет, готовый выстрелить в любую минуту.

Я киваю, и это движение позволяет мне сильнее почувствовать его пальцы на своей шее. У меня два варианта. Первый — я остаюсь с ним, с этим убийцей, и только Господь знает, что произойдёт. Или второй, я могу рискнуть и уйти, но есть большой шанс, что они найдут меня снова. И в этот раз я умру, потому что он не придёт за мной во второй раз.

Это мой единственный шанс остаться в живых. Отстойно, когда твоя жизнь зависит от абсолютно незнакомого человека.

Я делаю глубокий вдох, и мои лёгкие мгновенно заполняются его мужским ароматом. Я хватаю его за руку, чтобы не упасть. Мои ноги вялые. Когда я отрываю его руку от моей шеи, то пытаюсь улыбнуться, но не думаю, что у меня получается искренне.

— Полагаю, в таком случае, ты застрел со мной.

Я не звучу очень убедительно. Я звучу чертовски нелепо.

Когда я направляюсь обратно в комнату, то осознаю, что произошло на кухне... это максимальное расстояние, на которое Дэмиан когда-либо приближался ко мне, и это было только, чтобы предупредить меня не пререкаться с ним. Мне впервые становится интересно, что произошло с ним, что превратило его в камень.

Дэмиан

Я наблюдаю, как Кара покидает кухню, а затем допиваю свою бутылку воды. Я вытаскиваю два замороженных блюда из морозилки, чтобы они могли разморозиться.

Когда иду наверх по лестнице, то слышу, как работает душ. Это хороший знак. Одной заботой меньше, я должен был сказать ей, чтобы она сделала это. Когда прохожу мимо ванной, то замечаю, что дверь закрыта не плотно. Девушка никогда не закрывает

двери за собой. Должно быть, потому что они держали её в контейнере. Ей придётся иметь дело с этим дерьмом когда-нибудь, но это не моя проблема.

Я беру аптечку и жду её в комнате. Скоро Кара будет в состоянии делать это сама.

Когда раздается скрип двери ванной, я стою спиной к окну. Я слышу, как девушка останавливается у двери, могу ощущать её взгляд на мне, но когда поворачиваюсь, Кара смотрит в пол.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я и подхожу к ней, осматривая её синяки, которые начинают потихоньку спадать. К сожалению, от ожога на щеке может остаться шрам.

Я смотрю, как её щёки розовеют от моего внимания.

— Смущённой, жалкой, напуганной, пристыженной... практически, как трусиха, — честно бормочет она к моему удивлению. Её плечи опускаются, и затем она добавляет, — Хорошо.

Она прочищает горло, а затем говорит громче.

— Я в порядке.

— Хорошо, — я беру её за локоть, следя, чтобы моё прикосновение было лёгким. Я заметил, что она не любит прикосновений, что меня полностью устраивает. — Сильно болит? — я направляюсь к кровати, а затем жду, когда она сядет.

Девушка сначала медлит, а потом отвечает с резким вздохом.

— Лучше.

Она садиться, но ёрзает от неудобства, и я знаю, что это из-за меня. Я должен буду просмотреть карты памяти, которые мы забрали из дома, чтобы увидеть, что случилось с ней, так я буду знать, как обращаться с Карой дальше.

Она так отличается от других женщин, которых я спасал раньше. Обычно они плачут, ноют или липнут, нуждаясь в утешении, Кара же полная противоположность. Может она ещё не совсем пала духом?

— Сними свитер.

Я сохраняю свой голос нейтральным. Кажется, ей спокойней, когда я так холоден, насколько это возможно с ней.

Я открываю аптечку.

— С завтрашнего дня я хочу, чтобы ты делала это самостоятельно до тех пор, пока твои раны не заживут.

Я смотрю, как она хватается за свитер руками. Её пальцы впиваются в материал, а костяшки её пальцев белеют.

— Я... — она снова прочищает горло, а затем обнимает себя руками. — Я смогу справиться с этим. Тебе нет необходимости делать это.

Всё её тело напряжено, и она затаилась, как будто пытается стать меньше.

— Хорошо, — говорю я, а затем направляюсь к выходу. Когда я достигаю двери, то оглядываюсь на неё. — Ты в безопасности, Кара.

Я говорю это, потому что знаю, что ей нужно это услышать.

Закрывая дверь, я бросаю взгляд на неё. Кара начинает чувствовать. Теперь начинается по-настоящему тяжёлая часть. Либо она разберётся с тем, что с ней случилось, либо слетит с катушек. Только время покажет, насколько она сильна.

Дверь резко распахивается, и глаза девушки расширяются, когда она видит, что я всё ещё стою здесь.

— Я... я, — она делает шаг назад и бормочет. — Не закрывай её.

Да, я был прав насчёт контейнера. Это хорошо, что дом большой, потому что пройдёт какое-то время, прежде чем она снова будет чувствовать себя хорошо в маленьких помещениях... если это вообще произойдёт.

Глава 6

Кара

Наступает еще одно серое и хмурое утро. Вокруг завывает ветер, и от этого дом кажется слишком большим и пустым.

Может быть, я просто была слишком напугана первые две недели, чтобы воспринимать что-либо, но теперь я начинаю видеть, слышать и чувствовать слишком многое. Я слишком живая для всей боли внутри меня. Это позволяет боли что-то разрушать во мне.

Вещи, которые я нашла в шкафу слишком большие для меня, но я ношу их с благодарностью. Это уже кое-что, верно?

Я нахожу Дэмиана на кухне. Обычно он либо здесь, либо наверху в своём кабинете. Это единственное место в доме, куда мне запрещено входить. Я ещё не была снаружи. Я не достаточно смелая, чтобы сделать этот шаг.

— Я бы дал тебе кое-что, что помогло бы тебе спать, но не хочу потом пытаться разбудить тебя, если стучась в двери, придёт дерьмо, и нам придётся бежать посреди ночи, — говорит он, бегло осматривая меня, как он всегда делает.

Я останавливаюсь на полпути в кухню и поворачиваюсь к нему.

— И тебе доброе утро, — шепчу я. Можем ли мы, хотя бы начать с приветствия и кофе, прежде чем он напугает меня, где я и почему?

Две недели. Я здесь уже две недели, но это ощущается, как один день. Я провалилась в рутину уборки и готовки, не то, чтобы тут много убирать, да и готовка заключалась в разогреве замороженной еды. Я вовсе не жалуюсь. Всё лучше, чем чашка лапши.

У меня не было полноценного ночного сна с тех пор, как мы покинули мотель. Я знала, что причина этому то, что Дэмиан теперь спал в своей собственной комнате. Я осознаю, насколько безопасно я себя чувствовала с ним, пока он наблюдал за мной. Я слишком напугана, чтобы спать спокойно по ночам, находясь одна в комнате. Ночи проходят медленно, наполняя меня темнотой до предела. Я веду постоянную борьбу, чтобы воспоминания оставались похороненными в могиле.

Дэмиан терпелив со мной. Он не задаёт много вопросов. Хотя у меня самой их много, но я не осмеливаюсь их задать.

— Доброе утро, Кара.

Он впервые улыбается, и у меня перехватывает дыхание. Улыбка делает его моложе. Дэмиан выглядит почти нормально, когда сидит, улыбаясь мне, до тех пор, пока я не замечаю чёрные чернила, ползущие вверх, из-под его рубашки, и осознание того, кем он является, не вспыхивает во мне. Этот мужчина далёк от нормального.

— Если ты хочешь кофе, тебе лучше поторопиться. Мы уезжаем через десять минут.

Его улыбка исчезает так же быстро, как и появилась, когда я не улыбаюсь ему в ответ.

— Куда?

Мои глаза расширяются. Уезжаем? Покидаем дом? Я не уверена, что готова сделать это.

— За одеждой для тебя, и мне нужно позаботиться кое о чём, — отвечает он неопределённо.

Я делаю глоток кофе, а затем выпаливаю.

— Ты просто однажды проснулся и решил зарабатывать этим на жизнь?

— Тебе нравится задавать вопросы, — утвердительно говорит он. Хищник буравит меня грозным взглядом. Я не уверена, что когда-нибудь привыкну к этому взгляду. Он посылает мурашки по моему телу.

— Не нравится.

Я проглатываю свой страх. Просто я не могу оставаться здесь и не знать ничего о человеке, с которым вынуждена жить.

— Я не задавала вопросы долгое время. Я просто хочу узнать человека, с которым живу. Я не каждый день встречаюсь с... — я затихаю и опускаю глаза, глядя в чашку с кофе.

— Чистильщиком. Я отношусь к чистильщикам. И нет, я не просто проснулся и решил, что хочу такой жизни для себя.

Он сцепляет руки в замок и наклоняется вперёд к столу. Я удивлена, когда он продолжает.

— Кое-кого близкого забрали у меня, когда я был далеко. Когда я вернулся, было уже слишком поздно. Я убил человека, который забрал её, и с тех пор это стало моей работой. Джефф — единственный человек, которому я доверяю. Он — тот старик, который стоял на страже снаружи контейнера, в котором тебя держали.

Контейнер... Старик.

Воспоминания, с которыми я борюсь, держа их глубоко в себе, сотрясают меня как ударные волны. Я опускаю взгляд на пол и сосредотачиваюсь на деревянном полу. Я начинаю считать трещины, чтобы занять свой разум. Но одна мысль все же проскальзывает. Как много знает старик из того, что происходило в контейнере, и рассказал ли он Дэмиану? Мои щёки становятся горячими от стыда.

— Дерьмо случается даже с лучшими из нас, Кара, — внезапно говорит Дэмиан. — Как ты с этим справишься — вот что важно. Ты должна бороться за то, что ты хочешь, в противном случае эта жизнь пережуёт тебя на хрен и сразу же выплюнет. Либо ты боец, либо пустое место, и я уж точно не пустое место. Ты тоже не похожа на пустое место.

Я молчу. Я прокручиваю в уме то, что он сказал: интересно, боец ли я как Дэмиан или просто обычное пустое место?

— Кара, мы уезжаем, — зовёт Дэмиан.

Я прячусь в коридоре, пытаюсь собраться мужеством, чтобы выйти самостоятельно, но, конечно, этого не происходит.

— Кара! — рывкает он, и мне приходится переставлять ноги, чтобы сдвинуться с места. Я делаю по шагу за раз, и на полпути вниз по лестнице моя грудь сжимается.

Когда входная дверь становится ближе, я могу слышать лишь свои панические вдохи. Они звучат искаженно и слишком громко. Я оборачиваю руки вокруг талии, когда делаю последний шаг наружу. Я чувствую головокружение и не могу ничего осознать, кроме моего следующего вдоха.

— Ты хорошо справляешься, — говорит он коротко, когда идёт к машине, оставляя меня позади.

Мои ноги живут своей собственной жизнью, сама не замечая, я следую за ним. Когда Хищник садится в машину, я иду быстрее. Дэмиан для меня — олицетворение безопасности. Только когда я оказываюсь в машине, я чувствую какое-то подобие спокойствия, омывающего меня.

Я оглядываюсь назад на дом. Он старый и ветхий. Краска местами облупилась, а двор усеян сухими листьями. Дом подходит нам идеально, он унылый и блеклый.

Дэмиан останавливается возле небольшого торгового центра и протягивает мне телефон. Когда я беру его, рука Дэмиана не отпускает аппарат, и я поднимаю глаза.

— Это важно. Ты ни с кем не говоришь. Ни с кем не уходишь. Только звонишь на телефонный номер, забитый в нём, если что-то пойдёт не так. Ты поняла? — спрашивает он.

Я киваю. Он позволяет мне идти одной? Мой взгляд перемещается на торговый центр, и я смотрю на входящих и выходящих людей, просто занимающихся своими собственными делами.

Я могу это сделать. Я должна это сделать. Я должна сделать что-то самостоятельно.

Я оглядываюсь на Дэмиана, его губы сжаты в жёсткую линию.

— Мне нужно услышать слово «да» от тебя, Кара, — говорит он, и его глаза темнеют до глубокого древесно-угольного цвета.

Кажется, он беспокоится обо мне. Мысль проносится через меня, вызывая хаос и разжигая вихри, тревожащие эмоций внутри меня. Я была одна так долго. Я забыла, каково это, когда кто-то беспокоится обо мне.

— Да, — с тяжёлым вздохом произношу я.

— Вот деньги. Купи приличные вещи... которые тебе понравятся. Я вернусь ровно через шестьдесят минут, — его глаза удерживают мои. — Один час, Кара.

— Хорошо, — говорю я, чтобы успокоить его и чтобы сказать какой-то части собственной силы воли, что я могу это сделать.

Дэмиан тянется ко мне, и его пальцы скользят по моей ключице. Он сжимает её, и я понимаю, что это его версия объятий. Я просто не знаю, почему он почувствовал потребность прикоснуться ко мне, и я была слишком напугана, чтобы спросить.

— Не смотри никому в глаза и не поднимай голову, — говорит он, и мышцы начинают вздрагивать на его щеке. — Чёрт, мне следовало оставить тебя дома, — выпаливает он.

А затем внезапная мысль поражает меня. Он — тот, кто не готов отпустить меня в общество одну, не беря во внимание мою неготовность. Это огромный шаг для нас обоих.

Дэмиану Вестану тоже знаком страх. Он боится, что его здесь не будет, чтобы сдержать свое обещание мне и защитить меня. От этой мысли я чувствую странное облегчение.

Я впервые улыбаюсь и наклоняюсь к нему. Я медлю, но затем перехожу к действиям. Его борода грубая против моих губ, когда я прижимаюсь быстрым поцелуем к его щеке.

— Иди, Дэмиан. У меня есть твой номер. Если что-то случится, я пойду в самое людное место и позвоню тебе.

Я быстро отодвигаюсь и выхожу, не оглядываясь. Я не знаю, шокирован ли он хоть в половину также, как я прямо сейчас, от того, что я только что сделала.

Когда я медленно захожу в торговый центр, мой взгляд устремляется к каждому человеку в непосредственной близости от меня, оценивая, может ли он представлять возможную угрозу.

Моё сердце продолжает колотиться, и всё вокруг мне кажется чрезмерно ярким и громким.

Это огромная ошибка. Чёрт!

Мне следует уйти и позвонить Дэмиану, так он сможет вернуться.

— Ты можешь сделать это, — говорю я себе, но мой голос — это отчаянный шепот.

Пожилая женщина шаркает мимо меня слишком близко, чтобы не нарушить мой комфорт. Я дергаюсь в сторону, а затем торопливо отхожу от неё подальше.

Чёрт, мне следует бежать и прятаться. Мне следует найти безопасное место, пока Дэмиан не придёт за мной. Панические мысли проносятся у меня в голове, заставляя чувствовать себя, оторванной от всего вокруг.

— Ты можешь это сделать, — я говорю эти слова с резким вздохом. Чёрт, так много людей, так много звуков. Я собираюсь умереть от панической атаки.

Я делаю глубокий вдох и шепчу себе.

— Я могу это сделать.

Только через десять минут бесцельного хождения вокруг, я начинаю немного расслабляться, достаточно, чтобы замечать разные магазины вокруг себя. Я направляюсь в первый и подхожу к первой вешалке рубашек, которую вижу.

Они больше для лета, но в любом случае я беру их. Я просто хочу закончить весь этот поход по магазинам как можно быстрее.

Я смешиваю и подбираю, пытаюсь создать какой-то стиль, поскольку все мои вещи остались в мотеле в Скапусе, когда меня похитили. Мне также нужно обязательно раздобыть удобное бельё и некоторые туалетные принадлежности.

Я поглядываю на сотовый, следя за временем. А затем я вижу красивую юбку. У меня никогда не было ни одного платья или юбки, всегда только джинсы. Но сейчас мой выбор падает на черно-серый вариант. В порыве я беру её. И больше не раздумываю над этим. Я беру пару кроссовок и ботинок. Девушке необходимо иметь, по крайней мере, одну пару ботинок.

К тому времени, как я заканчиваю и возвращаюсь на улицу, у меня в запасе есть десять минут. Нет пропущенных звонков, нет смсок.

Дэмиан приезжает через пять минут. Его лицо напряжено, а мышцы на сильных руках подрагивают от напряжения. Он выходит из машины и помогает мне разместить пакеты в багажнике. Он ведёт меня к пассажирскому сиденью и практически заталкивает на него. Я наблюдаю, как он проносится перед машиной, а затем медленно едет прочь, как будто ничего не произошло. Его пальцы крепко сжимают руль, пока костяшки не белеют.

— Что... — и затем я слышу стон, мучительный низкий стон. Я медленно поворачиваюсь на сиденье и закрываю руками свой рот, чтобы не закричать.

Мы не возвращаемся домой. Дэмиан едет несколько часов, а затем он, наконец, останавливается у сомнительно выглядящего мотеля. Он ничего не говорит, и я молчу, не имея смелости заговорить первой. Как только мы останавливаемся, я вылезая из машины и отхожу с дороги.

— Оставайся тут, — рывкает он на меня. Я наблюдаю, как он идёт к стойке регистрации.

Я бросаю взгляд назад на девушку. Она вся в синяках и крови, и мне интересно, я выглядела также, когда Дэмиан пришёл за мной. Но затем я вижу её одежду. Судя по всему, её только побили.

На стоянку заезжает автомобиль, и моё сердце замирает от страха. Мои глаза приклеены к водителю, когда она выходит. Когда она идёт к ресепшену, выходит Дэмиан. Похоже, он получил комнату.

Мои глаза широко распахиваются, когда я смотрю, как он поднимает девушку из машины. У меня так сухо во рту, что я не могу сглотнуть.

Чёрт, я не могу поверить, что он делает это со мной прямо здесь.

Он был прав, ему следовало оставить меня дома... но он этого не сделал, и теперь я смотрю, как её кровь окрашивает его угольно чёрную рубашку.

Затем я слышу его, и моё сердце запинается.

— Всё будет нормально, дорогая.

Я копаюсь в своих воспоминаниях, но не могу вспомнить этот тон или слова. Дэмиан никогда не говорил так ласково со мной. Он едва ли не воркует с ней, как будто она ребёнок или что-то ценное.

— Давай приведём тебя в порядок.

Я двигаюсь, потому что я садомазохистка. Я хочу причинить себе боль точно так же, как и оказаться на пути Стивена, чтобы он мог причинить мне боль.

Я следую за Дэмианом и девушкой в комнату мотеля и закрываю за нами дверь.

Он не несёт её в ванную комнату, как меня. Вместо этого, он осторожно опускает её на одну из кроватей.

«Может быть, я просто не помню всего этого, — начинаю защищать его я, но затем этот тоненький голосок, который любит причинять боль, появляется и насмехается надо мной. — Ты ничего для него не значишь, просто очередная работа. Ничто, кроме беспорядка, который он должен убрать».

— Принеси мне полотенца из ванной. И намочи одно, — рывкает он, и я смотрю на него секунду, прежде чем заставляю свои ноги двигаться.

Я иду в ванную и хватаю полотенце, перебрасывая его через плечо. Я держу полотенце для рук под водой, пока оно не становится горячим. Затем отжимаю его и возвращаюсь к Дэмиану.

Он сидит, а её голова лежит на его бедре. У меня колет в груди. Я отталкиваю эти ощущения прочь и передаю ему влажное полотенце. Я делаю четыре шага назад, когда он начинает вытирать её лицо, смывая кровь. Она дергается в сторону, и он останавливается. Дэмиан наклоняется над ней, как будто защищая её своим телом.

— Шшш... всё будет хорошо, дорогая, — повторяет он.

Я стою, словно в трансе, и смотрю, как он моет её, и только тогда, когда он заканчивает, Дэмиан смотрит вверх на меня.

— Пожалуйста, подай мне полотенце.

Он пронизывает меня взглядом.

— Ты можешь прилечь, они придут за ней утром.

Я отдаю ему полотенце и отхожу назад, пока не чувствую, как другая кровать врежется сзади в мои ноги. Я опускаюсь на неё и отодвигаюсь назад до тех пор, пока не чувствую стену, прижимающуюся к моей спине.

Я смотрю, как он держит её и повторяет слова снова и снова. Слова, которые (я теперь знаю с отчаянной уверенностью) он никогда не говорил мне.

Я просыпаюсь от внезапного громкого стука. Не могу поверить, что я заснула. Хотя я и спала в сидячем положении, я всё же проспала всю ночь. Дэмиан уже на полпути к двери к тому времени, как я понимаю, что стук исходит от неё. Он выглядывает через занавеску, а затем открывает дверь. Пожилой мужчина едва ли не вваливается в комнату, и я карабкаюсь в угол. Я прижимаю колени к груди и пытаюсь стать настолько маленькой, насколько могу.

Дэмиан встаёт прямо передо мной. Это выглядит как случайное движение, но сейчас я не могу видеть мужчину, и это означает, что он не может видеть меня.

— Моя дорогая, — воркует мужчина над девушкой.

Мои глаза жгут слёзы от тяжёлого эмоционального веса в комнате.

— Папа?

Её голос звучит ломано, и я прижимаюсь ртом к коленям, чтобы не заплакать.

— Всё будет хорошо, дорогая, — он повторяет слова Дэмиана, и она начинает плакать, освобождаясь, рыдая от всей души.

Такое чувство, что что-то только что умерло во мне. Я не знаю, что это было, но без этого я чувствую себя потерянной.

Я не осознаю, что раскачиваюсь, пока Дэмиан не касается моего плеча. Мужчина уходит со своей дочерью, и мы снова остаемся только вдвоём.

— Кара, — его голос снова безразличный, и я прижимаю руки к своему лицу. — Мы должны уходить, сейчас же, — говорит он, как будто это должно волновать меня.

— Никто не пришёл за мной, — шепчу я себе в ноги. Моё дыхание горячее на моих бёдрах.

— Кара, посмотри на меня.

Я не делаю этого до тех пор, пока его руки жёстко не сжимаются на моих плечах, и он не притягивает меня к себе. Его лицо в нескольких дюймах от моего, и его дыхание греет мою кожу.

Его глаза захватывают мои.

— Я пришёл за тобой, — его голос наполнен эмоциями, которые я никогда не слышала раньше. — Я пришёл за тобой, — повторяет он снова, его голос хриплый, наполненный эмоциями, которые я не могу распознать.

Он прижимает меня крепко к груди, и его руки как стальные хомуты сжимают меня. Я дышу им, и мои лёгкие наполняются потом и кровью. Я вдыхаю запах Дэмиана.

Он не удерживает меня долго, но это всё равно успокаивает. Хищник отходит и начинает убирать комнату и ванную. Я начинаю застилать постели, так же, как делал он в

мотеле, где мы останавливались. Я не могу осознать всего, что произошло за последние двадцать четыре часа.

Как только мы оказываемся в машине, он смотрит на меня. Ладно, это больше похоже на двухминутный пристальный взгляд. Прежде я отводила взгляд, но теперь я пытаюсь смотреть ему в глаза.

— Синяки почти исчезли, — шепчет он.

— Угу.

У нас никогда не было каких-то настоящих разговоров. Я поняла, что Хищник не разговорчивый.

Когда мы оказываемся дома, Дэмиан идёт прямо в душ. Я развешиваю одежду, которую купила накануне. Мне следует выстирать её, но в данный момент мне наплевать.

Я встаю перед окном и смотрю на улицу.

Я думаю об ощущении потери, которое я почувствовала тогда, в мотеле. Я думаю, это была надежда. Я потеряла надежду на то, что буду связана с кем-то снова. Я потеряла надежду на то, что я увижу моих родителей снова. Я знаю, что они умерли, но по какой-то причине у меня всегда была надежда до тех пор, пока суровая реальность не посмотрела мне прямо в лицо. Никто не пришёл ко мне тогда в той больнице. Конечно, дядя Том заходил, но затем он оставил меня совсем одну в мире, который я не понимала.

Никто не придёт за мной, и это самая печальная мысль. Я знаю, что Дэмиан сказал, что он пришёл за мной, но это не то же самое. Дэмиан — это просто ещё один человек, проходящий через мою жизнь, сегодня он со мной, а завтра его не будет. Я — беспорядок, за исправление которого ему платят.

У меня нет ни друзей, ни семьи, и эта мысль оставляет пустырь на месте, где должно быть моё сердце.

Дэмиан

Почему, б**дь, я её обнял?

Я расхаживаю по своему кабинету, пытаюсь взять себя в руки. Сегодня я сделал две огромные ошибки. Я обнял её и показал, что на самом деле мне не насрать. Это никогда не произойдёт вновь. Независимо от того, беспокоюсь я о ней или нет, — это не имеет значения. Что имеет значение, так это сохранение её в безопасности.

Для того, чтобы вернуть свой разум обратно в работу, я решаю посмотреть четвертую карту памяти. Мне удалось посмотреть другие три за последние две недели, и это было намного сложнее, чем я думал. У меня нет слов, чтобы выразить гнев, который я чувствую, наблюдая за тем, как её избивают.

Одна вещь, которую я уловил, — это то, что она терпела адские побои каждый раз, но с каждым избиением Кара становилась всё слабее, и на это было тяжело смотреть.

Я рад, что это последняя карта памяти. Я откидываюсь на спинку кресла и достаю свой телефон из кармана. Я просматриваю сообщения и вижу, что есть одно от Джеффа. У него новости от парня, который заботится о документах для новой личности Кары. Это хорошо.

Я слышу знакомый звук того, как они открывают дверь в контейнер, но я продолжаю проверять свои сообщения, потому что это обычный их ритуал. Они сначала устанавливают камеру. Есть ещё одно сообщение от Джеффа, гласящее об окончательном платеже за прибытие девушки Джонсона.

— Так что, теперь ты собираешься бить меня? Ты, наконец, отрастил пару яиц, придурок?

Я слышу эхо голоса Кары через динамики. Гнев в её голосе заставляет меня поднять глаза. Как и всегда, свет направлен на нее.

— Нет, бить — это работа Генри, — произносит мужской голос. Это не тот подонок, который обычно бьёт и разговаривает. Я ещё не могу увидеть его, но, должно быть, Кара увидела что-то, потому что она напрягается, чтобы встать на ноги, а затем шипит.

— Я не позволю тебе трахнуть меня.

Подождите? Что?

Я наклоняюсь и увеличиваю громкость.

— Ну же, детка. Это будет, как в старые времена.

Старые времена? Так она знала этого парня? Как она могла попасться таким глупым образом?

Кара выскакивает из поля зрения камеры, но через несколько секунд, я слышу, как что-то ударяется об пол. Камера не следует за ней в этот раз. От этого я хмурюсь. Обычно с ней там несколько парней. Один с камерой, один держит Кару, а другой бьёт.

Тут только один мужчина с ней, так что, может быть, она остановит его? Чёрт, если бы я знал.

— Отпусти меня! — кричит она, и я быстро наклоняюсь вперёд, чтобы уменьшить громкость, прежде чем Кара услышит это. Я остаюсь рядом с динамиком, чтобы я мог слышать.

Несколько секунд слышны только звуки возни, а затем чёткое:

— НЕТ.

Моё сердцебиение ускоряется, когда я понимаю, почему там с ней только один ублюдок. Твою мать.

— Пожалуйста, не надо.

Я слышу умоляющий тон, почти безумный, и это заставляет кровь гореть в моих венах.

— Нет! — кричит Кара, и на этот раз это звучит безнадежно, который вспарывает мне живот. Я закрываю глаза и падаю лицом на руку, а другую руку сжимаю в кулак вокруг телефона. Б**дь... б**дь!

— Нет.

Слово кажется пустым. Борьба ушла из её голоса, и это заставляет что-то первобытное прорываться через мою грудь.

— Не волнуйся, детка, — хрюкает подонок. — Я быстро. Ты не запомнишь это надолго.

Я могу чётко слышать звук пощёчины, и это должно быть самый хреновый звук, который я когда-либо слышал.

— Завтра Генри вышибет тебе мозги.

Я слышу, как он хрюкает, когда находит освобождение, и этот звук вызывает боль в моём животе. Я не могу себе представить, как Кара, должно быть, себя чувствовала, как она, должно быть, всё ещё себя чувствует. Не удивительно, что у неё кошмары.

— Ты же не думала, что выживешь?

Я слышу движение, а затем он толкает её на свет, поближе. Её взгляд дикий, и я не понимаю: в её глазах всё ещё есть жизнь, но сейчас — они пустые.

— От неё ничего не осталось, Том. Тебе следовало дать нам деньги, когда мы просили.

Ублюдок с силой толкает её на пол, и через несколько секунд запись останавливается.

Это конец?

Я проверяю другие карты памяти, но насчитываю только три. Я перематываю назад до тех пор, пока не дохожу до чёткого снимка её лица, затем нажимаю на паузу.

Я наклоняюсь ближе, долго и упорно смотрю в эти глаза.

— Что случилось, Кара? — шепчу я. — Что сломало тебя?

Я продолжаю смотреть в её зелёные глаза, сверкающие от слёз, но, по большей части, они живые.

Я вспоминаю то, когда я нашёл её. Она была чертовски грязная... и пахла рвотой и мочой. Она ни разу не блевала, ни на одной карте памяти, которые я посмотрел, даже на последней, на которой подонок насиловал её. Конечно, её могло стошнить потом, при выключенной камере.

Но, должно было случиться что-то хуже, чтобы убить жизнь в её глазах. Что, б**дь, может быть хуже, чем то, что я уже увидел и услышал?

Я встаю и выхожу из кабинета. Я запираю за собой дверь, а затем иду в её комнату. Я тихонько стучу, но ответа нет. Я открываю дверь чуть шире до тех пор, пока не могу видеть кровать. Я удивлён, когда вижу её пустой, она постоянно на ней. Я открываю дверь до конца, а затем вижу её, стоящую у окна.

Я включаю свет, и Кара поворачивается, на её лице чистое выражение ужаса.

— Чёрт, извини, — говорю я быстро, подходя, так чтобы она могла меня отчётливо видеть. — Я не хотел напугать тебя.

— Ты не напугал.

Слова вырываются из неё, и я просто киваю. У неё так много гордости. Это единственное, что они не смогли забрать у неё. Я вижу ясно, как день, что она до смерти боится меня, но она никогда в этом не признается.

Я подхожу к ней и смотрю на неё сверху. Её глаза блуждают по комнате, прежде чем она, наконец, смотрит на меня. Унылые зелёные глаза. Иногда я вижу искры гнева, но это редкость.

Я хочу сказать ей, что сожалею, что не вытащил её раньше. Я не испытывал это чувство долгое время... чувство провала. Я подвёл Кару так же, как подвёл Лию. Не важно, что Кара дышит, потому что... не лучше ли ей было умереть... так же, как Лие.

Глава 7

Кара

— Иди, переоденься, мы идём гулять.

Именно такую бомбу на меня скинул Дэмиан через неделю.

— Что?

Я смотрю через плечо туда, где он опирается о кухонную стойку. Мои руки остаются в тёплой воде, пока я жду его объяснений.

— Не ворчи на меня. Ты слышала. Теперь иди, — беззлобно рычит он. Не было ни одной колкости в его голосе с тех пор, как он обнял меня в номере мотеля.

Я не знаю, что изменилось между нами, но я настороженно отношусь к этому.

Я заканчиваю мыть вилку и даю грязной воде стечь. Пока сушу руки, я могу всё ещё чувствовать его взгляд на себе, так что я быстро вешаю полотенце и выскакиваю из кухни.

Я не хочу выходить на улицу. Не хочу видеть людей. Я хочу остаться здесь, где только мы вдвоем, где я в безопасности. Последний раз, когда мы выходили из дома, закончился, на мой взгляд, весьма катастрофически.

Тридцать минут спустя Хищник стучит в мою дверь. Я смотрю на него, точнее фактически я пялюсь. Дэмиан нарядился. Я имею в виду, он действительно хорошо выглядит. Чёрные джинсы, угольного цвета, застёгнутая на пуговицы, рубашка, которая подчёркивает серый цвет его глаз, и я думаю, он знает об этом. Вот почему он носит этот цвет всё время.

Он подходит ближе, и я улавливаю слабый аромат в воздухе. Чёрт! Он даже пахнет по-другому, как-то иначе. Пряный аромат быстро заполняет комнату, и от этого мой рот наполняется слюной.

Он хмурится, когда видит, что я до сих пор не переоделась.

— Люди, Дэмиан!

Это всё, что я могу сказать, пытаюсь заставить его понять.

— Ты не запрёшь себя в этом доме. Я дал тебе несколько недель. Сломать привычку и развить новую занимает две недели. У тебя было больше двух. У тебя входит в привычку оставаться в этой комнате, если ты не убираешься или готовишь. Ты даже не выходишь на улицу. Ты не проклятая рабыня, — рывкает он.

Ну, по крайней мере, колкости вернулись.

— Мне нравится делать это, — неубедительно защищаю я себя.

Его лицо мрачнеет, и он шествует к моему шкафу. Я никогда не встаю у Дэмиана на пути просто потому, что я знаю, мне не выиграть, как только у него появляется этот взгляд. Он передвигает одну вешалку за другой, а затем бросает пару брюк и старую рубашку на кровать. Я едва не закатываю глаза. Я имею в виду: и это его выбор?

— Одевайся или я сам одену тебя, — рывкает он, прежде чем удалиться.

Я смотрю на простой наряд, а затем подхожу к шкафу. Я произношу тихую молитву благодарности за новые вещи, которые приобрела неделю назад. Должно быть, он выбрал самые старые вещи в шкафу.

Просыпается мое самолюбие, и я ищу в шкафу что-то другое.

— Я тебе покажу, — шиплю я, прежде чем хватаю вещи, которые никогда бы не надела, если бы не была так зла.

Я быстро одеваюсь и расчёсываю волосы. Прямо сейчас макияж был бы очень кстати, но я сделала всё, что могла, с тем, что у меня есть.

Я нахожу Дэмиана на кухне, он наливает в два стакана воду. Пододвигает один поближе к двум таблеткам.

— Аспирин, — говорит он, и я изображаю гримасу «зачем».

— У меня не болит голова, — огрызаюсь я в ответ.

— Б**дь, женщина! Просто прими их, — рычит он, а затем глубоко вздыхает. — Это поможет тебе не иметь завтра похмелья, если ты решишь выпить сегодня вечером.

Я наблюдаю, как он проглатывает две таблетки. Он, очевидно, собирается напиться. Я бы действительно заплатила, чтобы увидеть это.

Когда я не беру таблетки, он бросает на меня взгляд через плечо. Его губы все еще влажные от воды, которую он пил, в то время как я наблюдаю, как они приоткрываются, когда он втягивает в себя воздух. Я не знаю хорошо это или плохо, но внезапно чувствую себя очень взволнованной по поводу моего выбора одежды.

— Переодеться, — это слово вылетает из моих, внезапно пересохших, губ. — Да, я должна переодеться.

Я звучу как долбаный Йоду (*прим. Йода — один из главных персонажей «Звёздных войн», мудрейший и самый сильный джедай своего времени*).

— Нет.

Слово жёсткое и быстрое. Хищник качает головой и поворачивается лицом ко мне, а затем отклоняется назад на стойку.

— Я беру с собой пистолет, — говорит он небрежно, — и ты не отходишь от меня.

Я смотрю вниз на короткую юбку, которая всего лишь на несколько сантиметров выше колен. Она не выглядела такой короткой, когда я покупала её. По крайней мере, я надела чёрные чулки, прикрывающие мои ноги, и невысокие ботинки. В основном, мое тело достойно прикрыто. Длинные рукава рубашки закрывают руки. Возможно, она сидит туго, но хотя бы всё прикрыто.

— Ты сказал одеться, — говорю я сухо. — Ты сказал, что мы идём гулять, — продолжаю я, а затем указываю на него рукой. — Ты нарядился, и я попыталась соответствовать.

Его бровь взлетает, и я краснею.

— Выпей таблетки, — говорит он.

Он не отходит, когда я подхожу ближе, и моё сердце подпрыгивает к горлу, когда его глаза следят за мной через все пространство кухни. В его обычно тёмных глазах совсем другое выражение, и я не уверена, что чувствую по этому поводу.

Тембр его голоса понижается, а губы растягиваются в медленную улыбку.

— Ты выглядишь хорошо, Кара.

Я давлюсь глотком воды, который только что сделала. Одна его рука оказывается на моём животе, другой Дэмиан не сильно стучит меня между лопаток. Я прочищаю горло, мои глаза слезятся, но я опускаю взгляд на его руку, которая всё ещё лежит на моём животе.

— Сделай ещё один глоток.

Его глубокий голос раздаётся прямо рядом с моим ухом. Я делаю огромный глоток. Вода опускается вниз по гортани с трудом, как будто я только что проглотила песок.

— Хорошая девочка.

Затем его рука скользит к моему боку, и он легонько подталкивает меня.

— Пошли.

***

Я нервничаю, когда Дэмиан паркует машину возле бара.

Он выходит, а я просто не могу заставить себя открыть дверь. В машине я в безопасности.

Чёрт, мне следовало остаться дома. Какого чёрта я делаю возле бара? Я не готова к этому. Тревога сжимает мою грудь болезненной хваткой.

В последний раз, когда была в баре... я встретила Стивена. Я облажалась и дорого за это заплатила.

Моё тело начинает трястись от ужасных воспоминаний.

Я не могу этого сделать!

Безумным взглядом я оглядываю все парковку, а затем смотрю на Дэмиана. Я наблюдаю, как он обходит машину спереди, и крепче сжимаю руки. Он дергает дверь и берёт меня за руку, которой я вцепилась в свои колени.

— Выходи, — рывкает он. Этот звук слишком резкий для моих слабых нервов.

Я неловко спотыкаюсь, выходя из машины, и он перемещается ближе ко мне. Наши тела соприкасаются, когда он наклоняется, чтобы закрыть дверь. Дэмиан не отодвигается, вместо этого он поворачивает своё лицо ко мне. Его тёплое дыхание прогоняет холодный воздух от моей шеи. От этого я чувствую себя взволнованно. Я никогда не чувствовала себя настолько противоречиво в отношении другого человека прежде. Я знаю, что с ним я в безопасности, но от такой близости к нему заставляет меня дрожать одновременно и от страха, и от чувства безопасности. Это сбивает с толку.

— С тобой всё будет хорошо. Я здесь. Я прикрою тебя, Кара.

Затем он отодвигается и приподнимает мой подбородок. Я удерживаю его поднятым, когда он отпускает руку.

Возможно, я смогу изобразить силу, которую он хочет видеть на моём лице, потому что я чертовски точно не чувствую себя сильной.

Я держусь рядом с Хищником и подавляю желание схватить его за руку. Пытаюсь взять под контроль свои необузданные эмоции, которые сеют хаос внутри меня.

Спёртый от сигаретного дыма воздух ударяет в меня ещё до того, как мы входим в бар. От запаха я горблюсь и крепко обхватываю себя вокруг талии.

Когда Дэмиан открывает дверь, смех и музыка полностью поражают меня. Приглушённое освещение,двигающиеся тела, постоянный смех и громкие голоса, а затем резкий пронзительный визг, когда огромный мужчина шлёпает официантку по заднице. Я отворачиваюсь от всего этого. Такое ощущение, что густой дым давит на моё лицо. Меня тошнит. Чёрт, меня сейчас вырвет. Я не могу больше здесь находиться.

Паника волной прокатывается по моему телу, а дыхание учащается.

Дэмиан обвивает рукой мою талию. Он притягивает меня и ставит прямо перед собой. Его грудь прижимается к моей спине, а рука скользит по моему бедру. Он слегка подталкивает меня. Я делаю неловкий шаг, мои глаза разбегаются по сторонам. Я знаю, что он у меня за спиной, но это не облегчает подавляющее ощущение от нахождения среди людей.

Я иду туда, куда он меня направляет. Впереди шатается огромный мужчина и внезапно хватается за меня, пытаюсь удержаться. Я визжу и отпрыгиваю назад, врезаясь в Дэмиана. Поворачиваюсь и хватаю его за рубашку.

— Пожалуйста, я не могу, — хнычу я, почти истерически.

Я чувствую его дыхание на щеке, а затем он обнимает меня, прижимая к своей груди. Я была неправа раньше — я боюсь всего вокруг меня, кроме Дэмиана. Не знаю почему, но я доверяю ему осколки своей жизни, те, что у меня остались. Я доверяю ему больше, чем себе, потому что сама чуть не угробила себя. Это моя вина, что они изнасиловали меня, потому что я загнала себя в эту ужасную ситуацию. Но Дэмиан... он спас меня. Он защищает меня, и это гораздо больше, чем я сделала для себя.

— Я держу тебя. Ты в безопасности.

Я едва могу его слышать, однако слова погружаются глубоко в сердце.

Я смотрю на свои пальцы, вцепившиеся в его рубашку. Я даже не осознавала, что держу её так сильно. Я отрываю пальцы и делаю глубокий вдох. Густой запах дыма больше не такой подавляющий. Смешанные ароматы наполняют воздух, облегчая дыхание.

Очень медленно Хищник отпускает меня, а затем тянется к моей руке. Я остаюсь приклеенной к его боку, пока мы пробираемся к бару. Я не отрываю глаз от его руки, которая держит мою.

Я слушаю, как он делает заказ, и беру стакан, когда он протягивает его мне. Я подношу его к губам и откидываю голову назад, позволяя жидкости обжечь моё горло. Затем концентрирую взгляд на чёрных чернилах, выходящих от его запястий до того места, где они исчезают под закатанными рукавами. Мой взгляд следует за его рукой, когда он тянется ко мне, и я двигаюсь в тоже время осознавая, что с ним я в безопасности. Никто не сможет притронуться ко мне, если я с ним.

Он скользит рукой вокруг моей талии и наклоняется ближе, чтобы я могла его слышать.

— Послушай меня, — говорит он.

Я киваю, и моё тело нагревается от выпитой жидкости.

— Я здесь, и ничего не случится. Они просто люди. Ты, скорее всего, никогда не увидишь их снова после сегодняшнего вечера. Сосредоточься только на мне. Вдыхай и выдыхай.

Я делаю то, что он говорит, и вдыхаю его пряный одеколон.

Я отодвигаюсь назад настолько, чтобы посмотреть на него, замечая улыбку, которая начинает растягивать его губы. Я встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его уха.

— Только не оставляй меня одну.

Меня не волнует, что это звучит как просьба. Я умру, если он оставит меня здесь.

— Нет ни одного гребаного шанса, что такое произойдёт сегодня вечером.

Его голос глубокий и обнадеживающий.

— Выпей ещё, потом мы потанцуем.

Его тон снова нормальный.

Слово «танец» отмечается где-то в моём измотанном разуме. Я отступаю назад, и всё окружающее меня оказывается в фокусе. Мы стоим в баре в форме подковы. За годы древесины изнасилась. Миски с арахисом расставлены по стойке. Я когда-то читала, что это одна из самых грязных вещей на планете, после общественного туалета, конечно же.

Бар не так заполнен, как показалось, когда мы только вошли. Только половина мест занята. Продолжаю всё изучать глазами, а затем вижу танцпол и понимаю, почему бар выглядит пустым. Большинство людей там, раскачиваются под песню, которую я даже никогда не слышала.

Я не знаю её, с другой стороны, я не знаю девяносто процентов песен тут. Группа играет очень медленную песню, и я слышу, как Дэмиан делает ещё один заказ.

Его взгляд серьёзен, когда он возвращается ко мне. Раньше я боялась смотреть ему в глаза, но сейчас этот мрачный взгляд поддерживает меня. Он означает защиту для меня и смерть для любого, кто попытается причинить мне боль. Дэмиан — мой щит против остального мира.

Я не выпиваю залпом следующий напиток, делаю последние четыре огромных глотка.

— Я возьму плату за то, чтобы доставить тебя домой, но танцы бесплатно. Пошли.

Он берёт меня за руку, когда начинаются первые фортепианные ноты песни. Они звучат грустно.

— Я не могу танцевать, — говорю я с тревогой. Он не слушает и тянет меня к танцполу. — Дэмиан, я никогда не танцевала, — пробую я снова.

Когда мы достигаем танцпола, он поворачивается ко мне, а затем притягивает меня к своей груди.

Он не держит меня так, как некоторые другие пары держаться друг за друга. Он берёт мою руку и прижимает её к своей груди. Другой рукой он слегка нажимает на мою поясницу, привлекая меня к своему телу. Я смотрю вверх на него огромными глазами. Это так не похоже на Дэмиана. Я не знаю, что с этим делать. Я никогда не считала его кем-то, кто любит танцевать.

Мне не комфортно от всех этих прикосновений. Он касался меня за последний час больше, чем в общей сложности с тех пор, как я осталась с ним. Не то, чтобы мне страшно, просто мне некомфортно от этого. Это сбивает с толку мой уже так сильно дезориентированный разум.

Я помещаю другую руку на его бицепс, а затем он начинает двигаться. Дэмиан не заставляет меня исполнять какой-то сложный танец. Слава Богу! Он просто держит меня и медленно перемещает нас по кругу.

По мере того, как течёт время, я начинаю немного расслабляться. Я наблюдаю за каждым отдельным человеком, который находится близко ко мне. Дуновение дыхания Дэмиана такое тёплое на моём лбу, и я пытаюсь сосредоточиться на этом.

Я закрываю глаза, чтобы блокировать окружающий мир. Это только мы и никого больше, потому что больше никто не имеет значения. Я в безопасности. Никто не может причинить мне боль.

После песни Дэмиан ведёт меня обратно к бару, и как только мы садимся, я не отрываю от него глаз. Мне приходится наклониться, чтобы он мог меня услышать.

— Ты приходил сюда раньше?

Я смотрю на других женщин. Некоторые из них явно смотрят на него, и мне это не нравится. Он никогда не приводил никого домой, и я не знаю, что почувствую на этот счёт, если он сделает что-то подобное. Этот дом — моя безопасная зона. Я не хочу видеть там кого-то ещё. Дэмиан — моя защита, и ещё одна женщина только поставит это под угрозу.

— Да.

Он не предоставляет больше объяснений.

Я знаю, что он старше меня на несколько лет. Сегодня Дэмиан показывает мне свою другую сторону, и, возможно, только сегодня он позволит задавать вопросы.

— Сколько тебе лет?

О, чёрт! Не верю, что спросила.

Уголок его рта приподнимается. Я смотрю на людей вокруг нас, так что мне не приходится смотреть на него.

— Тридцать шесть, — говорит он, и я могу чувствовать, как он прожигает меня взглядом.

Тридцать шесть! Вау, что означает, он на одиннадцать лет старше меня. Я не думала, что он такой взрослый. Я не могла сказать наверняка из-за бороды.

Он заказывает ещё одну порцию напитков. Я сажусь на барный стул и медленно пью. Я смотрю на женщину, которая поёт. Она красивая, с густыми тёмно-рыжими волосами, буйно завивающимися вокруг её лица. Когда песня заканчивается, она улыбается и обольстительно говорит в микрофон.

— Спасибо, ребята, мы берём небольшой перерыв.

Я оглядываюсь и обнаруживаю, что Дэмиан тоже смотрит на неё. Что-то скручивается в моей груди, когда мои глаза возвращаются обратно к сцене, и я вижу, как она улыбается ему. Я хмурюсь, когда она направляется к нам, и мои руки потеют. Не она ли является настоящей причиной, почему мы пришли сюда сегодня вечером?

Мой мир замирает, когда он протягивает к ней руку. Я смотрю, как его рука скользит вокруг её тонкой талии, и он притягивает её к своей груди. Она растопыривает пальцы поверх его рёбер, и я наблюдаю, как женщина стискивает его. Они улыбаются друг другу, а затем, внезапно, желчь накапливается в моём горле.

Я отталкиваюсь от стула и бросаюсь в сторону знака туалета. Мне просто нужна секунда, чтобы собраться. Мне просто нужна минутка или, возможно, десять.

Мысли мчатся в моём сознании в безумном хаосе. Что, если она ему нравится? Что если, она придёт в дом? Тогда моя зона безопасности исчезнет.

Я толкаю дверь и встаю за четырьмя женщинами, которые уже ждут своей очереди. Хорошо, это даст мне немного времени.

Я мельком вижу себя в зеркале. Я выгляжу дерьмово. Совершенно бледное лицо как у призрака.

— Ты идёшь? — спрашивает женщина позади меня.

Я спешу в кабинку и закрываю за собой дверь. Я поворачиваюсь лицом к туалету, когда внезапный укол тревоги и ужаса вырывает воздух из моих лёгких.

Всё, что я могу чувствовать, это запах мочи и рвоты.

Всё, что я могу чувствовать, это четыре стены, давящие на меня.

Весь мой мир наклоняется в сторону, и первобытный ужас волной за волной заставляет моё сердце болезненно стучать.

Я оседаю на пол и ползу назад на заднице, до тех пор, пока не ударяюсь о бочок туалета. Я втискиваю своё тело в небольшое пространство между бочком и стеной и прижимаюсь лицом к коленям.

— Нет, — хриплю я в страхе. — Их здесь нет.

Я продолжаю говорить это снова и снова, пытаюсь бороться с кошмаром, который вцепляется в меня своими когтями.

Развратные и беспощадные воспоминания разрывают меня. Я не могу бороться с ними так же, как я не могла бороться с мужчинами.

Я слышу громкий удар и накрываю голову. Я начинаю учащённо дышать, пока жду, когда отвратительные руки схватят меня, чтобы разорвать в клочья.

Дэмиан

Я слежу одним глазом за уборными, а другим за Джин.

— Кто эта девушка? — спрашивает она.

— Никто.

Я делаю глоток своего напитка, когда хорошенько осматриваю Джин. Она выглядит уставшей. Похоже, этот образ жизни начинает доставать её.

— Так, послушай, — говорит она и приближается ко мне. — Есть кое-что, в чём мне нужна твоя помощь. Ничего, если я приду завтра?

Я знаю Джин несколько лет. Мы трахались пару раз, поэтому она была в доме, но теперь Кара тоже живёт там.

— Не трахаться, — говорит она, словно прочитав мои мысли. — Мне нужна твоя помощь с одной проблемой. Нам нужно поговорить там, где у стен нет ушей.

Я никогда не отказываюсь от работы, и я не могу перестать работать только потому, что Кара будет рядом.

— Конечно, заезжай.

Джин тянется ко мне и сжимает мою руку.

— Спасибо.

Она кивает на сцену.

— Мне нужно возвращаться.

Она проглатывает оставшееся пиво, а затем пробирается сквозь толпу. Мой взгляд возвращается к уборным, и я хмурюсь. Кары нет уже несколько минут.

Я встаю и следую к туалетам. Меня не волнует то, что могут подумать женщины. Я толкаю дверь и вхожу.

— Сри дома! — кричит женщина и бьёт кулаком в одну из кабинок.

— Да, мы все хотим пописать! — орёт другая.

Я изучаю маленькое пространство, но нет никаких следов Кары. Твою мать. Тут только две кабинки. Ближайшая ко мне открывается и выходит женщина.

— Эта сука всё ещё там? — спрашивает она женщину, которая барабанит в дверь.

— Да, она думает, что может чертовски не спешить! — кричит женщина, её лицо становится красным.

Я шагаю к кабинке, и только тогда женщины замечают меня.

— Эй, пусть твой член пососут в другом месте!

Я отпихиваю её с пути, не заботясь о том, куда она отправится, главное чтобы подальше от двери.

— Кара, — зову я, но никто не отвечает. Я ударяю плечом в дверь, и непрочный кусок дерева поддается. Я расчищаю путь, и затем моё сердце опускается.

— Чёрт, Кара, — вздыхаю я.

Она как-то втиснула своё тело в небольшое пространство между бочком унитаза и дверью. Я бросаюсь туда. Интересно, как, б**дь, я вытащу её оттуда?

Я легонько касаюсь её дрожащего плеча, и тут она взрывается. Она кричит и отодвигается ещё дальше назад. Кара размахивает руками, и её крошечный кулачок встречается с моей грудью. Её лицо мокрое от слёз, а из груди вырываются удушающие рыдания.

Я хватаю её лицо в свои руки и крепко держу.

— Открой свои чёртовы глаза, — рявкаю я на неё, и они распахиваются. Нет никакого узнавания в её глазах, только ужас.

— Кара, это Дэмиан, — я пробую другую тактику, но не похоже, что это работает.

Её глаза дико вращаются по небольшому пространству, и боль на её лице, которую я вижу, съедает меня, как чёртов рак.

— Кара, — говорю я спокойным тоном, который использовал, когда впервые нашёл её, — ты в безопасности. Я держу тебя.

Проходит две секунды, прежде чем её взгляд резко двигается к моему лицу.

— Дэмиан? — она выдавливает моё имя жалким хныканьем.

— Иди ко мне, — говорю я нежным голосом.

Она начинает бороться в маленьком пространстве. Как только она забралась туда? Я хватаю её за плечи и с силой дёргаю, чтобы вытащить её оттуда. Лучше быстрая боль, чем ещё одна паническая атака от того, что она застряла.

Она освобождается и с хриплым криком врывается в меня. Кара обвивает руками мою шею и цепляется изо всех сил. Я поднимаю её на руки, и когда я поворачиваюсь, женщины отходят назад. Я одариваю их мрачным взглядом. Если бы они были мужчинами, я бы выбил из них дерьмо за то, что они сделали.

Я выхожу из туалета и не останавливаюсь, пока не достигаю машины. Я быстро отпираю её и кладу Кару на пассажирское сиденье. Она не отпускает мою шею, и мне приходится буквально отдирать её руки от себя. Я пристегиваю её ремнем безопасности, а затем закрываю дверь, прежде чем бегу к водительской стороне. Меня не волнуют ограничения скорости, когда я мчусь домой.

Моё сердце сильно колотится, и гнев прожигает мои вены. Я зол на себя за то, что подталкивал её выйти в люди. Это было слишком рано. *Б**дь, я идиот.* Я только что погубил всю тяжёлую работу, сделанную за последний месяц.

Я смотрю на её маленькое тело, свернувшееся на сиденье, оно подёргивается, и каждые несколько секунд всхлип сотрясает её.

Все правила, по которым я жил, летят к черту. Ни одно из них не работает на Каре. Она не просто ещё одна посылка. Я не знаю, кто она, но она больше не работа.

Глава 8

Кара

В моей голове стучит так же сильно, как и бьется мое сердце. Я чувствую себя истощённой теми толиками жизни, которые мне удалось вернуть за последние несколько недель.

Я чувствую себя мерзко.

Отвращение затягивает меня в мутные, грязные волны.

Я была отравлена их пошлостью и жестокостью, и это стремительно убивает меня.

Я не справлюсь с этим.

Машина резко останавливается, и через несколько секунд Дэмиан открывает мою дверь. Он выдёргивает ремень безопасности, а затем вытягивает меня из машины. Моё тело кажется онемевшим, когда он прижимает меня к себе. Мои руки безжизненно висят вдоль тела, в то время как его стальные тиски удерживают меня, чтобы я не рассыпалась на кусочки.

— Мне жаль, Кара, — шепчет он. Когда он поднимает меня, я благодарна, потому что не могу заставить свои ноги идти.

Он движется быстро, и только когда мы оказываемся в доме, он замедляется. Хищник пинком закрывает дверь, а затем садится у подножия лестницы. Он укачивает меня у себя на коленях, вновь бережно обнимая.

Я кладу мою раскалывающуюся голову на его грудь, и новые слёзы бегут по щекам. Такое чувство, что я взорвусь, но вместо этого мой голос пуст, когда я шепчу:

— Это никогда не прекратится.

— Пошли. Давай уложим тебя в постель, — говорит Дэмиан. Он встаёт, так и не отпустив меня. Слезами я намочила его рубашку, но меня это не волнует.

Когда он заходит в мою комнату, то не включает свет. Темноту нарушает лишь слабый лунный свет, струящийся через окно. Его движения совсем не похожи на те, что были тогда, когда он впервые нашёл меня. Они больше не кажутся механическими.

Он опускает меня на край кровати, а затем идёт к шкафу. Я наблюдаю, как он что-то берёт оттуда, а затем возвращается.

— Снимай рубашку, — рычит он, но грубость снова исчезла, от этого он кажется заботливым.

Я хватаюсь за подол и останавливаюсь. Дэмиан наклоняет голову.

— Мне уйти?

Я быстро качаю головой, а затем снимаю рубашку. Он протягивает мне старую футболку, я хватаю её и быстро надеваю. Она спускается чуть выше колен.

— Ты собираешься спать в юбке и ботинках? — спрашивает он.

Я быстро снимаю юбку, а потом ботинки. Я стою перед ним только в футболке и трусиках, от чего чувствую себя слишком уязвимой.

— Ложись в постель, — тихо командует он. Я сажусь на край кровати, а затем отползаю назад. Когда он снимает обувь и носки, моё сердце едва не останавливается.

Я издаю сдавленный звук, и каким-то образом мне удаётся выжать из себя слова.

— Ты собираешься спать со мной?

— Да, подвинься.

Когда его рубашка наполовину снята, у меня перехватывает дыхание. Половина его груди покрыта такими же этническими метками, которые я видела на его руке. Я получаю полный обзор, и это выглядит так, как будто когтистая лапа распорол его плоть, рисунок начинается от плеча и далее переходит ему на грудь.

Хищник отбрасывает одеяло и садится. Он вытягивает ноги и пристраивает подушку за спину, а затем откидывается на стену.

Я ещё немного отодвигаюсь назад, так, что между нами остается много места. Он замирает, когда я двигаюсь, и я смотрю на его лицо первый раз с тех пор, как мы вернулись домой.

Его тёмные глаза смотрят прямо на меня. Он тянется, а затем его пальцы обхватывают мою руку. Мой желудок опускается от непонимания, чего мне ожидать.

— Ложись, Кара. Я просто останусь, чтобы убедиться, что ты в порядке. Давай спать.

Я передвигаюсь немного ближе, а затем ложусь у него под боком. Я убеждаюсь, что мы не касаемся друг друга, когда сворачиваюсь в маленький клубочек.

Проходят секунды, а затем он убирает пряди волос с моего лица.

— Спи. Ты в безопасности.

Его рука исчезает, но я держу глаза широко открытыми.

Проходят минуты, и никто из нас не нарушает тишину. Он не двигается, и вскоре мои веки тяжелеют. Я физически и эмоционально истощена.

Я проигрываю сражение со сном так же, как я проигрывала каждое второе сражение в своей жизни.

* * *

Я просыпаюсь в той же позе, но за мной что-то крупное. Каким-то образом Дэмиан свернулся вокруг меня. Я лежу с широко открытыми глазами, не уверенная, что чувствую по этому поводу.

— Как ты себя чувствуешь? — бормочет он в мои волосы. Он кажется немного сердитым.

— Нормально, — шепчу я.

Он встаёт и выходит из комнаты в своей молчаливой манере. Я быстро смотрю через плечо, и когда я вижу, что дверь всё ещё открыта, я натягиваю на себя одеяло и вытягиваюсь.

В итоге, я вытаскиваю себя из постели около полудня. Я быстро принимаю душ, прежде чем спуститься на кухню.

Когда я вхожу на кухню, Дэмиан отворачивается от задней двери, у которой стоит. Я чувствую на себе его взгляд.

Только тогда, когда я заканчиваю делать себе кофе, я слышу, как он уходит. Отлично! Мне нужна тишина. Прямо сейчас я не могу ни с чем справиться.

Задняя дверь всё ещё открыта, и я сажусь на верхнюю ступеньку. Я потягиваю кофе, в то время как мои глаза сканируют задний двор.

После того, как у меня случился приступ паники, стало труднее подавлять эмоции. Я постоянно чувствую запах мочи и рвоты. Постоянно слышу, как открывается замок. Продолжаю чувствовать их, — не удары и пинки, — я чувствую, как их руки лапают меня. Я чувствую их внутри меня, и это заставляет всё во мне съёжиться от отвращения.

Я чувствую себя мерзко.

Сначала звук не узнаваем. Мой сердечный ритм подскакивает, а волосы на моём теле медленно встают дыбом. Звук колёс, дробящих гравий на улице, наконец, становится различим. Машина!

Мои ноги наконец-то двигаются, и я бегу на чердак. Я не стучусь и с грохотом открываю дверь.

— Машина.

Вместо слов — лишь затруднённые вздохи.

— Там машина.

Дэмиан отталкивается от спинки стула и быстро встаёт. Кресло откатывается на пару дюймов, когда он идёт ко мне, а я всё осматриваю — карты на стенах, ноутбук, телефоны, шкафы, и затем я вижу это — камеру и карты памяти.

Он прошмыгивает мимо меня и закрывает дверь. Я не двигаюсь, пока он спускается по лестнице, чтобы посмотреть, кто приехал. Я продолжаю смотреть на закрытую дверь. Я слышу, как он с кем-то разговаривает.

Я снова открываю дверь и вхожу. Сперва я лишь смотрю на три карты памяти. Моя рука дрожит, когда я тянусь к ним. Они помечены с первой по третью.

Я открываю ноутбук и нажимаю какую-то случайную кнопку. Экран загорается, а затем моя кровь превращается в лёд.

Экран замер на моём лице. Там кровь, так много крови. Мой взгляд перескакивает на другого человека на экране, и я вижу отвратительное лицо Стивена. Сдавленное рычание пробивается из моего горла, когда тьма окружает меня.

— Чёрт, Кара!

Я отпрыгиваю назад, когда Дэмиан бросается передо мной, блокируя мне обзор на экран. Он захлопывает ноутбук, и я наблюдаю, как сильно поднимаются его плечи, когда он дышит.

— Почему, чёрт возьми, ты сделала это? — кричит он. Он никогда не повышает на меня голос — никогда.

Я не думаю. Я просто поворачиваюсь и бегу.

Я бегу из комнаты, которая удерживает мою боль. Я мчусь вниз по лестнице и продолжаю движение, прямо к входной двери.

Гравий хрустит под ногами, а затем твердые руки хватают меня, дёргая назад. Я открываю рот, чтобы закричать, но вместо этого, выходит лишь ломанный крик, который ранит моё горло.

Дэмиан валит меня на землю, и я падаю плашмя на задницу. Его руки сжимаются вокруг меня, и он дёргает меня назад. Теперь гравий царапает мои руки.

— Ты не можешь уйти, — рычит он мне в волосы.

Я могу чувствовать, как его грудь вздымается под моей рукой.

— Ты не можешь уйти от меня, — повторяет он.

Рыдания накапливаются, и не зависимо от того, как сильно я борюсь, я не могу сдержать их. Они прорываются сквозь меня, и горячие слёзы проливаются по моим щекам. Моё тело оседает в его руках, и я даже не закрываю лицо. Впервые я позволяю всей боли выйти, и я кричу. Это ужасный, плаксивый звук, который лишает меня дыхания.

Хищник держит меня, пока я не успокаиваюсь, а потом он встаёт и оставляет меня одну на улице. Я знаю, он хочет, чтобы я вернулась в дом по своей воле... и я делаю это, потому что этот дом — единственное место, где я в безопасности.

Я не знаю, чья машина припаркована перед домом, так что я не поднимаю головы, когда иду обратно. Я закрываю входную дверь и несусь вверх по лестнице в безопасность моей комнаты.

Я остаюсь в своей комнате, пока не чувствую себя спокойнее. Не могу снова выстроить свою стену. Словно что-то разбило её вдребезги. Всё кажется безликим и тёмным.

Я не могу больше оставаться в комнате. Мерзкие воспоминания преследуют меня в ванной, где я быстро брызгаю водой себе на лицо. Я избегаю смотреть в зеркало.

Я иду к лестнице. Впервые с тех пор, как я приехала сюда, я чувствую себя гостем в его доме.

Я слышу приглушенные голоса, доносящиеся вверх по лестнице, и начинаю свой медленный спуск. Я перевожу дыхание, прежде чем заглянуть в гостиную. Певица из бара сидит на диване, рядом с ней мужчина. Она плачет.

— Ты знаешь, если я сделаю это, пути назад не будет, — говорит Дэмиан им. Он не спрашивает их, он чётко делает заявление.

Моя первая мысль, что они переедут и тоже будут здесь жить. Женщина поднимает глаза и видит меня. Мы лишь смотрим друг на друга. Она, возможно, милая, когда улыбается мне, но я не в силах сделать так, чтобы она понравилась мне. Она представляет угрозу для меня. Она представляет угрозу для маленькой части мира, которую я познала.

Дэмиан резко поворачивает голову ко мне и встаёт. Он делает несколько шагов в мою сторону, прежде чем остановиться.

— Карен, это Джин и её друг Шон.

Сначала я, нахмурившись, смотрю на Дэмиана, но затем понимаю, что он зовёт меня Карен, а не Карой. Он не хочет, чтобы они знали, кто я.

Я слабо машу им и бормочу.

— Хотите кофе?

Мои внутренности, кажется, все сжимаются и сжимаются.

— Было бы неплохо, спасибо, — отвечает Джин дрожащим голосом.

Я поворачиваюсь и ухожу, так что мне не приходится видеть их дольше. Я трачу время на приготовление кофе. Хоть что-то, чтобы занять себя. Мне не нужно думать. Я думаю о ложках, чашках, сахаре и кофе, и затем я выигрываю ещё больше времени, сначала беря одну чашку и бутылку воды. Мне придётся вернуться за второй чашкой.

Я ставлю все это на кофейный столик и ухожу, не глядя на них, и ускоряю шаг, когда выхожу из их поля зрения. Я проливаю кофе на плитку и ставлю свою чашку. Мне придётся вернуться, чтобы скорее отмыть это. Несу им вторую чашку в гостиную и ставлю её на стол, а затем поворачиваюсь, чтобы уйти.

— У тебя нет больше? — спрашивает Джин.

— Кухня, — говорю я. Это то, о чем я думаю в этот самый момент, что мне надо вернуться на кухню. — Оно на кухне. Мне просто нужно сходить вытереть пол. Я пролила немного.

Слова приходят быстро, пока я отступаю к двери, и когда я поворачиваюсь, то врезаюсь плечом в боковую стену. Я отскакиваю назад и даже не тру мою ключицу, чтобы облегчить боль. Я просто мчусь мимо проклятой стены на кухню.

Хватаю бумажные полотенца и опускаюсь на пол. Вытираю пролитое кофе. Затем вытираю ещё раз, чтобы не осталось следов. Я продолжаю вытирать, пока бумага не начинает крошиться на мелкие кусочки. Я останавливаюсь и смотрю на беспорядок.

— Возьми себя в руки! — шиплю я. — Дерьмо случается с лучшими из нас.

Быстро подбираю кусочки салфетки и выливаю холодный кофе в раковину. Выпрямляю спину и поднимаю подбородок.

— И это все равно будет происходить. То, как ты решишь с этим справляться, вот что имеет значение, — я повторяю слова Дэмиана, которые он однажды сказал мне.

Они остаются на ужин, и я разогреваю дополнительно два замороженных обеда. Я не чувствую себя комфортно в одной комнате с Шоном. От него у меня мурашки по коже.

Я забираю их тарелки, а затем быстро возвращаюсь на кухню, чтобы съесть свой обед.

— Помочь с посудой? — внезапно спрашивает Джин у меня за спиной, почти вызывая у меня сердечный приступ.

— Нет, — отвечаю я слишком быстро. Она опускает лицо и затем уходит. Чёрт, я ранила её чувства?

Я просто не хочу быть рядом с людьми. Не думаю, что я боюсь людей. Я думаю, что потеряла способность любить людей.

Стою в своей тёмной комнате и с большим облегчением наблюдаю, как машина уезжает. Я часто стою у этого окна, но это впервые, когда у меня есть на что посмотреть. Я не хочу, чтобы они вернулись сюда, но знаю, что не имею права этого хотеть. Я долго смотрю на место, где в последний раз видела исчезнувшие задние фары.

Чувствую, как Хищник входит в комнату. Чувствую льющееся от него доминирование, заранее предупреждая других, даже не пытаться испытывать свою удачу.

— Почему ты сохранил их? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

— Доказательства, — отвечает он, и мы возвращаемся к нейтральному тону.

— Доказательства для чего? — давлую я.

— Будь осторожнее с тем, что спрашиваешь у меня, — предупреждает он, и я поворачиваюсь к нему. Он делает шаг ближе, и воздух потрескивает между нами.

— Не впаривай мне эту фигню, Дэмиан! — повышаю я голос. — Ты сохранил эти карты памяти, на которых меня били и... и...

Я не могу произнести это вслух, вместо этого я бросаюсь на него и хлопаю ладонями по его груди.

Он даже не вздрагивает.

— Ты смотрел их? — мой голос поднимается ещё на тон, почти переходя на визг.

— Да, — отвечает он, и в этот момент я ненавижу его честность.

— Как ты мог? — я едва не скулю. Я отдёргиваю руки назад, как будто, само прикосновение к нему обжигает.

— Кара, — его голос напряжён, — твой дядя хочет видеть тебя, но я просто не могу позволить ему забрать тебя. Я смотрел эти записи, чтобы сделать одну специально для него. Он должен увидеть, что случилось с тобой, но не всё это. Я должен заставить его отступить. Тебе повезло, что они не убили тебя за два дня!

Он делает вдох, чтобы успокоиться. Мои глаза прикованы к нему, когда он отходит от меня, только чтобы развернуться и сразу же вернуться обратно, пока он не оказывается в сантиметре от меня.

— Мафия, чёрт возьми, убивает. Они не валяют дурака, и ты должна знать об этом. Твои родители мертвы, потому что твой отец и дядя связались с ними. Метод их работы — убрать мелких дилеров, пока не останутся только самые важные для них члены. И они убивают семьи полностью. Ты должна была умереть уже дважды. Я не буду рисковать третий раз.

Мой рот открывается от услышанного признания. Я пропускаю часть про мафию и смерть и сразу перехожу к тому, что после всего случившегося мой дядя хочет видеть меня.

— Он хочет видеть меня? — спрашиваю я, запинаясь.

— Ты не будешь с ним в безопасности.

Дэмиан запускает руки в волосы, и это первый раз, когда я вижу его расстроенным. Это первый раз, когда я вижу, как он показывает настоящие эмоции.

— Всё, что я делал, это для того, чтобы ты была в безопасности. Я не буду делать всего одну вещь, Кара.

Каждое слово напряженное, и это покоряет моё сердце.

Я не могу смотреть на него больше и опускаю глаза.

— Теперь, — продолжает он грубо, — я рад, что ты разбираешься с этим, и рад, что ты злишься и, наконец, б**дь, чувствуешь, но, Кара, — он ждёт, когда я подниму глаза, — ты должна уважать меня. Никогда снова не поднимай на меня руку.

Я смотрю, как он уходит, и опускаюсь на пол, мои эмоции разрушительно бушуют во мне.

Я сорвалась на него. Выплеснула боль и страх на Дэмиана, на единственного человека, который был здесь ради меня. *Что я наделала?*

Дэмиан

Я протираю свои уставшие глаза. Их жалят непролитые слёзы.

Я подвёл Лию.

Я подвёл Кару один раз, и будь я проклят, если буду просто стоять в стороне, когда Том заботится о ней только для того, чтобы спасти свою собственную никчемную задницу.

Когда Том обратился ко мне, говоря, что он хочет её вернуть... я просто не мог. Почему после всех этих лет? На это мог быть только один ответ, и это потому, что они, наконец, добрались до него. Может быть, они давно добрались до него? Я имею в виду, что дерьмовая новая личность, которую он дал ей, просто не имеет смысла. Он должен был знать, что они нашли бы её, если бы она ходила под именем своей матери. Это грёбанный здравый смысл.

Я послал обратно деньги, которые он заплатил за мои услуги. Я закрыл этот счёт и уничтожил все следы, которые могли привести ко мне. Он не найдёт её. Б**дь, я не позволю этому случиться. Я позабочусь о ней. Однажды я смогу компенсировать неудачу с ней.

Когда дверь в мою комнату со скрипом открывается, я резко открываю глаза, и моё тело напрягается. Я смотрю, как миниатюрная фигура проскальзывает внутрь, и когда она видит меня у окна, то медленно подходит ближе.

Кара останавливается прямо передо мной, и я слышу, как она глубоко вздыхает, а затем поднимает глаза.

— Мне так жаль, Дэмиан. То, что я сделала, было неправильно во всех смыслах, — она выпаливает извинения, а затем слабо машет рукой в воздухе. — Я... я просто хотела извиниться.

Я поднимаю руку к её щеке и ловлю слезу костяшками пальцев. Я ненавижу, когда женщины плачут, но не Кара — это признак того, что она наконец-то чувствует что-то. Это хорошо.

Я скольжу рукой по ее шее и притягиваю к своей груди. Она охотно подходит, и это маленькая победа. Она больше не боится моих прикосновений.

Я удерживаю её долгое время. Она расслаблена рядом со мной. Прошлой ночью, когда она вошла на кухню в этой юбке и ботинках, я едва не потащил её обратно в комнату. Как будто что-то ударило меня по голове, заставляя увидеть женщину перед собой, и, б**дь, она красивая. Теперь, когда все синяки прошли, трудно её не заметить.

Сначала я просто хотел поступить с ней правильно, но потом я посмотрел записи с карт памяти, и что-то взорвалось внутри меня. Я должен защитить её, потому что никто больше не защитит. И тогда я совершил ошибку, обнимая её в том мотеле, и когда ее тело так прекрасно подходило моему, я знал, что будет трудно отпустить её.

Она словно выросла в меня, и если я попытаюсь оторвать её сейчас, то вырежу кусок себя. Она уже слишком глубоко.

Я наклоняюсь ближе и шепчу.

— Мне так жаль, Кара, — мой голос хриплый от этих грёбанных, нежелательных чувств, которым нет места в моём сердце. — Мне очень жаль, что я не добрался до тебя раньше.

— Синяки заживают, — шепчет она. Кара поднимает голову от моей груди, и её глаза находят мои. — Они не убили меня. Ты пришёл вовремя, Дэмиан.

Мы переступили черту сегодня. Нет пути назад. Я и все мои правила, — я был тем, кто нарушил их все.

Я опускаю глаза и шепчу.

— Я был трусом.

Проходят минуты, и она кладёт руки мне на бедра. Я удивлён, что она в порядке от прикосновений ко мне. Каждый день ей становится легче с прикосновениями, но я прекрасно вижу, что это всё ещё вызывает у неё дискомфорт.

Я опираюсь головой о стену и закрываю глаза. Мне нужно, чтобы Кара мне доверяла, и единственный выход, чтобы она мне доверилась, это если она узнает, кто я.

— Я сбежал из дома и вступил в армию, думая, что мог просто уйти. Мне было восемнадцать, и я был глупым. Я вступил в армию и учил всё, что мог. Я избегал возвращения домой.

Она пододвигается ближе, и её руки скользят вокруг меня. Они прижимается щекой к моей груди, и я позволяю своим рукам сжаться вокруг неё.

— К тому времени, я больше не чувствовал себя трусом... — я останавливаюсь и делаю глубокий вдох, — было слишком поздно. Мне позвонили, когда моя девушка совершила самоубийство. Я не думал и минуты, что, когда я уеду, он пойдёт за ней.

Она молчит, просто обнимает меня, и от этого легче произносить слова.

— Это был первый раз, когда я кого-то убил. Позже я сказал себе, что никогда снова не убью в гневе. Ничего не осталось от меня в ту ночь. Я убил своего собственного отца, и затем сказал себе, что он заслуживал смерти, потому что он был животным.

Её дыхание учащается, и она обнимает меня сильнее.

— Я убрал беспорядок и исчез. Я пытался компенсировать неудачу с Лией, помогая другим. Тех, кого я убил, нельзя назвать людьми. Если их убийство делает меня монстром, то пусть так и будет.

Я снова наклоняюсь вперёд и прячу лицо у неё на шее. Я просто хочу держать её. Я хочу сохранить эту хрупкую женщину, потому что она единственная грёбаная красавица, которая осталась в этой жизни.

Глава 9

Кара

Я не шевелюсь. Не произношу ни слова, потому что он наконец-то открывается мне.

Я закрываю глаза на то, что он чистильщик, и многим это может показаться ужасно неправильным, но для меня это правосудие от имени тех, кто был обижен.

Когда молчание затягивается, я понимаю, что он закончил говорить. Я поднимаю голову, а затем встаю на носочки и целую уголок его рта. Прежде, чем отодвинуться, я шепчу:

— Я с тобой. Теперь ты в безопасности.

Моя очередь быть сильной.

— Снимай рубашку, — приказываю я. И, клянусь, слышу его смешок.

Я делаю шаг назад и смотрю, как он стягивает ткань через голову. Затем Дэмиан просто встаёт и смотрит на меня.

— Ну, и? Ты собираешься спать в джинсах и ботинках?

На этот раз он громко смеётся. Коротко и невероятно сексуально. Я не могу сдержать ответную улыбку.

Я сбрасываю свои ботинки, а затем забираюсь на его кровать. Я иду на огромный риск, но он показал, что я могу ему доверять. Я заползаю под одеяло, а затем быстро снимаю свои джинсы. Одетый в джинсы, он ложится рядом со мной. Хищник просовывает руку мне под голову, а затем притягивает меня ближе к себе.

Его тело оборачивается вокруг меня, так же как сегодня утром. Он кладёт подбородок мне на макушку.

— Спасибо, — говорит он, звуча, так же устало, как я себя чувствую.

Я привыкаю к безопасности, которую чувствую, когда я с ним. Как я собираюсь обеспечивать себе безопасность на свободе, когда должна буду жить самостоятельно? Дэмиан никогда не говорил, как долго я могу оставаться тут.

***

Целый день я занимаю себя какими-то делами по мере сил. Дэмиан погряз в делах с самого утра, так что я полагаю, что он наверху, работает в своём офисе.

Я разогреваю обед, но до сих пор нет никаких признаков Дэмиана, поэтому ем свой, стоя у кухонной стойки. Я заканчиваю, а затем поднимаюсь наверх, чтобы принять душ. Я только успеваю переодеться в брюки и футболку, когда он стучит в дверь. Моё сердце внезапно начинает быстро биться. Я не знаю это от желания быть рядом с ним или от неопределённости, которая охватила мое сознание.

Он шагает прямо ко мне, а затем берёт моё лицо в руки. Хищник нежно прижимает губы к моему лбу, и я сдаюсь. Я хватаюсь за него, как будто могу потерять его в следующую секунду, и я знаю, почему — я уже начинаю думать об отъезде, и эта мысль пугает меня до полусмерти.

Я вижу вопросы в его глазах, но он не задаёт их. Он просто берёт меня за руку и ведёт обратно в свою комнату.

Спустя долгое время после того, как Дэмиан заснул, я всё ещё лежу без сна со своими жалкими мыслями. Я кусаю губу, чтобы сдержать слёзы. Я замедляю своё дыхание, желая успокоиться. Почувствовав вкус крови, я отпускаю губу, но вместо этого начинаю жевать внутреннюю сторону щеки. Я продолжаю говорить себе, что есть люди, с которыми случались вещи и похуже.

Но... это не меняет того факта, что я хочу нормальную жизнь. Я хочу такую же мечту, которую желает любая другая женщина. Как бы чертовски меня не пугали эти вещи, я хочу их все, потому что я всё ещё двадцатипятилетняя женщина с мечтами.

***

Я пытаюсь приготовить себе немного кофе, когда Дэмиан входит на кухню, выглядя как лев, который готов убивать.

— Я собираюсь забрать Джин. Она останется здесь, пока не уладит дела. Я вернусь через час. Можешь сделать мне одолжение и привести в порядок другую гостевую комнату?

Я киваю, потому что выплуну кофе, если открою рот.

Она приедет, чтобы остаться!

Здесь!

С нами.

Чёрт!

— Что это? — спрашивает он, но я лишь тупо смотрю на него. Я уверена, что ничего не сказала вслух.

— Что что?

Он наступает на меня до тех пор, пока чашка кофе не упирается в мою грудь. Его жёсткий взгляд останавливается на моих губах. Я опускаю глаза на его шею, когда его большой палец касается синяка на моей нижней губе, где я укусила её прошлой ночью.

— Я... — я начинаю бормотать, хватая чашку обеими руками. — Я... зубная щётка соскользнула. Она поранила мою губу, — лгу я.

Я ужасно вру.

Он опускает руку к моему подбородку и поднимает моё лицо к своему, он ждёт, когда я подниму глаза. Он знает, что я говорю неправду.

— Кара, — Дэмиан наклоняется, и я чувствую его, всего его, окружающего меня — его силу, его хитрость, его смертоносность и уязвимость, и я отчаянно желаю, чтобы он не ходил и не забирал Джин. Я не могу иметь дело с другим человеком в доме. У меня заняло почти месяц, чтобы обрести хоть какое-то подобие комфорта рядом с Дэмианом.

— Ты можешь поговорить со мной, — говорит он, и его дыхание скользит по моей щеке, — о чём угодно.

Я закрываю глаза, и «всё, что угодно» мчится сквозь мой разум. Жизнь, которую я хочу. Моя свобода. Обыденная карьера. Семья. Я хочу нормальности. Я поднимаюсь на несколько дюймов и прижимаюсь быстрым поцелуем к его щеке.

— Я запомню, спасибо, — говорю я и подношу холодный кофе ко рту, прячась за кружкой.

Хищник одаривает меня хмурым взглядом, и мне становится трудно дышать, пока он не разворачивается и не уходит. Я смотрю, как он выходит из кухни, чтобы забрать Джин.

Что, если здесь не будет места для меня после того, как она придет? Она будет новым человеком, которого он спасает. Эта мысль не даёт мне покоя, когда я убеждаюсь, что гостевая комната готова, и затем ухожу в свою собственную.

Я приготовила ланч, он ждёт их в духовке. Я задвигаю свои занавески в первый раз, так что я не могу увидеть, когда они приедут.

Прежде, чем я понимаю, что делаю, я иду к шкафу и открываю дверцы. Я отделяю три комплекта одежды от остального и кладу их отдельно на пустую полку. Только тогда, когда я это сделала, я понимаю, что это те комплекты одежды, которые я возьму с собой, когда уйду. Чувство онемения распространяется по моему телу.

Я чувствую себя как зомби, когда выхожу из комнаты и иду на чердак. Дэмиан сказал, что у него есть новая личность, созданная для меня. Мне нужна она, если я хочу исчезнуть.

Я быстро заглядываю в ящики, а затем перехожу к картотеке. Я нахожу файл с моим полным именем, напечатанным на нём. Там паспорт и удостоверение личности в файле. Я даже не смотрю, когда хватаю их. Пихаю оба документа в карман и мчусь обратно в свою комнату.

Я помещаю документы под стопку одежды, которую отделила. Я жду с колотящимся сердцем их возвращения. Я не могу рискнуть уйти, да и они, в конечном итоге, найдут меня у дороги.

Когда я слышу шум колес, движущихся по гравии, то кладу руку на свое сердце и делаю глубокие вдохи.

Я могу сделать это. Я должна сделать это.

Я поворачиваюсь спиной к двери и глазею на свой шкаф, пытаюсь придумать оправдания, почему остаюсь в своей комнате и не выхожу. Я слышу, как они идут по дому и разговаривают. Мои глаза продолжают возвращаться к приоткрытой двери. Хотела бы я иметь смелость закрыть её полностью.

В конце концов, вторая половина дня становится серой, пролетает незаметно, затем наступает ночь. Я перестаю придумывать оправдания и начинаю убеждать себя в том, что поступаю правильно, уходя отсюда.

Сразу же, как темнеет, я ложусь в постель. Я слышу скрип двери, открывающейся шире, и быстро закрываю глаза.

— Кара, — его голос лишь тихий шёпот. Или это для того, чтобы не разбудить меня, или чтобы не мешать ей, я не знаю. Надеюсь, он подумает, что я сплю. Я слышу, как дверь ещё немного скрипит, и выдыхаю. И затем я слышу его движение, и тело начинает покалывать от жары и холода одновременно. Он не ушёл, как я подумала!

Кровать прогибается под его весом, и я напрягаюсь, ожидая, но Дэмиан не касается меня.

— Я хочу помочь, но оставляю это тебе — прийти ко мне, — шепчет он. Его нежные пальцы в моих волосах, только там, а затем он уходит.

В этот раз я наблюдаю, как он уходит, слегка прикрывая дверь за собой.

Слёзы жгут глаза.

Я хочу плакать, потому что не знаю, смогу ли я жить той жизнью, что живёт он.

Я хочу плакать, потому что не знаю, что будущее уготовило для меня.

Я хочу плакать, потому что всегда будет смертный приговор, висящий над моей головой, и я даже не знаю, кто хочет меня убить. Это ужасно — иметь безликого врага.

Я так устала, чувствую опустошение и одновременно с этим стремление к единственному месту, где чувствую себя в безопасности.

Собравшись силами, я вытаскиваю свое уставшее тело из постели. Когда я открываю дверь, то отпрыгиваю на шаг назад. Не знаю, как долго Дэмиан стоял за дверью.

Он делает шаг, который сокращает расстояние между нами, и его ладони согревают мои щёки. Его руки перемещаются в мои волосы, и он прижимает губы к моему лбу.

— Я с тобой. Ты в безопасности, Кара, — шепчет он.

Он берёт меня за руку и тянет в свою комнату, которая в последнее время стала моим убежищем. Я заползаю в кровать и жду, когда он ляжет, прежде чем прижаться к его боку.

— Дэмиан, — шепчу я, желая сохранить спокойствие, которое поселилось между нами. — Почему ты оставил меня себе? — я задаю вопрос, который больше всего вертится у меня в голове с тех пор, как он привёл меня сюда.

— Я предпочёл бы не отвечать на этот вопрос, — он впервые отказывается отвечать мне.

Я отодвигаюсь, так я могу лучше видеть его лицо. Он хмурится, и эти беспокойные мышцы на его челюсти дёргаются слишком сильно.

— Почему нет? — настаиваю я. Мне не следует, но вопреки здравому смыслу, я делаю это.

— Ты исцеляешься, Кара.

Он пытается улыбнуться, но это выглядит как гримаса.

— Давай остановимся на этом.

Я смотрю на его грудь и думаю о том, что он только что сказал.

— Почему это как-то связано с моим исцелением?

— Хм...

Я могу чувствовать недовольство, исходящее от него.

— Почему ты не можешь просто оставить это? — ворчит он. — Я подвёл Лию. Я оставил её без защиты, и он избил её, зная, что это был единственный способ добраться до меня. Мой отец убил её. Я нутром это чую. Они сказали, что она повесилась, но я не верю в это, ни одну чёртову минуту. Он убил её. Я подвёл её и, чёрт возьми, — шипит он, — я подвёл тебя тоже! Ты хочешь услышать, что я чувствую себя дерьмово, потому что пришёл слишком поздно?

Я пытаюсь не видеть связи — что я не более чем замена его мёртвой девушки, которую он не смог спасти.

Его голос почти неразличимый шёпот:

— Том прислал мне первую запись, которую они сделали с тобой. Я смотрел эту запись, где тебя избивали снова и снова... и...

Он тянется ко мне, но прежде чем его рука касается моей щеки, он опускает её.

— Я просто знал, что должен был достать тебя. Я чувствовал себя плохо, зная, что ты у них.

— Меня или Лию? — шепчу я и поднимаю глаза. — Ты пошёл вытаскивать меня или Лию? — спрашиваю я, и мой голос дрожит. — Кого ты привёз домой, Дэмиан? Меня или Лию?

Его лицо мрачнеет, и я вижу Хищника точно таким же, каким он был в тот день, когда пришёл за мной. Он медленно поднимает голову, и моё сердце тяжело бьётся, стуча быстрее, когда он втягивает воздух сквозь зубы.

— Я вытащил тебя из этой гребаной дыры, — шипит он. — Я отмыл тебя, Кара.

Моё имя звучит горько на его губах.

— Я убил девять человек из-за тебя.

Он переводит дыхание, и я знаю, он ещё не закончил. Я разозлила его.

— Не... — начинаю я, но он поднимает руку, и один этот жест заставляет воздух потрескивать.

— Я чувствую из-за тебя. Я ненавижу из-за тебя. Я злюсь из-за тебя. Я хотел бы вернуться и мучить их, заставить их страдать, вместо того, чтобы подарить им такую быструю смерть.

Его голос понижается, и каждое слово словно удар.

— Когда я смотрел эти записи, которые они сделали с тобой...

Он делает паузу, и я начинаю трясти головой, желая, чтобы он остановился.

— Это не то, что опустошило меня, Кара. Слышать твой крик в моём доме, чтобы эти ублюдки остановились, это то, что поедало мою грёбаную душу! Не зная, как сделать это, черт возьми, лучше, выводило меня из себя. Ты знаешь, каким облажавшимся я себя чувствую, потому что пришёл слишком поздно?

— Пожалуйста, остановись, — хриплю я, мои лёгкие горят от нехватки воздуха.

Он делает глубокий, прерывистый вздох.

— Однако я не ответил на твой вопрос, верно? Я оставил тебя, потому что у тебя никого нет. Снаружи нет ни одного грёбаного человека, которого волнует, не умрёшь ли ты. Я видел кое-кого, кого затолкали в этот *банутый мир, чтобы постоять за себя, и она не смогла. Я видел кого-то, кто нуждался в защите.

Он неровно вздыхает, а затем шепчет:

— Я вижу самую красивую чёртову женщину перед собой, и она прекрасна. Ты так прекрасно сломлена, и это заставляет меня удерживать тебя.

Я не могу дышать. Я не могу слышать слова, которые он говорит, они ранят слишком сильно. Я сползаю с кровати и ухожу от Дэмиана и его честности.

Я не уверена, что значит половина из того, что он сказал. Я не уверена в том, что он чувствует ко мне. Я даже не уверена в том, что я чувствую к нему.

Но я совершенно уверена, что далека от готовности для любого вида отношений.

Я была права. Пора уходить.

***

Вода вокруг меня красная, а кровь сладкая на вкус. Я слышу знакомый звук, приближающийся ко мне, и ждущую боль, что режет мою спину, однако, затем она горит.

Звук не похож на всплески лопастей мотора, это кожа на коже: удары, пинки, насилие. Вода сдерживает меня. Она начинает царапать меня, оцупывая длинными

водянистыми пальцами. Они повсюду. Внутри меня есть только красная вода и ничего не осталось больше.

Тёмные облака, разбросанные по небу, такого же цвета, как глаза Дэмиана. Я стою у задней двери, глядя на них, и делаю первый шаг на задний двор.

Джин находится где-то внутри дома, и я хочу ещё мгновение для себя, после тяжёлой ночи, что у меня была. Я иду к линии деревьев позади дома. Когда подхожу ближе, я вижу небольшой ручей. Здесь действительно красиво, и я жалею, что не выходила раньше.

Я сажусь на поваленную ветку и смотрю на текущую воду, блестящую на гладких камнях. Я закрываю глаза и слушаю успокаивающие звуки вокруг меня.

— Вот ты где, — её голос разрушает мир вокруг меня, и я стону про себя. — Я видела, как ты шла сюда, и надеялась найти тебя.

Я кошусь на неё снизу вверх. Она обладает необычной красотой. Та словно кричит, чтобы вы заметили её. Это красота, которая находится под лучами прожекторов. Я быстро отвожу взгляд. Ей не место здесь — такой разодетой, с её сандалиями и вычурными блузками. Её глаза тёмные от макияжа, и это подчёркивает их синий цвет, но всё равно — ей тут не место.

Я начинаю жевать губу, нервное напряжение закручивается у меня в животе.

— Итак, что ты думаешь о Дэмиане? — спрашивает она, садясь рядом со мной. Мне ненавистно, что она пошла сюда за мной.

Я немного отодвигаюсь, чтобы мы не были слишком близко друг к другу. Дэмиан — это последняя тема, которую я хочу обсуждать с ней.

— Он милый, — я даю самый простой ответ, который приходит мне в голову. Это один из тех вопросов, на который я не могу правдиво ответить, потому что истина заключается в том, что он чертовски жуткий. Он — убийца, монстр с золотым сердцем.

— Милый, — она повторяет мои слова, но у неё это звучит иначе. Я усиленно пялюсь на воду.

— Вы давно дружите? — слова просто вырываются из меня. Я сжимаю кулаки и стискиваю челюсть.

— На данный момент, мы знаем друг друга несколько лет. Он отличается от всех остальных мужчин, которых я знаю. Конечно, тебе это известно, понятно, потому как ты живешь здесь и все такое.

Я не знаю, что она имеет в виду, и я поворачиваю голову в её сторону. На её губах слабая улыбка, почти сказочная.

— Я встретила его в баре. Ты знаешь, тот, где я пою? — спрашивает она. — Можно сказать, что мы друзья... я полагаю.

Я подсказываю. Не хочу знать, что «я полагаю» означает.

— Ты хорошо спала прошлой ночью? — спрашиваю я, и сразу жалею, что задала этот вопрос. Я не должна копать. Мне не следует лезть в это.

— Я сделала это, в конце концов, — она вздыхает и тоже встаёт. — Я... — она заикается, и я задаю себе вопрос, это искренне или она изображает это для того, чтобы вызвать сочувствие. — Мой брат попал в трудное положение с одной бандой, и они продолжают приходить к нам домой, они ищут его. Там для меня небезопасно. Это реально здорово, что Дэмиан позволил мне остаться, пока я не смогу придумать какой-то другой выход.

Мне не нужно это слышать. Её жизнь меня не касается. Я тут ненадолго. Через год Дэмиан будет только воспоминанием. Я чувствую острый укол печали, которую не совсем понимаю. Мне не нравится Дэмиан, и мне не нужен любой вид отношений.

«Это потому, что ты чувствуешь благодарность», — говорю я себе.

— Теперь они звонят мне с требованиями сказать, где он, — продолжает она, как будто это должно меня беспокоить. И где-то глубоко внутри я чувствую вину за то, что

меня это не заботит. Как это всё глупо. Она не беспокоилась ни разу, чёрт возьми, обо мне.

— По крайней мере, Дэмиан принял звонок прошлой ночью.

Теперь я беспокоюсь. И я не знаю, почему.

— Он был такой милый, — она практически мурлычет.

Я говорю себе уйти.

«Повернись. Уходи. Вперёд! Это меня не касается».

— Всегда чувствую себя комфортно в его объятиях.

Наконец-то! Мои ноги слушаются меня, и я начинаю идти.

— Пойду выпью кофе, — бормочу я, когда оставляю её позади.

Меня не должно беспокоить то, что Дэмиан был с ней прошлой ночью, что он обнимал её. Он ничего не значит для меня, к тому же является временным убежищем, которое достигло предела срока годности.

Она многовато смеётся для кого-то, кто переживает трудные времена. Она также много прикасается к нему. Быстрые пожатия рук. Объятья. Каждый раз, когда она прикасается к нему, я ненавижу её всё больше и больше. К концу первого дня у меня горький привкус во рту, который называется «Джин».

Ревность не делает тебя противным. Она делает тебя грёбаным актёром. Она пожирает тебя, пока ничего не остаётся от человека, которым ты был раньше. Ты должен действовать, чтобы стать кем-то, кто лучше человека, к которому ты ревнуешь. Имеет ли это смысл?

Я слышу, как он идёт в её комнату посреди ночи. Учитывая, что это прямо рядом со мной, я не могу упустить этого. Это убивает меня, и я даже не знаю, почему.

Она здесь уже четыре дня, и снова Дэмиан идёт в её комнату. Я слышу её смех, а затем они идут по коридору.

Я вскакиваю. Выхожу из комнаты, крадась по проклятому коридору как преступник. Внизу темно, но я все равно спускаюсь по лестнице. Слабый свет исходит из гостиной и освещает небольшую часть прихожей. Я неспешно заглядываю и застываю.

Они лежат на диване, который был разложен в кровать. И смотрят кино. Я не знаю, какое. Она толкает его, и он толкает её в ответ. Эту сторону Дэмиана я никогда не видела.

— Так тебе нравится научная фантастика и фэнтези.

Я слышу, как она говорит что-то о нём, чего я не знала. Мне следовало бы знать это. Чёрт возьми, мы жили вместе уже некоторое время.

— Хочу попробовать твоё любимое блюдо, тайское куриное карри, — она снова смеётся.

— Я сам приготовлю завтра немного.

Слёзы жалят глаза, грозя пролиться.

Он есть карри? Он собирается сделать ей немного? Я не знаю, почему такие обыденные факты о нём влияют на меня так сильно.

— Если бы ты была холостяком так долго, как я, ты бы научилась готовить, детка, — дразнит он, и я закрываю глаза.

— Ты готовь, а я буду развлекать тебя пением, — говорит она.

— Хороший план, — он перебрасывает руку вокруг неё и тянет в объятия.

Мои глаза приклеены к ним, пока они смеются и шутят. Я завидую их дружбе. Я завидую им.

— Пойдём, вернёмся с тобой в постель, — говорит он, и я поворачиваюсь и бегу.

Я бегу в ванную и быстро закрываю дверь, оставляя её открытой лишь на дюйм. Я стою, сердце грохочет, глаза широко распахнуты.

Я слышу, как закрывается её дверь, но не его. Я слышу только, как закрывается её дверь.

Я скольжу вниз по стене, пока мой зад не ударяется об пол. Через несколько минут я ложусь и кладу руки на уши, на всякий случай. Я не хочу слышать, как они трахаются.

***

Что-то легонько толкает меня в плечо, пробуждая боль в мышцах.

— Кара?

Я открываю глаза и смотрю на плитку ванной. Чёрт! Я заснула на полу. Я подтягиваюсь к умывальнику, чувствуя слабость.

— Ты в порядке? — спрашивает Дэмиан. Я чувствую, как его глаза прожигают дыру на моей спине.

— Я в порядке, — бурчу я. Я протираю заспанные глаза. Открываю горячую воду и жду секунду, чтобы она стала теплее, прежде чем брызнуть немного себе на лицо. Я попадаю в утреннюю рутину чистки зубов и умывания.

— Кара, сейчас три часа утра. Что ты здесь делаешь?

Я слышу настоящее беспокойство в его голосе. Даже это причиняет боль.

Я заканчиваю вытирать свое лицо, поворачиваюсь и, не взглянув в его сторону, протискиваюсь мимо него. Как объяснить ему, что я видела? Как объяснить ему, что я ревную к глупой дружбе?

Я иду в свою комнату и заползаю в постель, потому что я всё ещё уставшая.

***

На следующее утро я просыпаюсь поздно.

Я встаю и быстро натягиваю джинсы.

«Я в порядке. Я выжила. Я сделаю это самостоятельно». Я заставляю свое сердце биться сильнее.

Едва успеваю надеть лифчик, когда Дэмиан стучит в дверь. Я хватаю рубашку и не утруждаюсь с ответом. Стою к нему спиной, когда он заходит. Мои руки холодные, когда я натягиваю рубашку на свое тело.

— Я не могу исправить это, если ты не скажешь мне, что тебя съедает, — говорит он.

Я натягиваю кеды и только потом поворачиваюсь к нему.

— Всё в порядке, — огрызаюсь я, раздражённо.

— Что, чёрт возьми, забралось тебе в задницу? — рявкает он.

— Она! — визжу я. — Женщина, с которой я под одной крышей.

Я собираюсь избавиться от своего дерьма прямо здесь. Я становлюсь чертовски сумасшедшей.

— Я видела вас двоих, Дэмиан. Я, черт возьми, видела тебя и эту общую фигню, которую она получает, видя ту сторону тебя.

Я выпрямляю спину и делаю три глубоких вдоха.

Я закрываю глаза, чтобы успокоиться. *«Я не тресну. Я не сломаюсь. Не из-за неё и него».*

Когда я открываю глаза, он стоит на том же месте, и его лицо ничего не отражает. Всегда холодный убийца, когда речь идёт обо мне.

— Знаешь, что? К чёрту это дерьмо. Она может получить тебя. Если бы я что-то значила, я бы была твоим другом. Я бы была той, с кем бы ты лежал, разговаривал, смотрел фильмы. Это, очевидно, не тот случай. Я просто беспорядок, который ты должен убрать, правильно?

Сказав это, я выдыхаю.

— Мы просто друзья... — начинает он.

Я усиленно трясую головой.

— А мы нет. Не заставляй свою подругу ждать.

С каждым словом, которое я говорю, часть меня отключается, снова становясь камнем. Я даже не знаю, почему меня волнует, что он делает.

«Ты думала, что наконец-то нашла друга, ты, идиотка!» — внутренний голос дразнит меня.

— Так что, мне запрещено разговаривать с другими женщинами? — огрызается он, явно злясь на меня.

— Я не могу говорить тебе, что делать, не так ли? Я здесь ненадолго.

Он может трахать любую женщину. У меня нет прав на него.

Я была душой, веря, что это будет безопасным местом для меня, чтобы остаться.

— Что на самом деле тебя беспокоит? — спрашивает он, действительно желая, чтобы я закончила, но я завершила этот разговор. Тут нечего больше сказать.

— Я прошу прощения за своё поведение, это было неуместно. Я не имею права говорить тебе, что делать.

Мой голос слабеет. Я не отрываю от него глаз. Я сдуваюсь внутри до тех пор, пока не чувствую, что опустошена.

«Я дышу. Я дышу. Я дышу. Это всё, что я делаю. Один вздох, потом следующий».

— Это всё? — спрашивает он и делает шаг ко мне, переходя в режим хищника, но на этот раз он меня не пугает. — Теперь ты внезапно извиняешься? — шипит он.

Я киваю, дважды.

— Да, — говорю я чётко. — Мне жаль. Ты имеешь полное право делать, что ты хочешь. Это твой дом.

Он смотрит на меня мгновение, и мне интересно, о чём он думает. Мне стоит просто промолчать и уйти.

— Она просто друг, которому нужно где-то остановиться, — он объясняет мне снова, но на этот раз проговаривает слова медленно, как будто я какая-то глупая дура.

— Я понимаю, — я отвечаю слишком быстро, и он качает головой.

— Ты больше не слушаешь слова, которые я говорю, не так ли? — спрашивает Дэмиан.

— Я... — но он прав, пока кто-то ещё живёт здесь, становясь ближе к нему и заставляя его смеяться, для меня нет здесь места.

Это не безопасно для меня больше. Время двигаться дальше. Я и так была здесь слишком долго.

— Я сказала, мне жаль. Я идиотка. Я слишком остро реагирую. Сейчас я собираюсь пойти сделать кофе.

Я заканчиваю этот разговор. Прохожу мимо него и вздыхаю с облегчением, когда он не останавливает меня.

Глава 10

Дэмиан

Я не знаю, что случилось с Карой. Это сводит меня с ума. Я честно не думал, что она отреагирует таким образом на пребывание здесь Джин.

Джин — это просто ещё одна работа. Она платит за мою защиту. Это только на время, так что я надеюсь, что Кара справится с этим.

Я сажусь на её кровать и смотрю на пол. Кара слишком глубоко у меня под кожей. Меня не должно волновать, что она думает и чувствует, но меня, чёрт возьми, волнует это.

Кара

Зайдя на кухню, я сразу бросаю взгляд на них: на него у плиты, занятого приготовлением идиотского карри, и её, сидящую на чёртовом столе. Фу, мне придётся есть, сидя за ним.

Я направляюсь к задней двери, больше не взглянув ни на кого. Мне следовало надеть свитер. Снаружи холодно.

Облака становятся гуще, и, похоже, приближается тот ещё адский шторм. Так же, как у меня внутри.

— Почему я не могу просто иметь нормальную жизнь? — бормочу я, когда прохожу мимо деревьев. Я остаюсь на улице долгое время, пока не начинают падать первые капли.

Я медленно иду назад, когда небо разверзается сильным ливнем. Я останавливаюсь на полпути к дому. Холодно, но я действительно размышляю о том, чтобы остаться на улице. Дождь быстро пропитывает мою одежду, и с тяжёлым сердцем я возвращаюсь на кухню.

— Ох, дорогая, ты попала под бурю, — Джин изливает своё беспокойство, и я улыбаюсь в ответ слишком широко.

— Нет, дорогая, я просто люблю гулять под дождём. Если подумать, я ещё не закончила. Я просто люблю воду, очень сильно.

Я поворачиваюсь и направляюсь обратно под дождь, потому что видеть её лицо это слишком для меня сейчас.

Я бесцельно брожу вокруг дома. Хотя я и чертовски сильно отморозила задницу, но не готова к этим слащавым, фальшивым эмоциям на кухне.

— Кара, — рявкает Дэмиан позади меня.

— Чёрт возьми, парень! — кричу я. — Прекрати подкрадываться ко мне незаметно!

Я пытаюсь унять свое бешено-стучащее сердце.

— Тебе нравится морозить свою задницу?

— Да, я просто люблю промокать, — огрызаюсь я в ответ.

Улыбка растягивает уголок его рта, и жар приливает к моей шее. Я не это имела в виду. Чёрт! Он делает шаг вперёд и ещё один, пока тепло его тела не отгоняет некоторый холод из моей груди.

Хищник прижимает губы к моему виску, а затем поворачивается и уходит.

— Пожалуйста, входи. Я не хочу, чтобы ты заболела.

Я не сразу следую за ним. Просто наблюдаю, как он исчезает внутри, прежде чем тихо говорю:

— Мне нужно найти способ жить самостоятельно.

***

Не удивительно, что я не могу уснуть этой ночью. Я в полном раздрае. Я открываю дверь, собираясь сделать шаг в сторону комнаты Дэмиана, когда слышу голос Джин.

— Я не видела её после полудня. Она настоящая тихоня.

Минутное молчание.

— Нет, он замечательный, — воркует она кому-то, с кем разговаривает по телефону. — Я обосновалась на долгое время.

Она мечтательно вздыхает, и этот звук заставляет меня съежиться.

— Не думаю, что в его жизни кто-то есть... ну, ненадолго. Я заполню этот пробел очень скоро. Он сексуальный и скрытный. Ты знаешь, я люблю это в мужчинах. Это всего лишь вопрос времени, прежде чем я вернусь в его постель.

Я услышала достаточно. Быстро иду к шкафу и надеваю джинсы, тёплую рубашку и кроссовки. Я натягиваю свитер через голову, хватаю паспорт и удостоверение личности. Я

выскальзываю из моей комнаты и крадусь по коридору. Когда я прохожу мимо ее комнаты, то снова слышу:

— Мужчины хотят только одного, дорогая, а он настоящий мужчина. Он уже не может удержат свои руки от меня.

Я иду быстрее, бросаясь вниз по лестнице. Осторожно открываю замок на входной двери, так как не хочу разбудить Дэмиана. Я медленно открываю дверь и затем бегу. Даже не задерживаюсь, чтобы закрыть за собой дверь.

Я бегу так, как будто от этого зависит моя жизнь.

Я бегу так, как должна была бежать, когда впервые встретила Стивена.

Когда я добираюсь до главной дороги, то просто направляюсь в произвольном направлении. Я не уверена, насколько далеко я от города.

У меня нет никаких денег. От этой мысли в моей груди разливается паника, но я останавливаю её. Я могу побеспокоиться об этом, когда доберусь до города.

Я не перестаю бежать, пока не слышу звук автомобиля. Я не думаю о моей безопасности. Я думаю лишь о том, как убежать. Мне нужно убежать от моих воспоминаний, от той женщины, которая вонзит когти в Дэмиана, и от чувств, которые я начинаю испытывать к нему.

Я не готова ни к чему даже отдалённо связанному с сексом, а Джин готова. Она будет в состоянии дать ему то, что ему нужно. Я никогда не буду цельной снова. Дэмиан заслуживает больше, чем мою сломанную, грязную душу.

Я слышу машину позади, и вскоре появляются фары, разрушающие темноту вокруг. Я машу руками, но машина просто проезжает мимо. Я сглупила, уйдя посреди ночи. Ни один здравомыслящий человек не остановится ради какого-то случайного незнакомца.

Я ускоряю свой темп так, чтобы оставить больше расстояния между мной и домом на случай, если Дэмиан заметит, что я ушла.

Я иду долгое время до того момента, как слышу ещё один автомобиль. Машу руками, когда он приближается, молясь, чтобы этот водитель остановился.

Машина замедляется, и яркие фары на миг ослепляют меня. Беспокойство съедает мои внутренности, когда она подъезжает ближе. Это не машина. Это один из тех «домов на колёсах». Я не знаю, как их называют. Трейлеры? Чёрт возьми, если бы я знала. За рулём женщина средних лет, которая мне улыбается.

— Дорогая, — её сильный акцент растягивает слово, — что такая малышка, как ты, делает тут одна посреди ночи?

— Подвезите меня, пожалуйста.

Я говорю с надеждой, хотя мой тон напряжен. Она ведь женщина, которая улыбается, — это хороший знак, не так ли?

— Запрыгивай, — говорит она с обеспокоенным выражением лица. Я быстро открываю дверь и залезаю внутрь, прежде чем мой страх заставит меня бежать обратно к Дэмиану. Как только женщина выезжает обратно на дорогу, я вздыхаю с облегчением.

— Ты бежишь от кого-то? — спрашивает она, вот так просто, не теряя времени.

Я смотрю на неё широко раскрытыми глазами, не зная, что сказать. Я не продумала побег до конца.

— Не нужно говорить мне, но малышке вроде тебя бегать вокруг посреди ночи действительно опасно. Я полагаю, ты бежишь от кого-то более опасного.

— Я... хм... просто путешествую, — я выпаливаю первую отговорку, что приходит на ум. Я всё ещё имею южноафриканский акцент, так что отговорка должна сработать.

Она бегло осматривает меня и ухмыляется.

— Без чемодана? Ты путешествуешь по Чесни, не имея ничего, кроме одежды, которая одета на тебе? Зачем кому-то хотеть увидеть этот маленький старый город?

Она смотрит на меня, как будто я какая-то сбежавшая сумасшедшая.

Я даже не знаю, где я. Насколько хреново это все?

— Мне нравятся тихие места, — это единственное оправдание, которое я могу придумать.

— Энни Уилсон. Это моё имя. Ты можешь звать меня просто Энни, как и все остальные.

Она начинает болтать без умолку.

— Я направляюсь домой. Приехала сюда на похороны моей сестры. Ужасный приступ лёгочной инфекции забрал её, в конечном счёте. Я говорила ей, травка ей не на пользу, но она продолжала курить эту дрянь быстрее, чем могла её вырастить.

Я округляю глаза от удивления, хотя и говорю себе перестать пялиться — пялиться не вежливо, и кто я такая, чтобы судить?

— Но нет, она продолжала говорить, что это хорошо при её болезнях. Ну, у неё нет ни одной болезни больше.

Энни вздыхает, и я, наконец, отрываю глаза от её румяных щёк и разрываю взгляд.

— Так что да, я возвращаюсь домой.

Она смотрит на меня, а потом говорит.

— Это в Лакаваксен, маленьком историческом городке в Пенсильвании. Переехала туда, когда вышла замуж. Мой старик работал в местной лесопильной компании, но затем он ушёл на зелёные пастбища. У меня есть несколько акров земли за пределами города. Это помогает мне жить. Я работаю на землю, или, чёрт возьми, земля работает на меня.

Она хихикает.

— Мы друг друга поняли. То, что я вкладываю в неё, возвращается.

Она молчит, и я вновь смотрю на неё. Женщина делает глубокий вдох, и мой желудок связывается в узел.

— Я уверена, что не знаю, куда ты направляешься, но это туда, куда я держу путь. Ты можешь присоединиться.

— Так просто? — выпаливаю я. — Вы просто позволите мне ехать с вами?

Мой рот от удивления открывается.

— Я не сижу в церкви и не прикидываюсь тем, кем не являюсь, — говорит она. — Я верю, что Господь работает загадочными путями. Не то, что ты отдаёшь *Ему* в тех четырех стенах, имеет значение, а то, что ты делаешь для его детей, когда они приходят просить о твоей помощи. Я чертовски уверена, что не буду говорить «нет» моему Господу, когда *Он* посылает мне одного из его стада, чтобы позаботиться о нём.

Теперь я — та, кто смотрит на неё, как будто она сбежала из психушки. Эта женщина что, серьёзно? Говорит о Боге, стадах и прочем?

— Я не буду спрашивать, от чего ты бежишь. Я буду рада, если ты поедешь со мной. Есть работа, которую я могу тебе дать. Ты сможешь прокормить себя. Энни видит одну потерянную душу, и она точно не собирается указать тебе на дверь.

Я смотрю на дверь и подумываю выпрыгнуть, не уверенная, в порядке ли у неё с головой. Но я не выпрыгиваю. Конечно, я остаюсь, потому что я трусиха, а это — лёгкий выход.

Мы останавливаемся три раза на бензоколонках, прежде чем я выхожу, чтобы сходить в туалет. Я быстро пользуюсь туалетом, не закрывая дверь полностью. Дэмиан не прибежит, чтобы спасти мою задницу на этот раз.

После того, как вымыла руки, я достаю паспорт и удостоверение личности из моего кармана, чтобы изучить их. Мне нужно знать мою новую личность, так, чтобы я могла, по крайней мере, предоставить Энни имя. Когда я открываю паспорт и вижу имя, то чувствую, как часть меня разрушается. Я смотрю на имя, пока глаза наполняются слезами.

Лицо моё, но оно намного моложе и счастливее. Должно быть, он получил фото от дяди Тома.

Но имя... Карен Вестон. Он дал мне свою фамилию. Ещё когда он едва знал меня. Маленькая карточка показывает моё лицо, моё новое имя и его адрес. Чесни, Южная Каролина.

Я смотрю на паспорт и с трудом сглатываю. Дэмиан сделал всё это для меня. Он собирался взять меня и заботиться обо мне с самого начала. Это не было для него несерьезным делом, он не был героем просто на один раз.

Правильно ли я поступила, уйдя от него? Оставался бы он другом после всего?

— Дорогая, ты упала? — зовёт Энни снаружи.

— Нет, — хриплю я. Я прочищаю горло и быстро вытираю слёзы с моих щёк. — Я иду.

Засовываю документы в карман и спускаю воду в туалете, таким образом, Энни будет думать, что я использовала его всё это время. Я выпрямляю плечи, и когда выхожу, то поднимаю подбородок и улыбаюсь Энни.

— Я Карен Вестон, и спасибо, что позволили мне поехать с вами.

— Приятно познакомиться с тобой, Карен.

Она улыбается, но её глаза изучают моё лицо, как будто она знает, что я сказала ей фальшивое имя.

Мы возвращаемся к трейлеру, но прежде, чем залезть в него, я смотрю на дорогу. На мгновение у меня появляется безумная мысль о возвращении к Дэмиану. Я буду там в безопасности. Я буду иметь какой-то дом.

Дэмиан...

Я сильно трясу головой, отгоняя мысли, и сажусь в машину. Я не могу вернуться к такой большой неопределённости, но я возьму кусочек его с собой.

Дорога длинная, но я не могу спать. Мы едем вечность или даже больше. Ночь становится днём, который снова становится ночью. Время просто размывается рядом со мной. Мы могли бы уже быть также на полпути к Африке, — всё, что я знаю.

Энни много говорит. Я имею в виду, женщина, должно быть, проглотила граммофон, потому что она просто не останавливается. Через некоторое время, её голос представляет собой гул, и я киваю и говорю «да», проявляя интерес, пока она не ударяет ладонями по рулю от возбуждения. Мой взгляд устремляется к ней, и я хмурюсь, когда вижу огромную улыбку на её лице.

— В самом деле? Ты думаешь, это будет отличной идеей? Я тоже так думаю, — бормочет она.

Я поднимаю голову от окна и смотрю на неё, кажется, впервые замечая, как она выглядит: счастливо выглядящая дама, слегка полноватая, но это делает её ещё более дружелюбной. Её каштановые волосы седеют по бокам, а карие глаза выражают заботу и участие.

— Почему ты думаешь, что это отличная идея? — пытаюсь выудить я. Я понятия не имею, на что я только что согласилась.

— Ну, я хотела попробовать оптовую торговлю уже довольно давно, но у меня никогда не было кого-то, чтобы помочь мне обрабатывать землю. С тобой это может сработать, — объясняет она.

Ох, черт возьми, нет. Я не буду начинать фермерское дело с ней. Я перевожу дыхание и смотрю обратно в окно. Может быть, я смогу как-то исчезнуть на одной из остановок. Но я знаю, что не смогу, потому что я трусиха.

— Мы почти на месте, — внезапно говорит она.

Я смотрю вокруг, пораженная красотой, которая окружает меня. Всё такое зелёное! Это просто широкое открытое пространство зелёного цвета.

Когда мы останавливаемся на грунтовой дороге, я выхожу, чтобы открыть ржавые ворота. Они дребезжат, когда раскачиваются. Мы едем довольно далеко вверх по грунтовой дороге, прежде чем добираемся до дома. Он выглядит просто. Почти плоская крыша, деревянное строение стоит практически посреди глуши.

— Это один из тех домов-трейлеров. Они привозят их на колёсах, когда ты покупаешь один, — продолжает говорить Энни. У меня такое чувство, что разговоры успокаивают её.

— Меня устраивает. Кому нужно больше, чем две спальни и ванная? Кухня достаточно большая, чтобы приготовить то, что я ем, и я могу кинуть свои старые кости отдохнуть в гостиной. Мне не нужно что-то фантастическое. Земля на улице, близко к реке, так что мне не приходится ходить далеко за водой. Я покажу тебе позже. Давай, сами сначала заселимся. Моя спина скоро сломается пополам.

Я следую за ней в маленький домик, не уверенная, чего ожидать. Её дом... своеобразный. Я полагаю, он такой же, как она в некотором смысле. Маленькие реликвии украшают почти каждое открытое место, а не подходящие друг другу ковры покрывают пол. Две кушетки из другой эпохи и доисторический телевизор. У него ещё есть кнопки, которые нужно нажимать самим.

Кухня — это другая история. Кастрюли и сковородки свисают с потолка, вместе с сушёным чили и чесноком. Ряд маленьких травяных горшочков заполняют подоконник, и крошечные магниты с Библейскими стихами украшают холодильник.

— Это мой дом, дорогая, — вздыхает Энни. Я улыбаюсь ей, потому что она права. Это её дом. — Сюда, — говорит она, указывая на небольшой проход.

На самом деле это не проход, это больше похоже на коридор в четыре шага. Гостиная комната оформлена в оттенках фиолетового. Я сглатываю и вхожу. Это реально красиво. Односпальная кровать стоит в середине комнаты с простым комодом, завершающим обстановку.

— Спасибо, что позволила мне остаться, — шепчу я. Слов не достаточно, я знаю.

— По ночам я люблю посидеть на улице, прежде чем лечь спать. Я говорю с моим Господом, рассказываю Ему о моих тревогах и благодарю. Я не знаю, с кем говоришь ты, дорогая, но звёзды точно ярко сияют здесь, и они не возражают надоедливому народу вроде нас.

С этими словами она оставляет меня стоять одну в комнате, и я чувствую себя несчастной.

Я никогда не была из тех, кто молится, но я могла бы просто дать звёздам шанс, потому что ничто другое не работает.

Дэмиан

Я как всегда встаю рано и иду вниз по лестнице, когда замечаю, что входная дверь широко открыта. На мгновение я замираю, прежде чем бегу обратно вверх.

Я открываю дверь в комнату Джин и вижу, что она всё ещё в постели. Затем мчусь в комнату Кары. Воздух со свистом выходит из моей груди, и в первый раз за очень долгое время я чувствую вспышку страха. Где она, черт возьми?

Кровать не убрана, дверь шкафа открыта. Я мчусь обратно вниз и смотрю на дверь. Никаких следов проникновения.

Расстроенный, я потираю рукой свою бороду. Я бы услышал, если бы кто-то вломился. Я бы что-то услышал, если бы кто-то пришёл за Карой.

Нет никакой возможности, чтобы кто-либо мог бы узнать, где она находилась.

— Доброе утро, — бормочет Джин, когда спускается по лестнице. Я стону, когда вижу, что она одета только в топ и трусики. Эта женщина сводит меня с ума.

— Ты слышала что-нибудь прошлой ночью? — спрашиваю я.

Она идёт на кухню.

— Нет, ничего.

Я смотрю обратно на улицу, задаваясь вопросом, с чего начать.

— Ох, подожди, — зовёт Джин из кухни, — Карен пошла на прогулку, как раз перед тем, как я вырубилась.

— Что? — спрашиваю я, ошеломлённый. Проблеск страха растёт в моей груди, мысли путаются. Я всегда спокойный и все держу под контролем. Ненавижу, когда я не в состоянии контролировать ситуацию. Дела идут неправильно, если я выхожу из себя.

— Я сказала, — Джин появляется в дверях, потягивая чашку кофе, — она пошла погулять. Она даже не удосужилась закрыть за собой дверь. Немного рискованно, на мой взгляд.

— С ней кто-нибудь был? — я не могу сконцентрировать свой разум на том, что говорит Джин.

Она хмурится на меня.

— Нет. Она была одна.

— Б**дь! — я мчусь обратно вверх по лестнице в свой кабинет. Ищу глазами камеру и карты памяти, и когда я нахожу их, то чувствую замешательство. Она не взяла их с собой. Всё точно так же, как я оставил прошлой ночью.

Я меряю шагами пол, и тёмные мысли начинают назревать в моём сознании. Зачем ей было просто уходить? Случилось что-то, чего я не знаю? Она действительно так расстроилась, что Джин находится здесь?

Моя интуиция подсказывает мне, где искать ответ, так я смогу исправить этот беспорядок. Я шагаю к картотеке и вынимаю её файл. Может быть, есть что-то, что я пропустил о ней? Я открываю его и на мгновение это выглядит странно, затем это поражает — паспорт и удостоверение личности пропали.

— Б**дь, — ругаюсь я в гневе. — Она планировала это, всё это время она планировала сбежать. Вот почему она вела себя так странно последние пару дней.

Я кидаю файл, и бумаги разлетаются по полу.

— Чёрт! Я должен был это предвидеть.

Одна паническая мысль за другой начинают врезаться в мой разум.

— Они найдут её. Черт, в этот раз они убьют её.

Я бросаюсь к своему сейфу и быстро открываю его. Достаю пистолет, несколько патронов, удостоверение личности на имя Дэмиана Вестона и немного налички, а затем бегу к себе в комнату. Я упаковываю маленькую дорожную сумку, взяв все самое необходимое.

На выходе я вспоминаю про Джин. Она стоит у входной двери, всё ещё попивая кофе. Я проношусь мимо нее, а затем выкрикиваю вслед:

— У тебя есть пять минут, чтобы упаковать своё дерьмо. Я подброшу тебя к твоему дому.

— Какого хрена! — кричит она. — Почему?

— У меня есть важное дело, о чём надо позаботиться, — рявкаю я, уже переходя в режим выполнения миссии. Никаких чувств, только факты.

— Я заплатила тебе! — вопит Джин.

Я бросаю сумку на заднее сиденье автомобиля и бегу обратно к дому. Забираю чашку из рук Джин и кидаю посуду через двор. Достаю бумажник и отсчитываю тысячу баксов. Я сую их ей и затем иду в комнату, где она остановилась. Я мчусь через комнату, бросая все её вещи в сумку, а затем снова несусь вниз по лестнице.

Я бросаю сумку на крыльцо, выталкиваю Джин на улицу, а затем запираю за собой дверь.

Кара. Я могу думать только о ней, когда сажусь в машину.

Кара.

Её имя становится каждым ударом моего сердца. Я, чёрт возьми, позволил ей чувствовать себя небезопасно в моём доме, приведя туда Джин. Я не должен был этого делать. Я облажался, и теперь пришло время исправить это. Последнее, что я вижу, это как Джин, гневно размахивает руками, одетая в этот откровенный топ и трусики.

— Твою мать, Вестон! Ты чертовски сильно облажался.

Я ударяю кулаком по рулю, когда добираюсь до главной дороги.

— Каким путём ты пошла, Кара?

Используя только инстинкт, я поворачиваю налево, к городу. Я пройду по каждому кусочку земли мелким шагом, пока не найду её.

Вытаскиваю телефон и быстро набираю номер Джеффа.

Как только он отвечает, я не даю ему времени на разговоры.

— Отследи Карен Вестон. Нам нужно найти её, Джефф. Она сбежала.

— Б**дь, — стонет он сердито.

— Дай мне знать, когда у тебя будет зацепка.

Когда заканчиваю звонок, я осознаю, что моё сердце мчится со скоростью миля в минуту.

Два месяца... это всё, что потребовалось Каре, чтобы забраться в пространство, где раньше было моё сердце.

Глава 11

Кара

Я просыпаюсь под игру «Карпентенс» (*прим. американский вокально-инструментальный дуэт, состоявший из сестры Карен и брата Ричарда Карпентеров*) и кладу подушку на голову. Энни сведёт меня с ума этим проигрывателем. Потому как она слушает только две пластинки — «Карпентенс» и одну из старых пластинок Элвиса, они все поцарапанные и икают почти на каждой песне. Когда Энни напевает под них, она икает с ними.

Первую неделю я просто следовала за ней как потерянный щенок, и она позволяла мне это. Она показала мне, как вспахивать землю, как сажать семена, и я смотрела, как она начала накачивать странно выглядящую штуку, которая заставляла воду поступать из реки вверх к небольшому участку земли.

Незнакомый мне парень по имени Джейсон сделал это для неё. Она дала мне понять, что Джейсон не просто какой-то мальчик, который подрабатывает у пожилых людей, он для нее как сын.

Я смотрела, как она делает хлеб. Я имею в виду, с нуля — из муки, яиц и прочего. И она мариновала немного чили. Я никогда не запомню, как она сделала всё это, но это была самая захватывающая вещь, которую я когда-либо видела. Это был также первый раз, когда я позволила себе задаться вопросом, почему бы и нет?

Почему я не могу просто быть здесь? С Энни. Я скучаю по родителям, а у Энни никого нет. Мы могли бы жить вместе посреди глухомани. Никто никогда не найдёт меня здесь.

— Энни, — зову я, когда выхожу из комнаты, которая теперь стала моей. Верите или нет, я ношу платье. Энни подогнала несколько своих старых платьев для меня. Некоторые задевают пол, когда я иду, но большинство свисают ниже колен. Я не против. Они всё закрывают, и Энни счастлива. — Энни долго ли мне бродить так по участку?

Я нахожу её на крыльце, потягивающей свой собственноручно приготовленный домашний чай. Я больше никогда не прикоснусь к этой штуке. Энни пьёт цветы. Она собирает их на заднем дворе, даёт им высохнуть, а затем пьёт их. Она называет это своей версией ромашкового чая. Я не так уверена в этом, для меня это просто похоже на старые добрые маргаритки. Она начала объяснять, что ромашка — это разновидность маргаритки, но я все равно полила ближайшие ко мне розы чаем, что у меня осталось.

— Садись со мной, дорогая.

Она дарит мне свой всезнающий взгляд. Тот, который, как я быстро усвоила, ведёт к серьёзному разговору.

Я сажусь на качели и смотрю в сторону деревьев, где простирается река.

— Скажи мне, — начинает она, — тебе что-нибудь нужно из города? — спрашивает она, и я облегченно вздыхаю. Я ожидала вопросов или худшего.

— Нет. Нет, спасибо.

Я улыбаюсь. Она уже даёт мне так много.

— Значит, тебе не нужны никакие дамские штучки, ну ты знаешь, для того, что там, южнее.

Я краснею от её вопроса и начинаю кивать, потому что да, мне они нужны, но затем осознание жёстко ударяет по мне.

— У меня не было месячных.

— Ох, дорогая, — вздыхает Энни.

Я трясусь головой, когда уродливая возможность смотрит мне прямо в лицо.

— Я не могу быть...

Я вскакиваю и начинаю вышагивать перед Энни.

— Ты собираешься вызвать у меня головокружение. Сядь, дитя. Не нужно волноваться, пока мы точно не узнаем. Я достану один из этих тестов для тебя.

— Тем не менее, — бормочу я в шоке. — Я... я спущусь к грядкам. Увидимся позже.

Я мчусь прочь от всех вопросов в глазах Энни.

Беременность.

Все тёмные воспоминания наводняют меня, угрожая утопить меня под открытым небом. Я думала, что смогу убежать от кошмара. Я думала, что если просто проигнорирую всё это, тогда это будет просто... кошмаром.

Я не могу быть беременной. Я даже не знаю, кто из них меня оплодотворил! Так или иначе, они все мертвы.

Беременность.

Каждая секунда будет суровым напоминанием об изнасиловании, об избиении, об унижении. Может, мой цикл задерживается из-за избиения и изнасилования? Может, это просто стресс? Чёрт, я надеюсь на это.

Если я беременна, то хорошо, что я ушла от Дэмиана. С работой, которую он делает, это было бы слишком опасно для ребёнка.

Я пробыла с Энни одиннадцать дней. Дэмиан сказал, что для того, чтобы разрушить привычку, требуется две недели. Мне осталось только три дня, я надеялась, что боль от ухода от Дэмиана начала бы немного ослабевать, потому что тот, кто сказал, что время лечит, никогда не чувствовал боли, которую чувствую я.

— Мы уже сделали этот участок, дорогая, — слышу я голос Энни. Она дала мне немного времени для себя этим утром, за что я благодарна.

Я не знаю, что делать. Что, если я беременна? Что я буду делать?

Вместо того, чтобы воскрешать темные воспоминания, теперь я обдумываю вопросы, на которые у меня нет ответов.

Я смотрю на грядку, на которую только что набросилась. Мы уже сделали её? Я так напортачила. Я даже не могу ясно мыслить.

— Мы сделали это два дня назад. Сегодня мы сажаем семена томатов и картофеля.

Я встаю и стряхиваю пыль с рук, а затем подхожу туда, где находятся все пакеты семян.

Я смотрю через плечо, и страх прокатывается сквозь меня, когда я вижу, как ко мне приближается мужчина. Я бросаюсь к пакетам семян. Я не вижу картинок, слов — я просто подхожу ближе к скамейке и хватаю садовые ножницы — оружие.

— А вот и Джейсон, — гордо говорит Энни. Я не ослабляю хватку на ножницах. Им придётся вырвать их из моих мёртвых рук.

— Приятно познакомиться с вами, мисс... ээ... — он останавливается, и они оба ждут.

Я медленно поворачиваюсь, не спуская глаз с его ног. Его ноги сдвинутся первыми.

— Чепуха, мальчик. Просто зови её Карен. Эта девочка всё равно, что моя родственница, — Энни подходит ко мне, и в этот момент я люблю её.

Он протягивает мне руку, и я смотрю на неё слишком долго, прежде чем шагаю вперёд и поднимаю свою. Это рука с ножницами. Я бросаю их и начинаю бормотать как идиотка.

— Я... извини.

Я быстро поднимаю взгляд и осматриваю его униформу. Правоохранительные органы. Чёрт!

— Привет, — это слово выходит слишком пискляво, и я знаю, я просто знаю, если бы я была им, то с подозрением бы относилась бы ко мне.

— Джейсон Уильямс, — он улыбается, и мой живот завязывается в узел.

— Карен Вестон, — я называю моё имя и чувствую, что моя новообетенная свобода ускользает прочь.

Он собирается арестовать меня! Он собирается забрать у меня этот маленький кусочек рая. Чёрт!

— Я не знал, что у тебя гость, Энни. Теперь, вижу что ты не одна, — говорит он. Я делаю шаг назад, позволяя его руке повиснуть в воздухе.

Я поворачиваюсь обратно к скамейке и хватаю первый пакетик семян, который вижу.

— Это красный перец, дорогая.

Энни подходит ближе и кладёт руку поверх моей, сжимая её по-настоящему крепко.

— Почему бы тебе не сбегать наверх и не взять мою шляпу. Я чувствую, что огненный шар прямо опалает мою голову.

Я киваю и ухожу. Не оглядываюсь назад, я просто ухожу. Я не знаю, о какой шляпе она говорит, но пользуюсь возможностью, который она даёт мне, чтобы уйти.

— Энни, — я слышу, как он спрашивает, и ускоряю шаг, — откуда эта девушка?

— Я говорила тебе, Джейсон, — огрызается она, — моя родственница. А теперь подай мне семена томатов.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Он собирается арестовать меня, — повторяю я до самого дома.

Его автомобиль появляется в поле зрения, на боку написано «Полиция штата». Требуется вся моя выдержка, чтобы не сорваться и не сбежать в ту же секунду.

Почему я не могу просто обрести покой? Я просто хочу дом. Как только я думаю, что нашла его, приходит кто-то, чтобы разрушить это.

Я прячусь, пока не слышу, как машина уезжает. Энни входит в мою комнату и, к моему удивлению, очень крепко меня обнимает. Я больше не могу сдерживать в себе весь стресс и чувства. Слезы хлынули из моих глаз и полились по щекам. Я плачу, потому что не хочу потерять её тоже. Я не хочу быть беременной ребёнком насильника. Я просто хочу немного спокойствия. Неужели я так много прошу?

— Всё в порядке, — воркует она. — Всё хорошо, милая. Я должна была догадаться. Мальчик такой же безобидный, как те голуби, что гадят со скоростью шторма на крыльце. Он не обидит и мухи. Я спрятала тебя крепко под моим крылом, и это старое сердце не позволит никому отобрать тебя у меня. Я сама слишком долго была одна, — фыркает она. — Теперь мы семья, а семья держится вместе.

Я обнимаю её сильнее и понимаю, что всего за одиннадцать дней, которые я провела здесь, эта женщина уже прочно обосновалась в моем сердце. Я не отдам её без боя. Я действительно хочу, чтобы это место было моим домом.

Этой ночью я смотрю на звёзды, в то время как подбородок Энни покоится на её груди. Она всегда засыпает здесь. Я смотрю вверх снова и шепчу:

— Мне было восемнадцать, когда умерли мои родители. Это был несчастный случай на лодке. Мы всегда выходили на плотину, просто дрейфовали, разговаривали, спали. В тот день я проснулась от громкого взрыва. Там была кровь, а затем пришла боль. Когда я проснулась, мой дядя сказал мне, что они мертвы. Я даже не смогла пойти на их

похороны. Пропеллеры лодки разрезали мне спину. Люди увидели, что случилось и вытащили меня. Они сказали, что мне повезло.

Я перевожу дыхание и начинаю опять.

— Мой дядя дал мне имя моей матери, сказал, что они вернутся, чтобы прикончить нас обоих, если мы не исчезнем. Он дал мне деньги и велел бежать... и я побежала. Я скрывалась так долго. В течение семи лет всё, что я делала, это бежала. Но затем я забыла, от чего бежала. Я была глупой, и они нашли меня.

Я слышу уханье совы и слушаю его, прежде чем закончить, не зная, стоит ли даже говорить со звёздами.

— Он спас меня во многих отношениях. Сначала я не понимала этого. Он спас меня от верной смерти. Он самый страшный человек, которого я когда-либо встречала, но по какой-то причине я чувствовала себя в безопасности с ним. Теперь я просто угасающая звезда среди скопища ярких звезд.

Я вздыхаю.

— Всё, чего я хочу, всегда хотела, — это принадлежать кому-то, иметь кого-то, кто будет только моим. Жизнь действительно отстой.

Я горько смеюсь.

— Всё, чего я хочу, — это любви, и всё, что я получаю, — это люди, которые пытаются меня убить и отобрать тот покой, что мне удаётся найти в перерывах.

— Иногда ты просто выглядишь, как угасающая звезда, потому что горишь медленнее и глубже, — шепчет Энни рядом со мной. — Ты не всепоглощающая звезда. Твой свет будет сиять долго, и он будет сиять сильно, дорогая. Твой будет сиять ещё долго, после того, как другие сгорят.

Она встаёт и кладёт свою мозолистую руку мне на щёку.

— Мы сохраним сияние вместе, ты и я, дитя, потому что у меня нет намерения сжигать тебя. Ты найдёшь тот покой, который ищешь, здесь, со мной.

Я долго сижу на улице, глядя на звёзды, и ищу те, которые самые тусклые. Энни и меня.

Я даже ещё не ополоснула чашку кофе, когда машина появляется на дороге, поднимая вихри пыли.

— Не прячься, — слышу я, как говорит Энни с крыльца на улице. — Ты придёшь и отдохнёшь здесь, рядом со мной. Не давай мальчику повода задавать вопросы. Ты меня слышишь?

— Да, Энни.

Я киваю, как один из тех болванчиков, которые у неё есть в трейлере. Когда она ездит, они кивают всё время.

Я вытираю руки и выхожу на улицу. Я сажусь рядом с ней и складываю руки на коленях. Моё сердце сходит с ума, и все страхи возвращаются.

— Улыбайся, дорогая, — говорит она. — Думай о радугах и бабочках.

Я улыбаюсь, но никакое количество радуг и бабочек не остановит мой желудок от вращения, когда Джейсон делает два шага к нам.

— Энни.

Он приподнимает шляпу.

— Карен. Как у вас дела этим утром?

Он говорит небрежно, но я не ведусь на это.

— Ясны, как солнечный луч, Джейсон, — она кивает на пакеты в его руках. — Это мне?

— Да. Я думаю, что достал всё из списка. Я просто поставлю их на кухне.

Когда он возвращается, то снимает шляпу и прислоняется к перилам напротив нас. Он вытягивает ноги перед собой.

Его карие глаза пронзительны, а его светло-каштановые волосы уложены слишком опрятно. Он высокий и худой, сложен не так, как Дэмиан. Я хмурюсь, когда понимаю, что сравниваю их.

Его глаза задают вопросы Энни. Я могу видеть это.

— Выкладывай, мальчик.

Тон Энни слегка меняется.

Его взгляд обращается ко мне.

— У тебя есть акцент. Я провёл поиск по твоему имени, и оно чисто как стёклышко. То, что я хочу знать, как кто-то, кто родился в Южной Каролине, закончил тем, что говорит с таким акцентом?

Я снова замираю перед лицом опасности.

— Теперь ты слушаешь меня! — Энни встаёт во все свои пять футов, и я хватаю её за руку.

— Нет, Энни, — прерывает он её, — ты была моей матерью последние двенадцать лет, и я не буду стоять в стороне и смотреть, как тебя используют.

Он тоже выпрямляется, и я встаю, полагая, что мы могли бы также стоять все.

— Я далеко не идиот, так не делай же из меня его.

Затем он снова смотрит на меня.

— Иди внутрь, Карен, — говорит Энни, её голос звучит низко, предупреждая.

Я говорила, что буду сражаться, чтобы остаться здесь, и я это сделаю. На этот раз, я буду бороться, и я поднимаю подбородок, встречая его сердитый взгляд.

— Вы проверяете всех, кого встречаете, офицер?

Я делаю шаг вперёд и на мгновение чувствую слабость в ногах от страха. Я пережила тот контейнер, значит, могу, чёрт возьми, пережить этого парня. Я свирепо смотрю на него.

— У меня акцент, потому что моя мать из Южной Африки. Мой отец — американец. Я родилась здесь. Проводила время, путешествуя. Хотите увидеть моё удостоверение личности, офицер? — огрызаюсь я. Я создала историю, и теперь он может делать с ней, что хочет. Мне не нужно говорить больше ни слова.

— Нет, — говорит он, и я наблюдаю, как он сглатывает. — Я хочу поговорить наедине с Энни.

Я поспешно ухожу, но остаюсь в коридоре, где могу их слышать.

— Ты пришёл на мою землю, и ты не уважаешь меня.

Набрасывается она на него.

— Она плоть от моей плоти. Ты не можешь приходить сюда и так говорить о ней. Мы положили мою сестру в землю, и Карен — это всё, что у меня сейчас есть. Мы пережили достаточно, чтобы ты поднимал весь этот шум вокруг нас!

— Энни, — вздыхает он. — Я всего лишь забочусь о тебе. Что-то в ней просто неправильно. Ты всегда берёшь потерянных щенков и котят, — я слышу, как Энни резко вдыхает.

— Позволь мне закончить, — говорит он, терпеливо, — ты не подбираешь совершенно незнакомых людей. Ты не знаешь, какого рода багаж она тащит за собой.

— Джейсон Стюард Уильямс! — Энни выдыхает его имя. — Как ты смеешь!

— Энни...

— Не Эннькай мне, — кипятится она.

— Это мой долг — заботиться о тебе, — шипит он.

Это всё напряжение, что я могу вынести. Я выхожу обратно на улицу.

— Могли бы вы оба просто прекратить это, — говорю я и удивляюсь тому, как спокойно, я звучу. Я указываю на него.

— Ты не знаешь меня. Ты не имеешь права судить меня.

Затем я смотрю на Энни.

— Он просто беспокоится. А теперь давайте все передохнём и выпьем этого ужасного цветочного чая.

Я возвращаюсь в дом, чтобы сделать немного цветочного чая, который любит пить Энни, и кофе для себя. Джейсон может пить ужасный чай с Энни.

Я занята тем, что размещаю всё в четвёртый раз на подносе, когда слышу, как он входит на кухню. Они шептались некоторое время, и я заняла своё время, приготовлением кофе и чая.

— Она действительно заботиться о тебе, — говорит он.

— И я забочусь о ней, — говорю я, поднимая поднос. Ещё даже нет восьми утра, а я уже устала.

— Я не хочу видеть, как ей причиняют боль, — продолжает он. — Поэтому, если есть что-то, что может навредить ей, потому что у неё доброе сердце, я хотел бы знать, чтобы я мог защитить её.

У него действительно ужасный способ предупреждать людей, и я направляюсь в сторону двери. Останавливаюсь, когда он спрашивает:

— Стоит ожидать чего-то?

Я не отвечаю ему, потому что не знаю. Я была в порядке, пока он не начал копать. Я не знаю, потревожил ли он что-то. Может быть, пора бежать.

Но я эгоистка, и я не хочу. Я цепляюсь за Энни и это безопасное убежище обеими руками.

Дэмиан

Две недели. Вот как долго я взываю к каждой чёртовой услуге, причитающейся мне.

Наконец-то мы узнали местонахождение Кары. Я почувствовал облегчение, когда всплыло имя Карен Вестон. По крайней мере, она использует новую личность.

Я ехал без остановок на сон. Одному Богу известно, в порядке ли она.

Мы получили вести от полицейского участка в каком-то городе посреди задницы-долбанного-нигде. Я просто надеюсь, что это маленький городок, потому что, поиск её от дома к дому займёт вечность.

Глава 12

Кара

Месяц. Я живу с Энни месяц. Джейсон всё ещё настороженно смотрит на меня каждый раз, когда приходит навестить Энни. Он не доверяет мне, а я не доверяю ему.

Меня начинает тошнить, особенно около двух часов дня. Не знаю, почему это называется утренней тошнотой, если она наступает в любое чёртово время дня.

Утром Энни заставляет меня пить мятный чай с мёдом. Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть. В течение дня я жую лимонные ароматизированные конфеты. Это очень помогает, и хотя тошнота всё ещё есть, по крайней мере, меня больше не рвёт.

Я смотрю вниз на свою талию, пока жду Энни на крыльце. Я накрываю рукой живот, который начинает набухать, и в триллионный раз, я задаюсь вопросом, что я собираюсь делать. Через шесть месяцев, я буду вынуждена вытолкнуть ребёнка в этот уродливый мир. Я буду вынуждена родить ребёнка насильника.

Я всегда мечтала выйти замуж, завести детей, состариться с любимым человеком. Теперь это самая далёкая моя мечта. Бесполезно мечтать о чём-то, чего у меня никогда не будет. Ни один мужчина не захочет такую грязную женщину, как я, или её ребёнка от насильника.

Моё будущее выглядит мрачным. Я не представляю, что мне делать с этим. Что я буду делать с ребёнком? Я не могу сделать аборт. Этот малыш не просил быть здесь. Я

всегда могла рассматривать такой вариант, как усыновление, но это бы раскрыло моё местонахождение.

Что, чёрт возьми, я собираюсь делать?

— Не стоит беспокоиться о будущем, дорогая. Завтра позаботишься о своих проблемах. Прямо сейчас нам нужно идти работать, чтобы у нас была еда на вечер, — говорит Энни, проходя мимо меня.

Я следую за ней, но ребёнок, растущий внутри меня, отказывается покидать мои мысли.

Энни останавливается и ждёт, когда я её догоню, а затем она склоняет голову.

— Ты выглядишь как оживший труп с тех пор, как тот тест показал, что ты беременна. Ребёнок — это не проклятье, милая.

— Я не так уверена в этом, — шепчу я.

— Теперь, как ты можешь так говорить?

Мы начинаем снова идти, и Энни продолжает:

— Это благословение, привести человека в этот мир. Ты должна помочь формировать его будущее.

— Ты не понимаешь, Энни, — говорю я, пытаюсь сдержать гнев и отвращение, которые навсегда застряли у меня в горле.

Она останавливается и хватается меня за руку.

— Тогда заставь меня понять.

Я качаю головой и освобождаю руку. Когда мы добираемся до участка земли, на котором работаем, я иду прямо к плугу. Эту старинную вещь сделал муж Энни. Она имеет два колеса с лезвием посередине. Вы наклоняете ручки до тех пор, пока лезвие не зароется в землю, а затем вы толкаете его, как тележку. Это тяжёлая работа, но время пролетает быстро.

Через час или около того, пот льётся по моему лицу. Я использую плечо, чтобы немного вытереться, когда чувствую странное ощущение, покалывающее мою спину. Я давно не ощущала этого. У меня было такое же ощущение, когда я чувствовала взгляд Дэмиана.

Я резко вскидываю голову и обыскиваю пространство вокруг нас, но ничего нет. Теперь я схожу с ума? Я ещё раз оглядываюсь вокруг, прежде чем продолжить работу, которую нужно сделать сегодня.

Мой разум — это тёмная выгребная яма тревожных воспоминаний и удушающих чувств. Прошло уже три месяца с тех пор, как они меня нашли. Три месяца, а это всё ещё ощущается так, как будто всё это дерьмо только что случилось со мной. Некоторые воспоминания начинают исчезать, как и побои. Я больше не помню боли. Единственное, что преследует меня, так это последняя ночь.

— Дорогая, — зовёт Энни с кухни через икание Элвиса «Ты ничто иное, как гоон-чая соо-бака».

С каждым днём царапины углубляются, и скоро будет больше икоты, чем слов.

— Да, Энни, — я высовываю голову из своей комнаты, обернувшись полотенцем.

Я всегда принимаю душ сразу после того, как мы приходим с работы на земле. Затем надеваю одно из новых платьев, которые Энни сшила для меня. Она называет их «круг подсолнуха». Они все длиной ниже колен и ярких цветов. Она говорит, что это заставляет меня сиять. Я просто улыбаюсь и ношу их, чтобы порадовать её.

— Милая, я собираюсь съездить к старой Берте на быструю чашечку чая. Просто возьму ей немного пирога, который испекла. Женщина жаловалась на то, что её бёдра уже не так функционируют.

Быстрая чашечка означает, что я увижу её намного позже. Обычно они играют в бридж, когда у них заканчивается пирог. Однажды она пыталась заставить меня пойти с ней, но мне не хочется там быть. Для меня это время, чтобы побыть одной, поэтому я не возражаю, если она уйдет. Я знаю, что она будет по соседству.

— Полегче с ней, — поддразниваю я. Она подмигивает мне и направляется к двери.

Я слушаю, как Энни уезжает, а затем остаемся только мы с Элвисом. Я оставляю его, чтобы в доме не было слишком тихо.

Два дня назад я начала расписывать комод. Сиреневыми и фиолетовыми бабочками. Энни любит это. Я возвращаюсь к трафарету бабочек, когда Элвис икает и дом затихает.

Я жду, когда запись продолжится, но этого не происходит и мгновение тянется бесконечно долго. Я чувствую изменение воздуха, словно сами атомы давят на меня, и я знаю, что не одна. Кисть в моей руке начинает дрожать, но я не двигаюсь.

— Если я смог найти тебя, — говорит он, — они смогут найти тебя так же легко.

Я пытаюсь услышать движение, но ничего не слышу. Я могу только чувствовать его.

— Карен Вестон, — это шёпот, но он близко, очень близко.

Я бросаю кисть на бумагу и заставляю себя подняться. Я не видела его тридцать четыре дня, но его голос способен заставить почувствовать, как будто пролетела всего лишь секунда. Я пытаюсь подготовиться к его взгляду, когда поворачиваюсь, а затем почти хныкаю.

Его взгляд безжизненный и тяжёлый. Затем он становится еще более интенсивным.

— Дэмиан, — шепчу я, потому что всё ещё не могу поверить, что он, в самом деле, здесь.

— Ты выглядишь действительно хорошо, Кара.

Он удивляет меня комплиментом. Его взгляд пробегается по мне, от моих босых ног до кончиков волос.

Я разглаживаю платье спереди, и моя рука защитно накрывает мой живот.

— Энни сделала это платье, — глупо шепчу я. Как будто его, в самом деле, заботит платье!

— Кто такой Уильямс? — он меняет тему, и я пытаюсь сосредоточиться.

— Кто?

— Джейсон Уильямс, — повторяет он имя. — Человек, который искал тебя, кто он?

Дэмиан выглядит уставшим, и от этого моё сердце болезненно сжимается.

— Он... он для Энни как сын. Он не поверил, что я просто появилась из ниоткуда, поэтому он меня проверил. Он офицер. Я не так уж хорошо его знаю, — быстро отвечаю я. Не знаю, почему добавила последнюю часть. Возможно, больше для безопасности Джейсона. Возможно, он мне не нравится, но я не хочу его смерти.

— В самом деле? Потому что он часто здесь останавливается, — говорит Хищник, и я слышу предупреждение в его голосе.

Мой гнев начинает вскипать.

— Ты наблюдал за мной? В любом случае, тебе-то какое дело? Останавливается ли он здесь из-за Энни или меня, это действительно не твоё дело, Дэмиан. У тебя есть своя собственная жизнь, с которой тебе нужно разобраться, — огрызаюсь я. А под жизнью я имею в виду Джин.

— И поэтому я здесь.

Он подходит ближе ко мне.

— Я не очень рад, что другой человек проявляет интерес к моей жизни. Я чуть с ума не сошёл, когда ты просто исчезла от меня!

Он переводит дух и успокаивается.

— Почему ты ушла?

— Из-за неё. Потому что там всегда будет она. У тебя есть потребность спасать людей, и ты меня спас. Я не могу жить в доме, где постоянный поток нуждающихся женщин. Думаю, ты закончил со мной.

Это не настоящий ответ, но я надеюсь, он сработает.

— Я закончил с тобой? — недоверчиво переспрашивает он. — Я никогда не закончу с тобой. Ты запомнишь это, прежде чем позволишь этому мужчине коснуться тебя.

Он поворачивается, и моё тело оживает. Он уходит!

— Это всё? Ты просто пришёл сюда, чтобы угрожать мне?

Я бросаю ему вызов. Что угодно, чтобы заставить его задержаться на минутку.

— Я не угрожаю тебе, Кара. В день, когда я вытащил твою задницу из контейнера, ты стала моей. Я говорил тебе однажды, что не позволю тебе уйти. Когда я говорю что-то, я не шучу. Когда я сказал, что ты не можешь, мать твою, уйти от меня, я это и имел в виду. Боже помоги человеку, который тебя тронет. Ты носишь моё имя. Я дам тебе время, сколько тебе нужно, чтобы все спокойно уладить с этой пожилой леди, но не с другим мужчиной.

— Но у тебя же есть Джин?

Я позволяю словам упасть между нами.

— У меня даже нет мужчины в моей жизни! Мне не нужен грёбанный мужчина рядом со мной! Я... я, — мой голос внезапно лишается всех эмоций, разум затуманивается.

— У меня её нет. Я помогал ей. Она была другом. Она ушла. Я был не прав, ожидая, что ты справишься с другим человеком так скоро после того, что произошло. Я был неправ, и я сожалею об этом. Но если это заставит тебя чувствовать себя лучше, я скажу это: независимо от того, ходила бы она голой по чёртову дому, я бы видел только тебя.

— Неееужели? — я растягиваю слово. — Ты бы даже не взглянул на нее? Ты бы просто сказал ей отвалить?

Он отводит взгляд и сглатывает. Этот последний месяц тоже не прошел бесследно для него. Я не знала, что могу причинить ему боль. Он казался таким непробиваемым.

Я подхожу к нему и поднимаю глаза. Я совсем забыла, какой он высокий.

— Ты должен перестать расти, — я пытаюсь шутить, чтобы убрать неловкость между нами. — Я знаю, что неразумна в моих требованиях к тебе, но одно дело помогать кому-то, и совершенно другая история, когда ты даёшь им дом, который должен быть моим безопасным убежищем. Она ясно дала понять, что хочет тебя и что заполучит тебя. Я чувствовала, что мешаю.

Я вздыхаю, рассматривая чернила, закручивающиеся на его шее.

— Значит, ты оставила меня незащищённым, — шепчет он.

Я резко поднимаю глаза, не понимая, что он имеет в виду.

— Ты не прикрыла мою спину.

Мой рот открывается, и я таращу глаза, не уверенная, серьёзно ли он.

— Хм?

— Не ворчи на меня, женщина.

Медленная улыбка изгибает уголок его рта.

— Ты оставила меня на произвол судьбы, ради себя. Я знаю, как спасать и убивать. Как, чёрт возьми, по-твоему, я отобьюсь от женщины?

Я сужаю глаза и надеюсь, что выгляжу угрожающе.

— Надеюсь, она задала тебе жару, Дэмиан. Ты заставил её думать, что она сможет. Что я должна была делать?

Я раздражаюсь.

— Выцарапать ей глаза? Я не увлекаюсь кошачьими драками.

— Ты могла бы застрелить ее, — предлагает он.

— Серьёзно? — насмехаюсь я. — Ты приводишь их домой, а я их расстреливаю. Какая замечательная пара у нас получится.

— Непревзойдённая пара, — говорит он и подходит ближе. От моей храбрости не остаётся ничего, кроме облака дыма. — Я люблю, когда ты сердишься.

Он тянется ко мне, и я растворяюсь в его прикосновении, когда его рука охватывает моё лицо.

— Та женщина, с которой ты живешь, готовить-то умеет? — спрашивает он.

— Да, она готовит хлеб с нуля.

— Тогда ешь.

Он наклоняется и прикасается губами к моему виску.

— Ты угасаешь. Я не позволю тебе голодать.

Он вытаскивает мобильник и протягивает мне.

— Позвони мне, когда будешь готова вернуться домой.

Я беру его и проглатываю слёзы. Он пришёл сказать мне, что всегда будет здесь.

Хищник выходит из комнаты, и часть меня хочет бежать за ним. Он даёт мне пространство, чтобы я могла найти себя. Дэмиан прикроет мне спину, пока я буду с Энни.

Я вздыхаю, а затем удивляюсь, почему чувствую, что вот-вот расплачусь, ведь теперь я должна чувствовать себя спокойно.

Глава 13

Дэмиан

Я просто должен был увидеть её вблизи. Возвращаюсь в мотель, в котором остановился. Я не уеду, пока она не скажет мне.

Месяц, который мы провели в разлуке, ничего не изменил. Это только заставило меня скучать по Каре.

Лия была последней женщиной, которую я любил. Не думаю, что способен полюбить кого-то снова. Но если есть возможность будущего с женщиной рядом со мной, то этой женщиной будет Кара.

Так много причин, почему это должна быть Кара, но главная — это из-за её внутренней силы. Каждый день, когда она просыпается, выбирая жизнь, это день, когда она выигрывает битву. Она сопротивляется. Она не позволяет тому, что случилось, сломить её. Она делает то, что не смогла Лия.

Кара

Я пялюсь на телефон. В нём только один номер — *его номер* — и я знаю, если наберу его, то услышу его голос. Я знаю, если попрошу, он приедет за мной.

Я не сказала Энни, но думаю, она подозревает, что что-то случилось. Прошло уже пять дней с тех пор, как он приходил. Пять дней я ворочаюсь в постели, и сегодняшний день не является исключением.

Я крадусь на улицу и закрываю за собой дверь так, чтобы не разбудить Энни. Звёзды ясные, и ночи становятся теплее. Я отхожу на небольшое расстояние от дома, чтобы свет от крыльца немного потускнел, от чего небо стало ясным.

Небольшой ветер треплет мне волосы и сорочку. Энни настаивает, что у каждой женщины должна быть сорочка. Она делает их такими большими, что я чувствую себя потерявшейся в них. Они просто свисают с моих плеч, и большинство ночей я лишь запутываюсь в них.

Телефон вибрирует, и я вздрагиваю, роняя его. Я ошеломлённо пялюсь на светящийся экран. Моё сердце колотится, когда поднимаю телефон. Он показывает, что у меня есть сообщение, и я нажимаю кнопку, чтобы открыть его.

«Иди внутрь».

Я читаю написанное снова и снова, пока слова не расплываются. Телефон вибрирует снова, и мои пальцы уже опустились, чтобы нажать правую кнопку.

«Зайди внутрь, прежде чем я похищу тебя».

Я резко вскидываю голову и судорожно осматриваюсь вокруг. Он здесь. Он видит меня. Здесь темно, и разочарование разливается во мне. Он не может быть так близко, и я не могу его видеть.

Я нажимаю ответить и печатаю так быстро, как могу.

«Где ты?»

Ответ приходит спустя несколько секунд.

«Не дома с тобой».

Я прижимаюсь лбом к телефону и издаю стон. Это пытка. Телефон снова вибрирует.

«Сейчас, если бы мы были дома, я бы вдохнул этот стон».

Моё дыхание ускоряется, и я оглядываюсь вокруг.

— Дэмиан, — шепчу я, не то, чтобы я могла разбудить Энни. Она спит, как убитая.

Никаких звуков. Даже сверчки затихли. Я напрягаю уши, чтобы услышать его. Я закрываю глаза, пытаюсь почувствовать, где он.

И тогда я чувствую его тепло и делаю шаг назад, прямо к нему. Моё тело мгновенно тает, и я хватаюсь за него, когда он движется вокруг меня.

Мои руки скользят вокруг его шеи, и сердце начинает неистово биться. Я не знаю, что происходит между нами, но это первый раз за долгое время, когда я чувствую что-то другое, кроме отчаяния или отвращения.

Я приподнимаюсь немного выше, стоя на цыпочках, но прежде, чем я могу сделать что-то глупое, его голова резко дергается вверх. Он отстраняется и поворачивается ко мне спиной.

— Держись позади меня. Не вставай у меня на пути.

Слова прорываются сквозь меня.

Его рука движется за спину, и на какой-то глупый момент я думаю, что он тянется ко мне, но затем металл отражается в лунном свете, и мой мир перестаёт вращаться.

— Если одна из вас не принимает посетителей в два часа ночи, насчет чего я не в курсе, возможно, у нас небольшие проблемы, — говорит он, звуча слишком спокойно.

— Никаких посетителей, — шепчу я хрипло.

— Ложись.

Он оглядывается на меня.

— Б**дь! Ты в белом. Ты, как проклятый светящийся знак «сюда», — рывкает он.

Я сутулюсь. Я не могу снять рубашку, иначе останусь обнаженной. Я съеживаюсь позади его ног и закрываю глаза, как трусиха, которой и являюсь.

Ужасный крик эхом разносится в ночи.

— Энни! — кричу я. Я срываюсь и бегу в дом. Сорочка развивается вокруг моих коленей, пока я бегу изо всех сил, чтобы добраться до неё. Я трусиха, если речь идёт о моей собственной жизни, но не её.

Я хлопаю входной дверью и хватаю метлу, которой она подметает крыльцо. Вооруженная, я штурмую дом, ища её.

Какой-то мужчина держит её за горло, выкрикивая требования ей в лицо. Я завожу руку назад, а затем ударяю метлой по его спине. Он отпускает её, и она оседает на пол, хватая ртом воздух.

Мужчина поворачивается, на его лице отражается шок, который сменяет мрачный сердитый взгляд. Он поднимает свою руку, и я вижу пистолет. Я слышу выстрел прямо возле дома и поднимаю метлу, чтобы ударить мужчину снова.

Два громких выстрела оглушают меня.

Я слышу крик Энни.

Я слышу, как метла с грохотом падает, а затем вижу, как мужчина валится на пол.

Взглядом нахожу Энни, и мне удаётся улыбнуться. Она тянется ко мне дрожащей рукой, на её лице выражение ужаса.

Я пытаюсь что-то сказать, но выходит лишь грохочущий кашель. Я отхаркиваю что-то ужасное и стараюсь поймать это, чтобы не насорить на пол.

— Мне жаль, Энни, — я задыхаюсь словами, а затем все мои силы угасают. Чьи-то руки хватают меня сзади, когда мои ноги подкашиваются.

— Я с тобой. Ты в безопасности.

Его голос доходит до меня, а затем следует боль.

Такое ощущение, будто что-то рвет мои внутренности на куски. Это холодная резкая боль, которая лишает меня дыхания.

— Больно, Дэмиан.

Я начинаю дрожать, а его рука сильно нажимает на мой живот.

— Я знаю. Знаю, — говорит он, и его голос ломается.

Я хочу плакать, но не делаю этого. Мой разум затуманивается, как будто я вот-вот засну.

Я слышу плач Энни.

Но не чувствую рук Дэмиана, когда он прижимает меня к себе.

— Я... я, — я пытаюсь сказать им, что люблю их, чтобы они знали, как я благодарна им обоим, но получается только ужасный искажённый звук, а затем всё темнеет.

Дэмиан

— Кара!

Её лицо бледнее снега. Я чувствую, как её тело обмякло в моих руках.

— Б**дь! Ты вызвала скорую? — ору я на плачущую женщину.

— Они едут, — всхлипывает она, затем садится рядом с Карой и начинает смахивать волосы с её лица. — Всё будет хорошо, дорогая, — продолжает говорить она сквозь рыдания.

Я не смею поднять руки от раны. Кара теряет слишком много крови! Черт.

Страх — это не то чувство, к которому я привык. Я ненавижу страх, он заставляет меня чувствовать себя слабым. Я опускаю подбородок на грудь и закрываю глаза, когда женщина, которая наконец-то что-то расшевелила во мне, до смерти истекает кровью.

Минуты тянутся мучительно медленно, когда кровь просачивается сквозь мои пальцы. Когда я слышу звук сирены снаружи, я хочу плакать от облегчения.

Уильямс заходит первым, после чего появляются врачи. Я лишь отодвигаюсь, когда один врач начинает отталкивать мои руки от раны.

— Не дай ей умереть, — шиплю я на мужчину.

Я смотрю, как медики работают над Карой. Когда они выкатывают её наружу к машине скорой помощи, Уильямс подходит ко мне.

— Кто ты? — спрашивает он, и я вижу, как гнев горит в его глазах.

Я смотрю вниз на свои окровавленные руки. У меня было много крови на руках, но никогда не было крови того, о ком я забочусь.

— Я... — я прочищаю горло и смотрю на мужчину передо мной. — Дэмиан Вестон, — я даю имени соскользнуть с моих сухих губ.

— Вестон? Ты родственник Карен?

Он достаёт записную книжку и начинает писать.

— Да.

Я снова прочищаю горло, а затем говорю то, что никогда не думал, услышу, слетающим с моих губ.

— Она моя жена.

Кара

Когда я открываю глаза, то вижу лишь белый цвет. Белые стены, белые простыни, слишком много белого.

— Где я? — хриплю я, но мне никто не отвечает.

Туманность начинает проясняться, и я вспоминаю стрельбу. Энни! Дэмиан! Они в порядке?

Я хватаю стойку капельницы рядом с кроватью и поднимаюсь. Используя её, как опору, я выхожу из комнаты.

— Миссис Вестон! Вам не следует вставать. Вы еще слишком слабы, вы такая бледная, — я слышу панические голоса и вижу две размытые фигуры,двигающиеся ко мне, затем всё снова темнеет.

В следующее пробуждение я чувствую, как горячие слёзы стекают в мои волосы, когда я просыпаюсь. В моём животе мучительная, пронзительная боль. Я пытаюсь двинуться, чтобы свернуться калачиком, но боль усиливается, и я всхлипываю.

— Кара?

Я чувствую, как теплые ладони скользят по моим рукам, а затем они обхватывают моё лицо, и я вижу Дэмиана. Он выглядит ужасно, хуже, чем прежде.

— Кара, — повторяет он снова.

— Больно. Ужасно больно, — хриплю я. — Сделай так, чтобы она прошла.

У меня даже нет сил, чтобы поднять руки.

— Я сделаю это.

От обещания, что звучит в его голосе, я чувствую себя лучше. Слышу, как что-то пищит над моей головой, затем он что-то говорит, но я не слушаю, так как снова погружаюсь в сон.

В следующий раз, когда просыпаюсь, Дэмиан смотрит на меня, и на мгновение я думаю, что он заснул с открытыми глазами, но затем он моргает.

— Как ты себя чувствуешь? — шепчет он, перемещаясь ближе к кровати.

— Живой, — единственное слово, которое я могу придумать. — Энни? Она в порядке?

— Она просто отлично. Она уехала домой, но сказала, что скоро вернётся, — говорит он, и затем его лицо становится очень серьёзным.

Наверное, он скажет о том, как я, не слушая его, убежала в дом, чтобы помочь Энни; о том, какой глупой я была. Я удивлена, что помню всё это так кристально ясно.

— Кара.

Он подходит, чтобы сесть на кровать, и наклоняется очень близко, опираясь локтями по обе стороны от моей головы. Я не смогу уклониться от его слов, так как его лицо в нескольких дюймах от моего. Слишком поздно я понимаю, что он пытается дать мне силы, когда говорит:

— Пуля попала очень низко.

Он делает паузу, как будто ждёт, когда я переварю это. Как будто он ждёт, когда я обвиню его, что он недостаточно быстрый.

— Пуля попала... — он переводит дыхание, и на самом деле кажется, будто он не может найти слов. Затем он просто выплёвывает слова. — Я не могу произнести это. Прости.

Я смотрю на него, удивляясь тому, как опустошенно он выглядит.

— Что ты не можешь произнести?

Я пытаюсь подбодрить его, в то время как сама всё больше нервничаю.

— Было много повреждений. Ты была без сознания пару дней, — шепчет он, и я вижу, что ему трудно продолжать смотреть на меня. — Ребёнка больше нет.

— Ох.

Я пытаюсь обдумать, что было бы хорошо сказать ему. Вижу боль на его лице и говорю первое, что приходит на ум.

— Прости.

Он трясёт головой.

— Почему ты извиняешься передо мной?

Его руки трясутся, когда он гладит мои волосы.

— Я не... — слова умолкают, когда полное осознание того, что он только что сказал, жестко ударяет меня. — Ребёнок... мой ребёнок, — мой голос становится хриплым от слёз. — Я потеряла моего ребёнка? — мой голос ломается от эмоций, которые я не ожидала почувствовать.

Я потеряла моего ребёнка. У меня даже не было шанса решить, хочу ли я его. Это просто иное решение, навязанное мне.

Слёзы льются по моим щекам, и руки Дэмиана скользят под меня. Он прижимает меня к своей груди, когда я оплакиваю ещё одну жизнь, которая была у меня отнята.

Когда слёзы перестают литься, Дэмиан возвращается на стул. Он держит меня за руку, но больше ничего не говорит.

Знакомая пустота, которую я давненько не ощущала, проникает в мою душу. Она будто весит тону. Кто бы мог подумать, что пустота может так много весить?

Как много сможет вытерпеть человек прежде, чем умрет?

Тяжёлая тишина пролегает между нами, но я всё ещё благодарна Дэмиану за то, что он здесь. В очередной раз он — мой столп силы.

Я пробыла в больнице почти неделю. Я ненавижу больницы.

Энни приходит ко мне рано утром. Она крепко обнимает меня, а затем шепчет:

— Сегодня Джейсон придёт задавать вопросы. Я не могу больше его удерживать. Мы сказали ему, что это был неудавшийся взлом. Просто скажи ему это, и всё будет хорошо.

Энни остаётся рядом со мной, когда Джейсон приходит ко мне. С ним Дэмиан, и оба их лица мрачно нахмурены.

— Дай угадаю, — сердито говорит Джейсон, — это был неудачный взлом?

Я бросаю взгляд туда, где стоит Дэмиан, — позади Джейсона. Дэмиан кивает мне, и я тоже начинаю кивать.

— Да.

Одно хрипкое слово.

— Да?

Джейсон приподнимает бровь, а затем засовывает маленький блокнот обратно в карман. Он глубоко вздыхает, и его глаза снова находят мои.

— Я заключу с тобой сделку.

Он отходит назад, так чтобы видеть обоих, Дэмиана и меня.

— Вы оба уедете и никогда не вернётесь в мой город, и я оставлю это, как неудачное ограбление.

Я открываю рот, чтобы возразить, когда Дэмиан двигается вперёд. Он встаёт рядом со мной, а затем одаривает Джейсона таким взглядом, который может испугать самых смелых людей.

— Договорились. Как только мою жену отпустят, мы покинем твой город.

— Нет! — Энни встаёт, и её щёки вспыхивают от гнева. — Ты не можешь говорить им, что делать.

Джейсон сильно качает головой.

— Энни, я обещал Питу, что позабочусь о тебе. Я не нарушу моё обещание ему. Проблемы преследуют их, и я не могу просто стоять, в то время как твоя жизнь в опасности. Сейчас, ты можешь сердиться на меня, сколько хочешь, но я не отступлю в этом.

Джейсон кивает нам.

— Как только тебя отпустят, я хочу, чтобы вы уехали.

С этими холодными словами он уходит.

Я держу руку Энни и изображаю храбрую улыбку на лице.

— Ты была для меня, как мать. Большое тебе спасибо за всё, что ты сделала.

Её подбородок дрожит, и она целует меня в лоб.

— Не слушай этого мальчишку.

Она сжимает мою руку, а затем отправляется вслед за Джейсоном.

— Доктор сказал, что ты сможешь уехать завтра или послезавтра, в зависимости от состояния раны, — внезапно говорит Дэмиан.

— Что, еще один день?

Я смотрю на единственного человека, который меня ещё не покинул, даже когда я его оттолкнула.

— Отвези меня домой, пожалуйста... сейчас.

Он потирает рукой бороду, и его взгляд устремляется к двери.

— К черту это. Поехали домой. Дай мне только позвать медсестру.

Он выходит из комнаты, чтобы найти медсестру, в то время как я стараюсь изо всех сил принять сидячее положение. У меня в животе тянущая боль, которая служит напоминанием о том, что я потеряла.

Когда Дэмиан возвращается в комнату, за ним стоит недовольная медсестра.

— Сэр, она не может уйти без разрешения доктора.

Дэмиан поворачивается к ней, и я вижу, как страх искажает ее черты лица.

— Уберите эту капельницу, или я сделаю это сам.

Её губы сжимаются в тонкую линию, когда она подходит ко мне. Я свешиваю ноги с кровати, и тогда она кладёт руку мне на колено.

— Подождите доктора, пожалуйста.

Я улыбаюсь, как могу, а затем качаю головой.

— Я хочу домой. Просто уберите её и уходите. Скажите, что вы нас не видели.

— Просто, чтобы вы знали, — раздражается она, явно недовольная нами, — я не согласна с этим.

Она вытаскивает иглу из моей руки, и я вздрагиваю, что заставляет Дэмиана шагнуть ближе ко мне.

— Что вы наденете? — спрашивает медсестра с самодовольным видом, как будто она выиграла.

Дэмиан снимает одеяло с кровати и набрасывает его вокруг моих плеч, покрытых больничным халатом. Медсестра как раз собиралась открыть рот снова, когда он вытаскивает свой бумажник. Он бросает пару долларов на кровать, а затем отодвигает её от меня.

— Пора ехать домой, малышка, — шепчет он. Хищник плотно оборачивает одеяло вокруг меня, а затем поднимает на руки. Не устаивая ошеломлённую медсестру ещё одним взглядом, он удаляется из комнаты.

Я избегаю любого зрительного контакта с людьми вокруг нас и не отрываю глаз от груди Дэмиана. Когда мы выходим из больницы, до меня доходит, что я больше не увижу Энни снова. Я так сильно буду скучать по ней.

Я так устала никогда не прощаться с людьми. Они всегда просто исчезают в моём прошлом.

Глава 14

Дэмиан

Я еду, пока не чувствую, что мы достаточно отделились от этого города. Я нахожу подходящий мотель и заглушаю мотор, затем, воспользовавшись моментом, осматриваю наше окружение.

Приближается полночь, на парковке тихо и всего лишь четыре машины.

В машине темно, и я не хочу оставлять Кару здесь, но мне нужно пойти снять нам номер.

— Я скоро вернусь.

Она не отвечает мне, и я быстро ухожу. Я удостоверяюсь, что двери автомобиля заперты, а затем бегу в офис.

Мотель грязный и захудалый, но это лучшее место, чтобы скрыться. В таких местах, как это, легко затеряться, да и люди здесь не слишком любопытны, занимаясь своим собственным дерьмом.

Мужчина на ресепшене не смотрит в глаза, когда встаёт перед стойкой.

— Чем я могу вам помочь? — бормочет он, то ли отчасти накаченный наркотиками, то ли отчасти спящий.

— Одну комнату на одну ночь.

Он регистрирует меня и даёт ключ. Я мчусь обратно к машине и быстро достаю свою сумку из багажника. В ней есть аптечка, которая мне понадобится для Кары. Я отпираю дверь и, открывая её, подхватываю Кару на руки. Её голова падает на мою грудь, и на мгновение я думаю, что она заснула. Я смотрю вниз и вижу, что её глаза открыты. Единственная проблеск жизни в них — это слёзы, сияющие в тусклом свете, исходящем от грязной вывески мотеля.

Я направляюсь к нашей комнате и опускаю девушку на ноги, поддерживая за талию.

— Просто обопрись на меня, пока я открываю, — шепчу я. Её руки сжимают одеяло, но она опирается на меня. По крайней мере, она всё ещё не отстранилась от меня.

Я быстро отпираю замок, захожу в комнату, а потом запираю за нами дверь. Я включаю свет и затем помогаю Каре добраться до кровати. Закрываю занавески, а затем достаю аптечку.

Сажусь рядом с ней и только тогда делаю глубокий вдох.

Что за чёртов беспорядок. Нам нужно получить новые документы. Мне нужно так много подчистить, чтобы они не нашли её снова.

Я устало тру своё лицо и на мгновение закрываю глаза.

— Я продолжаю терять людей, — шепчет она судорожно. — Я просто теряю их, как будто они связка ключей или носок.

Она всхлипывает, и я открываю глаза, чтобы посмотреть на неё.

В первый раз, когда я спас её, она была избита и не в себе, но даже это не сравнится с затравленным взглядом, которым она смотрит на меня прямо сейчас.

— Дай мне очистить твою рану, а потом мы немного поспим.

У меня нет лживых слов, чтобы предложить ей, как утешение. Ей просто нужно найти свой путь обратно ко мне в собственном и в удобном для неё темпе. Мы вернулись к исходной точке, но на этот раз я не могу заставить себя быть беспристрастным. Она больше не просто работа. Она стала намного большим, чем просто человек, нуждающийся в помощи. Я не знаю, кто она такая, но Кара — не просто ещё одна цель.

Я тянусь к одеялу, но останавливаюсь.

— Ничего, если я обработаю твою рану?

Не хочу быть причиной каких-либо неудобств для неё.

Она кивает и ложится на спину. В прошлый раз, когда мне пришлось чистить её раны, она отводила взгляд и тупо смотрела в одну точку на потолке или стене, но сейчас её глаза находят мои.

— Я быстро, — шепчу я.

Я стягиваю с неё одеяло, а затем отодвигаю глупый халат вверх до тех пор, пока становится не видна повязка вокруг её раны. На Каре надеты одни из этих больничных трусиков. Первым делом утром я пойду и достану ей одежду. Она не может путешествовать в больничном халате и одеяле.

Я открываю аптечку и вытаскиваю антисептик и несколько салфеток. Снимаю повязку и бросаю её на пол. Я чувствую её взгляд на мне, когда начинаю чистить область вокруг раны. Я должен отвезти её к врачу, чтобы снять швы.

Как только я заканчиваю очищать рану, я смотрю на неё.

— Можешь сесть, чтобы я смог наложить новую повязку? Здесь нет ленты, чтобы прикрепить её.

Она старается изо всех сил до тех пор, пока не опирается на локти. Это та часть, где я должен позволить ей бороться, чтобы она могла стать сильнее, но... я просто не могу.

Я тянусь к ней и скольжу рукой вокруг её спины. Затем медленно тяну её, усаживая в сидячее положение.

Она отводит взгляд, переводя его на другую сторону комнаты.

— Пожалуйста, не поступай так, — шепчет она.

Я хмурюсь, не зная, что она имеет в виду.

— Как так?

Когда глаза Кары возвращаются к моим, её подбородок дрожит.

— Не будь милым со мной. Я этого не заслуживаю. Будь таким, каким ты был, когда впервые нашёл меня. Просто будь холодным.

Её взгляд снова направляется в сторону, но я хватаю её подбородок, возвращая её лицо ко мне.

— Посмотри на меня, — рявкаю я, и её взгляд устремляется ко мне. — Что за херню ты придумала в своей голове?

Оха хватается руками за грубый материал халата и с трудом сглатывает.

— Это всё моя вина, — глухо шепчет она. — Ты сам так сказал.

Я хмурюсь на это.

— В чем твоя вина? — я играю своими желваками, чтобы оставаться терпеливым с ней.

— Во всем, — шепчет она, и её взгляд опускается на мою грудь. — Они нашли меня, потому что я была неосторожной. Они избили и... изнасиловали меня, потому что я потеряла бдительность.

Слеза скользит по её щеке, и на мгновение я смотрю на неё, думая, как Кара неправа.

— Нет, Кара, — говорю я. — Возможно, ты потеряла бдительность, но то, что они избили и изнасиловали тебя, никогда не было твоей виной.

Я ненавижу эти слова, когда они покидают мой рот. Такие уродливые, но нужные слова, чтобы она поняла меня.

Кара качает головой, в то время как её глаза тупо пялятся на мою грудь. *Она теряет контроль! Б**дь.* Мне хотелось бы, чтобы она кричала и плакала. Мне хотелось бы, чтобы она показала больше эмоций и просто выплеснула всё наружу.

— Я... я навлекла это на себя. Я не достаточно упорно боролась. Я не... я сбежала, и они нашли меня снова..., я убила своего ребёнка, — вздыхает она, каждый вздох становится быстрее, чем предыдущий.

Я обхватываю её лицо руками, принуждая не двигаться. Её рука инстинктивно хватается моё запястье, и ногти впиваются в мою кожу.

— Ты не убивала своего ребёнка, — говорю я. Мой голос трескается под тяжестью грусти, которую я испытываю.

— Кара... — я не знаю, что ей сказать. Я прижимаю свой лоб к её и просто держу её неподвижно. Её дыхание тяжёлое от вины и боли. — Жизнь бросает в тебя эти кручёные мячи, чтобы ты стала лучше прежней себя. Это дерьмово, но ты справишься с этим и будешь гораздо сильнее.

Она отпускает моё запястье и хватается за плечо. Кара притягивает меня, и я приближаюсь, окружая её своими руками.

— Я не могу, Дэмиан, — она задыхается от боли, которая съедает её живьём. — Я больше не выдержу. С меня хватит. К черту жизнь. Если это то, на что похожа жизнь, тогда я скорее умру.

Я целую её в макушку и продолжаю крепко обнимать. Она прошла через ад. Всё, что я могу сделать сейчас, это помочь сохранить её положение. Ей просто нужно время.

Когда она успокаивается, то слегка отстраняется.

— Я не понимаю, — шепчет она. — Как они нашли меня снова?

Мышцы моей челюсти начинают дёргаться. Она не сможет справиться с большим дерьмом. Б**дь!.

Её взгляд ищет мой, а на лбу появляется маленькая морщинка.

— Скажи мне, — призывает она более настойчиво.

Я потираю рукой лицо и качаю головой. Это убьёт её.

— Дэмиан, — шепчет она, её голос наполнен страхом перед неизвестностью. Её разум, должно быть, воображает Бог весть что.

Я не могу смотреть на неё, когда произношу:

— Он знает моё имя. Когда им приходится платить мне, я даю им своё имя и банковские реквизиты.

Я снова трясу головой, зная, что, на этот раз, это была моя вина. Они нашли её из-за меня.

— У них, должно быть, были люди в правоохранительных органах, и когда фамилия Вестон всплыла, они пошли проверять, ты ли это. Я был глуп. Я совершил ошибку, и ты заплатила за это.

Слова тяжело оседают в моём животе. Кара пострадала, потому что я привёл их прямо к ней.

— Ты сказал «он» знает твоё имя? Кто?

Она начинает теревить одеяло, и по какой-то причине кусок материала выводит меня из себя. Я вырываю его у неё. Ищу в сумке одну из моих маек и быстро тяну ткань через её голову. Я стягиваю больничный халат с её рук, а затем засовываю одну руку за другой в рукава. Я опускаю материал вниз и на долю секунды мельком вижу её грудь.

В первый раз, когда я увидел Кару, она была голая и избитая. Я видел её, как цель, которую мне нужно было вытащить из дерьмовой ситуации, а не как женщину. Я ни разу не подумал о ней, как женщине... до той ночи, когда она вошла на кухню в этой чертовски короткой юбке.

Мои глаза устремляются к её лицу, и я не удивлён, когда вижу её расширившиеся глаза и полуоткрытый рот, ярче слов говоря о смеси шока и ужаса. Я пересёк черту. Чёрт, я не должен был этого делать!

Я быстро хватаю бинт и начинаю оборачивать его вокруг её раны. Когда заканчиваю, то тяну рубашку до конца вниз и затем продолжаю избавляться от грязной повязки и салфеток.

Когда я иду обратно к кровати, то понимаю, что должен сказать что-нибудь, чтобы разрушить напряжение, которое так тяжело висит между нами в комнате.

— Кто? — снова спрашивает она, но на этот раз я чувствую, что ей неудобно со мной.

— Том.

Имя тяжело опускается между нами.

Мой взгляд мечется по комнате, а затем возвращается к её лицу. Я наблюдаю, как это имя доходит до ее сознания, а затем на лице девушки воцаряется потрясенное выражение. Она начинает трясти головой, но останавливается, и затем просто смотрит вниз. Кара обнимает себя руками в оборонительном движении, которое вызывает у меня желание спрятать её от всего мира.

Я сажусь на кровать и на этот раз сохраняю дистанцию.

— Прости, Кара. Он думает, что, отдав тебя, сможет спасти свою задницу.

Я качаю головой.

— Он покойник. Как только ты умрёшь, они убьют его тоже. Они просто используют его, чтобы убрать последнего из твоей семьи.

— Я до сих пор ничего не понимаю, — шепчет она, так тихо, что я едва не упускаю некоторые слова.

Я не могу скрывать это от неё. Знание — сила. Чем больше она знает, тем лучше сможет защитить себя.

Я провожу рукой по волосам.

— Том и твой отец связались с неправильными людьми. Эти люди не валяют дурака.

Я снова встаю и вытираю руки о джинсы.

— Нам придётся достать новые документы снова. Мы не можем вернуться домой. Теперь, когда они знают, что я помогаю тебе, они будут искать нас обоих.

Её голова резко дёргается вверх, и она изо всех сил пытается встать. Паника вспыхивает на её лице, а затем она говорит скрипучим голосом.

— Тебе нужно уйти. Тебе нужно... идти. Иди... прямо сейчас!

Она теряет голос, и её движения становятся безумными. Ей удаётся подняться на ноги, а затем она толкает мою сумку ко мне ногой.

— Уходи, Дэмиан! — умоляет она, когда слёзы начинают течь по её лицу.

— Кара, — говорю я громко и ясно так, чтобы она слышала каждое слово. — Я не оставляю тебя. Нет ни грёбаного шанса, что я оставлю тебя.

— Пожалуйста!

Она бессильно опускается на пол, и я не выдерживаю. Я встаю на колени перед ней, пока она хватается меня за руку, пододвигаясь ближе ко мне. Её руки обвивают мою шею, и она бормочет мне в грудь.

— Они не могут достать тебя, Дэмиан. Пожалуйста, уходи. Я не смогу смотреть, как ты умираешь. Не ты. Пожалуйста, иди. Исчезни. Просто уходи.

Её дыхание слишком быстрое, когда она, заикаясь, говорит свою просьбу.

Я беру её лицо в руки и наклоняюсь ближе к ней.

— Они не убьют меня. Они нас не найдут. Я с тобой, Кара. Ты в безопасности. Я в безопасности. Мы исчезнем. Я позабочусь, чтобы они нас не нашли.

Она пытается качать головой в моих руках, её глаза дикие от страха, и где-то глубоко внутри я понимаю, что страх в её глазах это за меня.

Она не боится меня, она боится потерять меня.

Она беспокоится о том, что со мной происходит.

Я пристально смотрю на неё, в то время как понимание глубоко погружается в моё сердце. Она не настолько сломлена, как я думал. Она лишь в мире боли, но мы можем справиться с этим, пока она ещё заботится о чём-то.

— Ты не потеряешь меня, Кара.

— Я сделаю это, — кричит она, и её лицо кривится под тяжестью эмоций.

Я сажусь на задницу и тяну Кару себе между ног. Я прислоняюсь к кровати и прижимаю её к себе. Затем осыпаю её голову поцелуями, и когда она поднимает глаза, один из этих поцелуев приземляется рядом с её глазом. Она не двигается, и я чувствую, как её волосы щекочут мою щёку.

— Ты не потеряешь меня, — шепчу я снова.

Кара сворачивается калачиком на мне и утыкается лицом в мою грудь. Я чувствую, как её пальцы впиваются в мою рубашку.

— Я теряю всех, кого люблю.

Слова сворачиваются вокруг меня, как одеяло, давая мне тепло, впервые после смерти Лии. Я торчу в застывшей пустыне так много лет, что забыл, на что похоже тепло... до Кары.

Кара

Я заснула на Дэмиане. Когда я просыпаюсь, то чувствую слабость и оцепенение.

Дэмиан не говорит ни слова, однако встаёт, потянув меня вверх вместе с собой. Он откидывает покрывало и затем ждёт, пока я заберусь в постель, прежде чем лечь позади меня. Его руки обнимают меня, и он обвивает своё тело вокруг моего, пока моя спина крепко не прижимается к его груди. Я чувствую его дыхание на моих волосах, и стараюсь сосредоточиться на этом.

Я не знаю, почему я всё ещё жива. Не понимаю, как моё сердце может всё ещё биться, когда оно разорвано в клочья.

Я так много повидала в этом безжалостном мире. Я хочу оставить его.

Хотелось бы мне повернуть время вспять, до того как я была зачата. Всё, что я могу помнить о времени до моего первого воспоминания, — это ничто, и я хочу этого, так отчаянно, я жажду небытия.

Эта жизнь опустошила меня. От меня ничего не осталось. Я думала, что с Энни я нашла некоторое счастье, но нет, это была просто жизнь, показывающая мне средний палец.

Никто из нас не заснул. Мои мысли уплывают к Дэмиану, мне стало так уютно от его прикосновений. Возможно, это потому что он дважды спасал мою задницу.

Как только солнце начинает подниматься, Дэмиан встаёт. Я смотрю через плечо и вижу, как он звонит кому-то.

— Джефф, — голос Дэмиана снова суровый. Никакого следа от человека, который утешал меня этой ночью. — Нам нужно исчезнуть. Даже не пакуй своё дерьмо. Просто приезжай.

Я сажусь и смотрю на Дэмиана.

— С нами всё будет хорошо. Мы уедем по пенсионной программе. Я свяжусь с тобой, как только уляжется пыль.

Когда он засовывает телефон обратно в карман, я не могу не спросить:

— Пенсионная программа?

— Да.

Он кивает, когда идёт к окну. Дэмиан выглядывает через занавеску, перед тем как повернуться обратно ко мне.

— Мы сделаем одну остановку, прежде чем отправимся на юг.

Возможно, я в беспорядке прямо сейчас, но я не настолько не в себе, чтобы не заметить, что он намеренно удерживает меня в темноте. На данный момент я отпускаю это и медленно встаю с кровати. Я иду в ванную и съезживаюсь, когда вижу состояние душа. Он грязный. Черта с два, я использую его.

Я поворачиваюсь к раковине и прополаскиваю рот несколько раз. Это не особо помогает избавиться от кислоты во рту.

— Вот, — говорит Дэмиан, протягивая мне зубную щётку и пасту.

Я беру их и быстро чищу зубы. Я забочусь о том, чтобы прополоскать их как следует, прежде чем он заберёт принадлежности назад.

Я приглаживаю волосы, а затем мои глаза расширяются, когда вижу, как Дэмиан чистит зубы. Я делаю шаг назад и просто смотрю. Он использует ту же зубную щётку.

Прошлой ночью он взялся сам одеть меня в одну из его футболок.

Он пришёл мне на помощь... снова.

В больнице он сказал, что я его жена. Не сестра. Не кузина. Он назвал меня своей женой.

Чёрт!

Я выбегаю из ванной. Такое чувство, будто маленькое пространство комнаты мотеля душит меня.

Мои мысли начинают отчаянно мчаться. Он мне не безразличен, конечно, но я в ужасном беспорядке. И не думаю, что когда-нибудь буду готова к отношениям.

Я уже имею тонну дерьма, с которой нужно разобраться. Мне это не нужно. Не сейчас.

Я тянусь к волосам, когда паника вспыхивает во мне. Мне нужен Дэмиан. Я знаю, что не переживу этого без него, но... что если он хочет большего? Я не могу дать ему больше. К черту мою жизнь.

Рана начинает болеть, каждая пульсация боли в такт с моим колотящимся сердцем. Я сажусь так, чтобы моё тело не напрягалось слишком сильно.

Дэмиан выходит из ванной, и его взгляд встречается с моим.

— Я... я, — я начинаю заикаться, как идиотка, и тяну рубашку, пытаюсь сделать её длиннее. Я чувствую, что мне не хватает одежды.

— Я вернусь через несколько минут, — ворчит он, а потом уходит.

Я сижу, застывшая, не зная, что происходит.

— Это твоё воображение, — я пытаюсь заставить себя успокоиться. — Вы просто друзья.

Я вытираю руки о бёдра, а затем снова тяну подол вниз.

— Ты всегда хотела друга и теперь у тебя есть один.

Моё сердце сильно сжимается в груди.

— Будь счастлива, — рываю я. — У тебя есть друг. Ты не одна...

Мои мысли возвращаются к Энни и ребёнку, и затем я шепчу:

— ...пока есть возможность.

Кто знает, как долго у меня будет Дэмиан, прежде чем я буду вынуждена с ним расстаться? Вот почему я оставила его в первый раз — чтобы избежать дерьма, подобно этому.

Избежать получения боли.

Однажды он исчезнет. Так же, как и мои родители. Так же, как Энни. Так же, как ребёнок.

Я сижу и смотрю в пол, такое ощущение, будто моя душа скользит в бездонную яму отчаяния и пустоты.

Такое чувство, что я оторвана от самой жизни. Солнце продолжает светить. Ветер продолжает дуть.

Моё тело продолжает дышать, но я истощена... просто пуста, и это самое потерянное чувство, которое я когда-либо испытывала.

Дэмиан

Я засовываю руки глубоко в карманы, когда подхожу к «Уол-марту» (*прим. сеть однотипных универсальных магазинов, торгующих широким ассортиментом товаров по ценам ниже средних*), который мы проезжали по дороге в мотель.

Мои мысли возвращаются к Каре и тому, как она отреагировала, когда я использовал ту же зубную щётку, что и она. У меня не укладывается в голове, что происходит между нами. Это как чёртова автомобильная авария. Не важно, как вы пытаетесь избежать крушения, это неизбежно. Мы столкнёмся на днях, и я могу только надеяться, что мы переживём это.

Я знаю, что она не готова к каким-либо отношениям, а я... хрен знает, чего я хочу.

Я захожу в «Уол-март» и направляюсь к стойкам с одеждой. Я хватаю первую пару джинсов и держу их. Да, они выглядят примерно нужного размера. Я хватаю несколько рубашек, ещё одну пару джинсов и две пары брюк. Но в секции нижнего белья я останавливаюсь в ступоре.

Б**дь.

Я хватаю коробку трусиков, а затем вздыхаю, когда мой взгляд падает на лифчики.

Да, как я и сказал, неизбежно произойдёт столкновение. Я пялюсь на лифчики, пока не прохожу этот странный этап. Я беру первый, а затем вспоминаю прошлую ночь. Я видел только мельком, но образ груди Кары кристально, черт возьми, ясен.

Я просматриваю ряд лифчиков, пока не нахожу один, который выглядит подходящим. Мы можем купить ей больше позже, тогда она сможет выбрать их сама.

Я подхожу к обуви. Хватаю пару удобных туфель, которые, я думаю, подойдут. Когда я иду к передней части магазина, мои глаза замечают проход с дезодорантами и прочей хренью. Я нюхаю несколько банок, прежде чем выбрать тот, который пахнет свежестью.

Затем хватаю пачку прокладок и тампоны, надеясь, что это правильное дерьмо. Я замечая несколько бритв и беру ей пачку. Себе я беру триммер для бороды (*прим. Триммер — элемент электрической бритвы или бритвенного станка, служащий для подравнивания усов и бороды*). Я позволил бороде расти слишком долго. Так же я беру Каре зубную щётку и расческу, потому что не хочу снова пугать её.

Я смотрю на краску для волос, но я просто не могу взять её. У неё великолепные рыжие волосы. Я вздыхаю и смотрю налево. Тут есть шляпы и шапки, и я с облегчением улыбаюсь. Беру ей две шляпы с цветами и прочей дрянью, а затем снова направляюсь к передней части магазина, довольный тем, что получил необходимые вещи.

Я вручаю кассиру деньги, хватаю сумки и выхожу из магазина. Это заняло слишком много времени.

Когда я иду по парковке мотеля, четверо мужчин выходят из комнаты рядом с нашей. Они смеются и кажутся случайными, но каждый мускул в моём теле напрягается. Я не поднимаю головы, когда иду мимо них. Замедляю шаг и жду, пока они не сядут в машину. Я жду, пока их машина уедет, прежде чем открыть дверь в нашу комнату.

Мои глаза тотчас же ищут её. Она сидит на кровати, её руки безжизненно лежат на коленях.

— Купил тебе кое-какую одежду, — говорю я и кладу пакет на кровать. — Одевайся, затем мы сможем уйти.

Она продолжает смотреть в пол, её лицо лишено каких-либо эмоций.

Я приседаю перед ней и кладу руку ей на колено. Её кожа холодная от такого просто сидения в утреннем холоде. Я ловлю её взгляд, и в её глазах, кажется, вновь появляется осмысленное выражение.

— Пора одеваться, — шепчу я, и внезапно мне кажется, что в моём горле застрял грёбанный камень. Я ненавижу видеть её такой.

Я беру свои вещи из пакета и ножницы из аптечки, а затем иду в ванную, чтобы у неё была какая-то приватность, чтобы одеться.

Сначала я отрезаю большую часть бороды, прежде чем хватаю триммер. Я обрезаю бороду так, чтобы это выглядело, как будто я не брился несколько дней. Такая длина меня устраивает больше всего.

Я всё убираю и промываю раковину, прежде чем вернуться в комнату. Я рад видеть, что Кара переоделась в брюки и футболку. Она занята тем, что обувает туфли.

— Подходят? — спрашиваю я, в то время как упаковываю всё в мою сумку. Я хватаю её остальную одежду и засовываю в сумку, а затем поднимаю глаза.

Кара смотрит на меня с слегка приоткрытым ртом. Она делает вдох и наклоняет голову.

— Ты побрился, — произносит она очевидное.

Я поднимаюсь в полный рост.

— Да, время для нового облика. Надень одну из шляп, чтобы скрыть свои волосы.

Я выхожу из комнаты, чтобы положить сумку в машину, а затем спешу обратно. Я снимаю постельное бельё и начинаю вычищать это место. Это привычка, от которой я никогда не смогу избавиться. Я должен всегда замечать свои следы.

Когда заканчиваю, я беру Кару за руку.

— Пошли.

Открываю дверь и сначала изучаю пространство. Снаружи тихо. Я тяну Кару за дверь и затем запираю её за нами.

Она держится рядом со мной, когда мы идём к стойке регистрации. Я кладу ключ на стойку и ухожу, не сказав ни слова.

Когда мы добираемся до машины, я сначала открываю пассажирскую дверь. Кара двигается, чтобы сесть, но затем останавливается и смотрит на меня. Похоже, она хочет что-то сказать, но затем она передумывает и садится.

Я закрываю дверь и обхожу машину к водительской стороне. Когда я сажусь, то слышу её шёпот.

— Спасибо.

Смотрю на неё и улыбаюсь. Её взгляд скользит по моему лицу, прежде чем она быстро смотрит на улицу. Кара сворачивается клубком и прислоняет голову к окну.

Нам предстоит проделать долгий путь, но сначала нам нужно остановиться в моём хранилище. Потом мы исчезнем.

Кара

Я закрываю глаза и пытаюсь выкинуть улыбающееся лицо Дэмиана из своей головы. Ему не стоило бриться. Было легче игнорировать его, когда он выглядел, как медведь гризли. Теперь... черт, теперь нет бороды, скрывающей его лицо.

Эти глаза.

Эта улыбка.

Взгляд, который прорывает путь к самому тёмному уголку моей души.

Он угрожающе хорошо выглядит, и это создаёт беспорядок в моей голове.

И затем он идёт и покупает мне вещи... как будто он заботится обо мне.

Слёза скатывается из уголка моего глаза, и я поворачиваю своё тело сильнее к двери, так, чтобы Дэмиан не увидел.

Мои эмоции поглощают меня. В одну секунду я так благодарна, что Дэмиан хочет остаться, а в следующую — я падаю в эту чёрную дыру в моей душе. Должно быть, это мои гормоны, которые полностью вышли из-под контроля.

Мой разум не прекращает гонку, перескакивая от моих родителей к Энни и ребёнку, от смертельного приговора, висящему над моей головой, к нахождению на милости Дэмиана.

Клянусь, если бы я знала, что ожидает нас после смерти, я бы закончила это в мгновение ока.

Но нет конца этому. Мне как-то придётся принять это.

Все мое тело болит, особенно раненный живот, и боль распространяется на мои бока и бедра. Хотела бы я получить немного болеутоляющих и кровать. Я просто хочу спать вечно.

Я оборачиваю руки вокруг себя, чувствуя тошноту от боли, но сдерживаюсь.

Машина начинает замедляться, и я быстро использую футболку, чтобы вытереть свои щёки. Когда мы останавливаемся, я выглядываю в окно. Я вижу здание, которое выглядит как склад. Я хмурюсь, не зная, почему мы здесь.

— Пойдём, — говорит он, его глаза уже исследуют местность. Я выхожу из машины и прислоняюсь к двери, пока жду, когда он достанет сумку из багажника.

Дэмиан подходит к тому месту, где я стою, и затем его рука скользит по моей щеке, и он наклоняется. Его взгляд ловит мой, и это точно так же, как в самом начале. Я не могу сохранять зрительный контакт и быстро опускаю глаза.

— Как больно? — спрашивает он, снова читая меня, как книгу.

Это не помогает врать, так что я гримасничаю.

— Мне бы очень пригодилось немного болеутоляющих и кровать.

Он скользит рукой вокруг моих плеч и притягивает меня к своему боку.

— Я достану тебе несколько, как только мы закончим здесь.

Я остаюсь, приклеенной к его боку, в то время как мы идём по узкому проходу. Освещение тусклое, по мере того как мы проходим несколько рядов склада.

Наконец, мы останавливаемся у одного, и я смотрю, как он открывает его. Дверь поднимается, и Дэмиан включает свет. Я не уверена, что ожидала увидеть, но не простой шкаф. Он отпирает его, и когда открывает дверь, мои глаза расширяются.

Там два пистолета, несколько обойм пуль, деньги и некоторые другие предметы. Я никогда раньше не видела так много денег. Хищник открывает сумку, а затем заталкивает деньги в неё. Он хватается то, что выглядит как пара удостоверений личности, паспорта, набор ключей и засовывает их между денег. Один пистолет отправляется в сумку, а другой — ему за спину. Когда он встаёт и смотрит на меня, всё, что я могу сделать, это сглотнуть.

Кто этот человек, что он так подготовлен?

Кто хранит так много денег, пистолеты и удостоверения личности на складе?

Дэмиан надевает сумку на левое плечо и затем берёт меня за руку.

— Пошли.

Прежде чем мы можем уйти, по проходу эхом раздаются голоса. Дэмиан отталкивает меня назад и быстро закрывает дверь. Он выключает свет, и моё сердце замирает.

Я задыхаюсь, а моё сердце пускается в скач. Я открываю рот, но прежде чем могу произнести его имя, я чувствую, как его рука опускается на моё плечо. Я не знаю, как он может что-либо видеть, но Дэмиан направляет меня к задней части хранилища.

Моя спина прижимается к холодной стали, и всё моё тело сжимается от страха. Я хватаюсь за Дэмиана, и тогда его руки обхватывают меня. Его тело нависает над моим, и я чувствую, как его щетина царапает мою щёку. Его дыхание тёплое на моём ухе, когда он шепчет:

— Я знаю, темнота и замкнутое пространство пугают тебя, но постарайся сохранять спокойствие. Нам просто нужно подождать их ухода.

Я быстро киваю, но качаюсь, когда волна страха обрушивается на меня. Мое тело ужасно болит. Я прикусываю нижнюю губу, а затем позволяю своим рукам скользнуть вокруг талии Дэмиана. Я держусь за него и прячу лицо под его подбородком. Его запах и присутствие окутывают меня, и это немного успокаивает.

Я слышу гул голосов, когда они проходят мимо блока, в котором мы находимся. Боль превращается в волны тошноты и головокружения, и всё, что я могу сделать, — это держаться за Дэмиана.

Он оставляет поцелуй на моей щеке и затем ещё один на моей шее.

— Ты хорошо справляешься, — шепчет он.

— Меня сейчас стошнит, — шепчу я в ответ. Боли и страха становится слишком много.

Я слушаю, как они открывают дверь блока рядом с нашим, а затем громкое проклятие заставляет меня вздрогнуть.

Шаги устремляются к нашему блоку, а затем звуки быстро исчезают.

— Ещё немного, — шепчет Дэмиан. — Они должны думать, что мы ушли.

Мои ноги онемели от боли, и моё тело вжимается в Дэмиана.

— Мне нужно сесть, — шепчу я, чувствуя себя очень слабой.

Как и прежней ночью, Дэмиан спускает нас на пол и затем притягивает меня к себе между ног. Я вжимаюсь в него и закрываю глаза, пытаюсь изо всех сил бороться с желанием плакать.

Его рука начинает выводить небольшие круги на моей пояснице, и это немного облегчает боль в моих ребрах. Он оставляет больше поцелуев на моей макушке.

Проходят мучительно долгие минуты, прежде чем он шевелится.

— Сначала я пойду и посмотрю. Оставайся здесь, — шепчет он.

Я резко поднимаю голову и хватаюсь за него. Мои руки врезаются в его пресс, и я цепляюсь за ткань под моими руками.

— Нет, — я трясую головой, и хотя моё тело ноет, я стараюсь изо всех сил встать на колени. — Не оставляй меня.

Он колеблется в течение секунды, и моё сердце останавливается, но затем Хищник тянет меня вверх за собой.

— Ты можешь идти?

Я киваю. Я сделаю всё, что он скажет, пока он не оставляет меня в этой коробке.

Я чувствую его взгляд на мне, и хочется, чтобы я могла видеть в темноте так же хорошо, как и он. Он тихонько открывает дверь, и свет, который светит из прохода, весьма желанный.

Дэмиан смотрит вверх и до конца прохода, а затем достаёт пистолет из-за спины. Точно так же, как и в первый день, когда он пришёл за мной, он берёт мою руку левой рукой, а пистолет держит правой.

— Держись позади меня, — шепчет он, и на этот раз слова звучат так отлично от того раза, когда он впервые сказал их мне. Больше нет никакого безразличия в Дэмиане. Он не беспристрастен со мной.

Я придерживаюсь его спины, когда мы идём по проходу. Когда мы выходим на улицу, парковка пуста. Я чувствую вспышку надежды на то, что мы сможем сделать это.

— Нам придётся идти по дороге, у меня есть машина, ждущая в автосалоне.

— Идти? — пишу я, не уверенная, что смогу пройти ещё.

Дэмиан притягивает меня к своему боку так, чтобы я могла опереться на него, и его рука крепко размещается вокруг меня.

— Мы не можем взять эту машину.

Он смотрит на ту, которую мы использовали.

— Мы оставляем всё это позади.

— А как же твой дом? — спрашиваю я, только теперь понимая, что он бросает всё.

— Он был арендованный.

Он начинает идти, и мои онемевшие ноги вяло двигаются. С каждым шагом, который я делаю, я больше склоняюсь к Дэмиану. Внезапно он останавливается и берёт мою левую руку, потянув её вокруг своей талии. Он обнимает меня, как будто мы пара. Таким образом, он принимает большую часть моего веса, и это немного помогает.

— Я бы понёс тебя, но это лишь привлечет внимание.

Я могу только кивать, мой рот наполнен густой слюной. Моё зрение начинает затуманиваться, и я больше не разбираю что-либо из нашего окружения. Я фокусируюсь только на том, чтобы ставить одну ногу перед другой.

Это самое длинное расстояние, которое я когда-либо проходила. По крайней мере, кажется, что это так. Когда мы, наконец, добираемся до автосалона, я не могу сдержать желчь и быстро отворачиваюсь от Дэмиана. Моё тело бьётся в конвульсиях, и это делает боль ослепляюще острой.

Я не знаю, как мы добираемся до машины. Со слезами, размывающими мой взгляд, я кладу щеку на изношенную обивку заднего сиденья. Я наконец-то закрываю глаза и исчезаю в тёмном блаженстве.

Дэмиан

Это уж было долгий день, а сейчас только перевалило за полдень. Когда я останавливаюсь у аптеки, то словно разрываюсь надвое. Кара спит на заднем сиденье. Я не хочу оставлять её, но мне нужны запасы для неё.

Я запираю все двери, а затем мчусь в магазин. Сначала я хватаю болеутоляющие, а потом беру ещё несколько бинтов. Также я хватаю большую аптечку. Лучше быть подготовленным, чем сожалеть.

Я вошёл и вышел менее чем за десять минут, но, кажется, будто прошёл год моей жизни. Я кладу вещи на пассажирское сиденье, а затем открываю дверь у головы Кары. Я кладу руку ей на лоб и чувствую огромное облегчение, когда он прохладный при моём прикосновении. Последнее, что нам нужно, это заражение крови.

Я убираю немного волос с её лица, а затем снова закрываю дверь.

Когда мы оставляем оживлённый город позади, я чувствую, что тонна веса скатывается с моих плеч.

Мои мысли переходят на содержимое сумки. У нас недостаточно одежды, но мы можем купить побольше, когда доберёмся до Саутпорта. Я так чертовски благодарен, что сделал для Кары ещё одно удостоверение личности. С нашими новыми документами и деньгами на «черный» день, на время у нас всё будет в порядке. Нам нужно получить работу, но это мост, который мы пересечём, когда доберёмся до него.

У меня есть домик в Саутпорте, который я получил несколько лет назад. Это будет идеальное место для лечения Кары. Это тихая деревня. Мы сможем там исчезнуть.

Время от времени я смотрю через плечо, чтобы убедиться, что она в порядке.

Сегодня я провёл её через ад, но она боец. Я не думал, что они найдут склад так быстро. Хвала, чёрт возьми, тому, что у меня был другой блок на имя Дэмиана Вестона, и тот, с нашим экстренным тайником, забронирован на имя Алекса Джексона. Я сфальсифицировал другой блок так, чтобы было похоже, что кто-то уже там был, надеясь, что это собьет их с нашего следа.

Я начинаю всё тщательно анализировать. Мне не хотелось ничего больше, чем вырвать сердце Тома, но это бы выбило ту небольшую почву из-под ног, которую мы заполучили. Самое главное это то, что у Кары есть безопасное место для лечения.

Глава 15

Кара

Я просыпаюсь, чувствуя себя, как кусочек жевательной резинки — липкой и растянутой слишком тонко.

Я поднимаю лицо с сиденья и вытираю слюни из уголка рта. Мне жарко, и всё моё тело болит.

Я сажусь прямее и осматриваюсь вокруг. Всё зелёное, и я чувствую запах соли в воздухе.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает Дэмиан, его глаза мечутся между дорогой и зеркалом.

— Отвратительно, — я подытоживаю всё это для него.

Он копается в сумке на пассажирском сиденье и затем подаёт мне энергетический напиток. Я беру его у него и, когда делаю несколько жадных глотков, он протягивает мне пачку болеутоляющих.

— Чёрт, спасибо!

Я взволнована мыслью о том, чтобы не испытывать боль. Я принимаю две таблетки и затем выпиваю ещё немного энергетика, затем опускаюсь обратно на сиденье и просто смотрю в окно. Миленькие дома тянутся вдоль улицы, по которой мы едем, и там и сям кто-то работает в своём саду.

— Где мы? — спрашиваю я.

— Саутпорт, — говорит Дэмиан, в то время как поворачивает по дороге. — У меня здесь есть домик.

Дома начинают редеть, и через некоторое время я понимаю, что это уже деревья с домиками через каждые несколько миль.

— Где это? — спрашиваю я.

— Это в Северной Каролине. Я думаю, тебе здесь понравится. Это маленькая деревня.

Я всё ещё чувствую запах соли, но отсюда я не могу видеть океан.

— Здесь есть рядом пляж?

— Да, как только тебе станет лучше, я покажу тебе город. Всё в нескольких минутах ходьбы.

Я смотрю на деревья, мимо которых мы проезжаем, а затем Дэмиан подъезжает к повреждённой непогодой хижине. Убогий вид этой халупы заставляет дом, в котором мы жили, выглядеть, как замок.

Когда Дэмиан останавливает машину, я медленно выхожу. Мое тело кажется чертовски чувствительным, но, по крайней мере, боль ослабла.

Дэмиан хватает сумку и достаёт связку ключей, которую мы взяли из хранилища. Его взгляд опускается на меня, и прежде чем он может дотянуться до меня, я начинаю медленно идти к входной двери. Я трясусь перила, сначала проверяя их, прежде чем опереться на них, чтобы подняться по скрипящей лестнице.

— Он выйдет не очень, но это идея. Мы можем починить его, сделав нашим собственным.

Дэмиан открывает дверь, когда моё лицо краснеет от его слов. Он использует такие слова как «мы» и «наш», из-за этого я чувствую себя неловко.

Я следую за ним в пыльную маленькую комнату. Тут только один диван и крошечный телевизор. Частицы пыли танцуют в воздухе вокруг нас.

— Спальня здесь, — говорит Дэмиан, и я следую за ним в ещё меньшую комнату. Здесь только двуспальная кровать и старый шкаф. Я смотрю, как Дэмиан снимает всё постельное бельё. Он вытряхивает всё это, а затем снова стелет постель.

— Залезай.

Ему не нужно говорить мне дважды, меня не волнует, в каком состоянии находится постельное бельё. Я просто хочу спать. Я медленно заползаю под одеяло и нахожу удобное положение для моего чувствительного тела.

Дэмиан достаёт бутылку воды из сумки и ставит её на пол, рядом с тем местом, где я лежу. Также он оставляет пачку болеутоляющих.

— Я проверю тебя через некоторое время. Отдохни немного.

Когда он поворачивается, чтобы покинуть комнату, я шепчу:

— Спасибо.

Он дарит мне одну из его редких улыбок, которые заставляют воздух со свистом проноситься из моих лёгких, и затем он уходит. Он не закрывает дверь, и я могу слышать каждый шаг, который он делает. Дэмиан открывает и закрывает шкафы, а затем я слышу звон ключей. Звук закрывающейся двери говорит мне, что он ушёл.

Пыльный запах от подушки щекочет мой нос, и я засовываю руки под голову, используя их как барьер между моей кожей и тканью подушки.

Здесь тихо, и мне это нравится. Нет людей. Ничего, кроме нас.

Запах чего-то вкусного будит меня. Я не знаю, как долго спала. Я медленно встаю, и когда боль начинает пульсировать в моём животе, быстро тянусь к болеутоляющим таблеткам. Я принимаю две и затем отправляюсь на поиски Дэмиана.

Я нахожу его на кухне, где он что-то перемешивает в кастрюле.

— Ты готовишь?

Я чертовски удивлена. Дэмиан никогда не готовил раньше, ну, за исключением того раза, когда он сделал карри для как-её-там.

— Да, просто чили. Также я купил немного свежего хлеба и ещё кое-что, — он указывает на старый чайник. — Он только что вскипел, если ты хочешь сделать кофе.

— Спасибо, — шепчу я. Я делаю себе кофе, а затем выхожу на небольшое крыльцо. От каждого шага, что я делаю, дерево скрипит под моими ногами.

Я осматриваю окрестности, и когда не вижу каких-либо домиков или людей рядом с нами, я чувствую трепетание чего-то близкого к счастью.

Я слышу движение внутри и оглядываюсь через плечо. Дэмиан снова снимает всё постельное бельё, а затем я наблюдаю, как он достаёт совершенно новое постельное бельё из сумки.

Жаль, что у меня нет сил, чтобы помочь ему, я уже снова устала. Кажется, как будто что-то высасывает каждую каплю силы из моего тела.

Я допиваю кофе и ополаскиваю кружку, а затем иду в ванную. Это самая маленькая комната с ванной, умывальником и туалетом. Я колеблюсь секунду, прежде чем закрыть дверь. Я чувствую панику, поднимающуюся в груди, когда смотрю на дверь. Я быстро пользуюсь туалетом и ополаскиваю руки, прежде чем открыть дверь. Дэмиан стоит прямо по другую сторону, и я отскакиваю назад.

— Ты закрыла дверь, — заявляет он, а затем улыбка растягивает уголок его рта. — Это хорошо.

Он идёт на кухню, а я возвращаюсь в спальню. Одеяло откинута, и лёгкая улыбка растягивает мои губы, когда я забираюсь под новенькое одеяло. Я вздыхаю и закрываю глаза, позволяя сну забрать меня снова.

Дэмиан

Когда чили готово, я зачерпываю немного в тарелку для себя. Кара всё ещё спит, и нет никаких шансов, что я разбужу её. Ей нужно как можно больше отдыхать. Она может поесть, когда проснётся.

Я беру свою тарелку чили и бутылку воды и сажусь на старый потрёпанный диван. С этого ракурса мне видно Кару, и мои глаза не покидают её, в то время как я ем.

Как только ей станет лучше, нам нужно будет поговорить. Она может либо остаться со мной, и я надеюсь, что она решит сделать это, либо она может рискнуть на свободе. От мысли о том, что она снова уйдет, кровь стынет в жилах. Она пережила достаточно дерьма в жизни.

Мысль о том, чтобы отправиться в Южную Африку и убить этого её никчёмного дядюшку, очень заманчива.

В день, когда я достал Кару из того контейнера, я никогда бы не подумал, что мы закончим вот так. Я никогда бы не подумал, что там будет женщина, которая заставит меня бросить всё. Я до сих пор не знаю, почему я делаю всё это для неё. Конечно, чёрт возьми, это не любовь.

— Ты просто защищаешь её, — шепчу я себе. — У неё никого нет и у тебя никого нет, поэтому это вполне естественно, что вы держитесь вместе.

Я насмехаюсь над собой и своими глупыми рассуждениями.

— Да, верно. Продолжай врать себе.

Когда приближается полночь и становится ясно, что Кара не проснётся, я быстро купаюсь. Я ненавижу купание. Мне нужно поставить здесь душ. Я натягиваю спортивные штаны, а затем проскальзываю рядом с Карой. Она лежит на боку, спиной ко мне. Я просто смотрю на её силуэт на несколько минут дольше, прежде чем я подползаю ближе к ней. Я убеждаюсь, что не касаюсь её, когда кладу руку под голову. Ее волосы раскинуты по подушке, и я прикасаюсь к шелковистым кончикам.

Я, должно быть, уплывал в сон, но, кажется, будто я спал лишь несколько секунд, когда движение будит меня. Я открываю глаза и вижу, что Кара сидит на краю кровати. Когда она встаёт, я замечаю, что её движения вялые. Её тело поворачивает влево, и она врезается в стену.

Я быстро вылезаю. Когда я добираюсь до неё, то замечаю её влажные щёки.
— Прости, — шепчет она, — я не хотела тебя разбудить. Я просто хотела взять воду.

Я беру её за руку.

— Возвращайся в постель. Я быстро схожу тебе за бутылкой.

Я убеждаюсь, что она снова садится, прежде чем пойти на кухню. Я хватаю две бутылки воды. Когда возвращаюсь обратно в спальню, она изо всех сил пытается открыть пачку болеутоляющих

— Вот.

Я вручаю ей бутылку воды и забираю у неё пачку. Я быстро достаю две таблетки и передаю их ей. Её руки дрожат, и это заставляет меня беспокоиться.

— Сильно болит?

Она качает головой, а затем проглатывает таблетки. Я забираю у неё бутылку и наблюдаю, как она осторожно ложиться. Слёзы продолжают катиться из её глаз.

— Кара, насколько всё плохо? — спрашиваю я, смотря вниз на неё.

— Таблетки уберут боль через несколько секунд, — шепчет она, всё ещё не говоря мне, насколько это плохо.

Я волнуюсь и быстро включаю свет.

— Мы не спим, я мог бы сменить повязку.

Я просто хочу увидеть рану, хочу проверить насколько все плохо. У неё может быть инфекция, а её упрямая задница не скажет мне.

Я достаю аптечку и когда задираю её рубашку вверх, Кара даже не открывает глаза. Я подсовываю руку под её плечи и осторожно поднимаю её, а другой рукой развязываю повязку вокруг её талии. Я бросаю старую повязку в сторону, а затем медленно опускаю её обратно на кровать. Беру антисептическую салфетку и начинаю медленно чистить рану.

Она не выглядит заражённой, и от этого мне становится немного легче дышать.

Когда я отбрасываю салфетку в сторону, Кара сонно бормочет:

— Это было так приятно.

Уголок моего рта дёргается, и я вынимаю ещё одну салфетку. Я начинаю весь процесс заново, аккуратно вытирая вокруг швов. Когда я выйду завтра, чтобы купить материал для ремонта душа, то узнаю, где находится врач. Прошло восемь дней после операции, так что швы должны быть сняты в ближайшее время.

Я рад, что купил новые повязки с лентой. Я накрываю швы, а затем смотрю вниз на неё. Она заснула, и меня поражает, что она доверяет мне. Кара заснула с задранной футболкой. Она доверяет, что я не воспользуюсь ситуацией.

Чёрт возьми, это весело.

Интересно, понимает ли она это. Я выбрасываю использованную повязку и салфетки, а затем выключаю весь свет. Я ложусь рядом с ней, но на этот раз, я не могу заснуть, так что трачу ранние утренние часы, поглощая каждый дюйм её силуэта.

Кара

Я просыпаюсь, чтобы обнаружить солнечный свет, льющийся в комнату. Я чувствую себя измученной.

Я медленно сажусь, стараясь не тревожить рану. Я помню, как Дэмиан позаботился обо мне накануне ночью. Я помню, каким ласковым он был, и эти воспоминания заставляют меня чувствовать себя эмоциональной. Я тяжело сглатываю и встаю.

Когда я иду в ванную, то обнаруживаю Дэмиана, измеряющего стену.

— Привет.

Его голова поворачивается ко мне, а затем возвращается к стене. Он делает отметку и потом выходит из ванной. Его глаза захватывают мои, и, похоже, что он что-то ищет.

— Как ты себя чувствуешь?

Я пожимаю плечами. На самом деле, у меня нет ответа на этот вопрос. Я чувствую себя... несчастной. Нет, это далеко неверное слово для того, что я чувствую.

Его пальцы касаются моего подбородка, и он подталкивает моё лицо вверх так, чтобы я снова посмотрела на него.

— Я здесь. В любое время, когда ты захочешь поговорить, я здесь.

Я киваю, а затем перевожу взгляд на отметку, которую он сделал на стене.

— Что ты делаешь?

Он осматривается вокруг.

— Мне нужен душ, так что я его устанавливаю. Я дам тебе воспользоваться ванной, прежде чем приступлю к работе.

— Спасибо, — бормочу я. Я наблюдаю, как он уходит, а затем закрывает дверь позади меня. Я смотрю на закрытую дверь, и, как часовой механизм, знакомая паника начинает сжимать мою грудь. Я кладу руку на то место, где, кажется, будто слон припарковал свою огромную задницу, пытаюсь раздавить моё сердце. Я не отрываю глаз от двери, когда быстро облегчаюсь. Я ополаскиваю руки и избегаю отражения в зеркале. Я не хочу видеть, как пустая оболочка смотрит на меня.

Я возвращаюсь в постель и натягиваю одеяло на голову, чтобы блокировать свет.

Я не засыпаю снова, а просто лежу под одеялом. Хотя я не двигаю мышцами, такое ощущение, что мой разум несётся к какой-то неизвестной темноте, которая угрожает уничтожить мой последний кусочек здравого смысла.

Дэмиан

Когда я заканчиваю с душем, то проверяю его, чтобы убедиться, что утечек нет. Я купил белую занавеску с серыми оттенками. Похоже, на ней была нарисована огромная картина серого чертополоха. Надеюсь, Каре понравится.

Я проверяю время, и когда замечаю, что почти полдень, то решаю подогреть чили. Я также купил несколько свежих булочек и масло. С булочкой и ложкой в одной руке, а так же с тарелкой чили в другой, я иду проверить её. Ей нужно есть. Входя в комнату, я нахожу её полностью под одеялом.

— Кара, — говорю я, но она не двигается. — Пора поесть. Поднимай свою задницу.

Она откидывает одеяло и затем, тяжело вздыхая, садится.

— Я не голодна, — бормочет она.

Я протягиваю ложку и булочку ей.

— Ты не можешь жить на болеутоляющих, — рычу я, когда начинаю терять терпение. Я знаю, что она в дерьмовом положении, но я не буду стоять в стороне и смотреть, как она морит себя голодом. Ни за что, б**дь.

Я вручаю ей тарелку с чили, а затем сердито смотрю на неё. Она берёт ложку в рот и медленно пережёвывает. Я иду к окну и открываю его, чтобы мы могли получить свежий воздух в комнату.

— Я записал тебя на приём к местному доктору.

Её голова взлетает вверх, и она хмурится на меня.

— Зачем?

Я тоже хмурюсь и скрещиваю руки на груди.

— Чтобы снять швы и проверить рану.

— О.

Она берёт небольшой кусочек хлеба, и его пережёвывание занимает вечность. Я наблюдаю, как она съедает ещё две ложки чили, прежде чем ставит тарелку на край кровати, а затем она бросает булочку в тарелку с остатками чили.

— Спасибо.

Она ложиться обратно и снова натягивает одеяло на голову.

Я хватаю тарелку и иду на кухню, не зная, что, чёрт возьми, я буду с ней делать. Я вышагиваю туда-сюда и затем, такое ощущение, как будто кровь взрывается в моих венах. Я несусь обратно в комнату, отдёргиваю одеяло назад и сгребаю её в свои объятия.

— Эй! — вопит Кара, но затем она цепляется за меня. Я иду в ванную комнату и опускаю её в ванну. Я поворачиваю краны, и она снова визжит, когда холодная вода ударяет её. Она старается изо всех сил встать на ноги и затем свирепо смотрит на меня. Я вижу, что она хочет рассердиться, но у нее просто не хватает запала для этого.

— Помойся, — рывкаю я на неё. — Ты чертовски воняешь.

Я закрываю занавеску и потом прислоняюсь спиной к противоположной стене.

Её силуэт не двигается добрых несколько секунд, и я волнуюсь, что я не достучался до неё. Я должен остановить этот скользкий путь, на котором она находится, прежде чем Кара опустится слишком далеко, и её будет не вернуть назад.

Я слышу всхлипывание, а затем она погружается в ванную.

Я закрываю глаза, когда её душераздирающие рыдания разрывают моё сердце в клочья. Я больше не могу этого выносить и снова открываю занавеску. Я опускаюсь на колени рядом с ванной и затем тянусь к пробке. Я вставляю её и меняю функцию от душа к ванной. Когда вода начинает наполнять ванную, я тяну девушку вверх. Она не останавливает меня, когда я начинаю её раздевать. Сначала я стягиваю её рубашку через голову, а потом помогаю ей выйти из её брюк. Я бросаю их прямо рядом с ванной.

Я не набираю много воды. Я не хочу, чтобы её рана была долго под водой. Я снимаю повязку, а затем тянусь к губке. Я намыливаю её и начинаю мыть её руки.

Единственный признак того, что она всё ещё плачет, это слёзы, скользящие из её глаз. Она не сводит глаз с воды, на её лице пустое выражение. Я мою всё её тело, за исключением её груди, задницы и места между ног. Я не пересекаю эту черту. Я осторожен вокруг швов, и затем я ополаскиваю её тело.

— Ложись, — шепчу я. Она прислушивается, и, держась за обе стороны ванны, скользит вниз.

Я быстро мочу её волосы и затем выдавливаю шампунь себе в руку. Я мою её волосы и потом прополаскиваю их, прежде чем помочь ей подняться обратно. Я вытаскиваю пробку и хватаю полотенце.

— Вылезай, — шепчу я.

Она выходит из ванны и, когда шагает в полотенце, которое я держу открытым, Кара смотрит вниз на пол. Я оборачиваю его вокруг неё и потом хватаю ещё одно. Я сушу её волосы, смотря вниз на неё. Опустошенное выражение на её лице рвёт мне сердце.

Я тяну её в свои объятия и просто обнимаю её некоторое время.

— Знаешь, что отстойно? — шепчет она несчастным тоном.

— Нет, скажи мне, — я призываю её открыться мне.

Она прижимается ближе ко мне, а затем шепчет:

— Это не просто застрять в самых тёмных дырах, в то время как остальная часть мира остаётся на солнце. Это не просто, когда ты чувствуешь жестокий укус одиночества, в то время как ты окружён людьми. Это не просто, когда ты так устал до костей, в то время как всё, что ты делаешь, — это спишь.

Её голос ломается, но она выдавливает слова,

— Это как гребаный рак, пожирающий мою душу. Это пожирает каждый лучик света.

Мои руки сжимаются вокруг неё, и я ищу правильные слова, чтобы сказать ей, но я не могу найти никаких.

Глава 16

Кара

Доктор настолько стар, что я беспокоюсь, что он не сможет разглядеть швы. Но, к счастью, он видит просто прекрасно для его почтенного возраста, уверенными движениями мужчина быстро удаляет мои швы и обрабатывает рану.

— Рана заживает хорошо, миссис Джексон. Просто продолжайте очищать её ещё некоторое время. Приходите ко мне, если она начнёт чесаться или станет чувствительной и красной, — говорит доктор.

— Хорошо, — шепчу я, когда сажусь, натягивая футболку.

— Спасибо, — я одариваю его неловкой улыбкой и затем покидаю комнату.

Когда я вхожу в крошечную приёмную, Дэмиан сразу же встаёт.

— Спасибо, — говорит он регистратору и берёт меня за руку.

— Хорошего вам дня, мистер и миссис Джексон, — весело отвечает регистратор.

Я была удивлена, когда Дэмиан дал мне имя Нина Джексон. Когда мы садимся в машину, я смотрю на него.

— Ты и мне тоже достал новые документы?

Он направляет машину обратно на главную дорогу, прежде чем ответить:

— Да, у меня всегда есть экстренный план. Нам нужно практиковать новые имена. Мы не хотим ошибиться на публике. Ты должна звать меня Алекс, а я буду звать тебя Ниной.

— Значит, мы женаты... снова?

Я не могу не спросить.

— Да.

Его взгляд проносится по мне, прежде чем он продолжает:

— Мы совершенно не похожи, и нам не провернуть штуку «брат и сестра». Я подумал, что будет безопасней просто сделать нас супружеской парой.

— О.

Я опускаюсь обратно на сиденье, не уверенная, как я к этому отношусь.

— Так что... у нас есть настоящее свидетельство о браке?

— Такое же настоящее, как и наши удостоверения личности, — говорит он. Я удивляюсь, когда Дэмиан не поворачивает обратно на дорогу, ведущую к домику, а вместо этого проезжает мимо.

Я отпускаю тему нашего фиктивного брака на данный момент.

— Куда мы едем?

— Я хочу показать тебе кое-что, — говорит он.

Мы сидим в тишине, пока он не останавливает машину на пустой парковке. Он выходит, обходит вокруг машины и открывает мою дверь. Не остаётся другого выбора, я выхожу, мои плечи резко опускаются. Я предпочла бы вернуться в кровать.

— Пойдём, — шепчет он. Дэмиан берёт меня за руку и тянет через парковку.

Мы добираемся до лестницы, высеченной из скалы, и на полпути вниз мне приходится остановиться.

— Мне просто нужна минутка, — говорю я, тяжело дыша. Пот струится по моему лбу, я вымоталась.

Дэмиан терпеливо ждёт, пока я не восстановлю свои силы, прежде чем мы спускаемся остаток пути. Мы добираемся до пляжа, где лениво плещутся волны.

Хищник тянет меня вплоть до воды, а затем становится на колени передо мной. Он снимает мои туфли и закатывает штаны до колен, прежде чем сделать то же самое со своими джинсами.

Мы шагаем в холодную воду, и я смотрю на него, молча спрашивая, что теперь?

Он смотрит в сторону горизонта и начинает шептать:

— Я знаю, ты чувствуешь себя потерянной в океане боли, но всего на минуту я хочу, чтобы ты сосредоточилась на том, что я скажу.

Я чувствую себя неловко от направления, в котором движется разговор, поэтому я тоже смотрю на океан.

— Ты чувствуешь, как холодная вода плещется у твоих ног?

Я хмурюсь, но всё равно отвечаю:

— Да.

— Это означает, что у тебя есть ноги, за что должна быть благодарна. Ты можешь ходить.

Я вздыхаю и откидываю волосы назад.

— Ты чувствуешь этот бриз?

Я смотрю на него.

— В самом деле? Ты собираешься задать мне кучу вопросов?

— Ты чувствуешь солнце на своём лице?

Я не отвечаю ему, лишь вытаскиваю свою руку из его.

— Ты видишь синеву океана?

Я поворачиваюсь, чтобы вернуться к машине, когда он сердито рывкает:

— Потому что есть сотни людей, которые отдали бы всё, чтобы увидеть это в последний раз. Есть много людей, которые бы сделали что угодно, чтобы сделать ещё один шаг.

Я поворачиваюсь обратно к нему и кричу:

— Какое, чёрт возьми, это имеет отношение ко мне?

Он подходит прямо ко мне, и его глаза пылают от гнева.

— Ты жива! Б**дь, женщина. Твоё сердце бьётся. Ты всё ещё видишь всю эту красоту, ты чувствуешь этот ветерок, ты ходишь, — он проводит рукой по своему лицу и рычит: — Ты жива. Так много тех, кто умирает молодыми. Нередко люди теряют слишком многое, но они не упиваются жалостью к себе. Они, чёрт возьми, живут каждый день на полную катушку. Кара...

Он глубоко вздыхает.

— Тебе дана одна гребаная жизнь, и, возможно, до настоящего времени она была испорчена, но тебе решать, как она закончится. Ты собираешься позволить кучке ублюдков разрушить всю свою жизнь или ты планируешь сопротивляться и показать им средний палец?

Моё горло свел спазм, и я проглатываю слёзы. Он прав, но как мне изменить то, что я чувствую?

— Я не знаю, как? — шепчу я.

— Вот почему я привёл тебя сюда. Прямо сейчас, стоя здесь, всё, что тебе нужно сделать, это посмотреть на океан и увидеть голубизну, простирающуюся вокруг. Почувствуй этот ветерок, почувствуй холодную воду между своих пальцев. На сегодняшний день...

Его глаза бурлят от эмоций, и я боюсь, что если буду смотреть дольше, то попаду в этот шторм.

— Просто сделай это. Ничего больше.

Я возвращаюсь в воду и сосредотачиваюсь на холодных волнах, плещущихся вокруг моих ног. Я чувствую, как бриз играет в моих волосах, и всматриваюсь в океан, принимая во внимание все оттенки синего. Я благодарна, что жива. Я благодарна, что у меня есть Дэмиан. Я просто хочу, чтобы я могла избавиться от тяжести, которая продолжает тянуть меня вниз.

Когда мы возвращаемся к машине, я чувствую себя опустошенной.

Дэмиан

Прошло две недели, и каждый день я вывожу Кару наружу и заставляю её перечислять то, что она видит, чувствует, например, одну из функций её тела, за которую она благодарна. Это долгий процесс, но я вижу изменения.

Она выходит на крыльцо, и я смотрю на неё.

— Ты готова к нашей прогулке?

Кара не смотрит на меня, когда кивает.

— Пошли.

Она спускается по лестнице, и я замечаю, что у неё больше сил. Последние несколько дней она не принимает болеутоляющие и ест больше.

Я догоняю её и прежде чем могу сказать что-нибудь, она говорит:

— Я видела кое-что вчера. Это в ту сторону.

Я следую за ней глубже в деревья, и некоторое время мы идём в тишине, прежде чем она указывает на что-то.

— Там.

Я следую за ней, пока она не останавливается и не приседает. Там куча одуванчиков. Она срывает один, а затем дует на него, заставляя крошечные семена взмывать в воздух. Кара срывает ещё несколько с земли, а затем встаёт. Она протягивает мне один и шепчет:

— Когда ты подуешь на него, ты должен загадать желание.

Я смотрю, как она сдувает ещё два, прежде чем взглянуть на меня.

Я держу его перед своим ртом и медленно дую на семена. Они улетают, и всё, о чём я могу думать, это то, что я хочу, чтобы она была счастлива. Я хочу видеть её улыбку.

Её губы дёргаются, и потом она забирает стебель из моих пальцев. Кара засовывает все четыре стебля в карман и поворачивается, возвращаясь к домику.

Сегодня был огромный шаг. Она сделала выбор и сделала то, что хотела. Она хорошо справилась.

Кара

Сначала я так рассердилась и была недовольна Дэмианом, когда он продолжал приставать ко мне, чтобы я ходила с ним на прогулки, но не сейчас. Теперь я наслаждаюсь ими.

Как будто прошли годы с тех пор, как я потеряла ребёнка и Энни, но в то же время кажется, что всё это произошло вчера.

Но, по крайней мере, я чувствую, как солнце пробивается сквозь облака. Уже не так темно.

Бывают моменты, когда я на самом деле счастлива.

Я до сих пор не понимаю, почему все эти плохие вещи продолжают происходить со мной, но надеюсь, что жизнь сделает паузу и перестанет подкидывать мне гадости. Мне просто нужен перерыв.

Мы впали в рутину, где по очереди готовим. Когда наступает моя очередь, мы едим либо лапшу, либо я разогреваю в микроволновке для нас два замороженных обеда.

Каждый день Дэмиан занят около домика. Он сделал весьма много ремонтных работ в этом месте. Вчера он провёл весь день, проверяя все винты и убеждаясь, что дом не обвалится на нас.

Я открываю один из шкафов на кухне и вытаскиваю чашку, чтобы сделать себе кофе. Я закрываю дверцу шкафа и когда тянусь за чашкой, дверь внезапно отделяется. Я пытаюсь поймать её, но угол дверцы врежется в мою левую руку. Я кричу, когда боль вибрирует через мою руку. Дверь падает на пол, снося с собой чашку. Чашка разбивается вокруг моих босых ног, когда Дэмиан входит на кухню.

— Не двигайся, — говорит он, а затем подходит ко мне. Он поднимает меня и выносит из кухни. Лишь тогда, когда мы в гостиной, он ставит меня обратно на ноги. Он возвращается на кухню, и я смотрю, как он убирает разбитую чашку. Дэмиан поднимает дверь, осматривает её и бормочет:

— Нужны новые петли и винты. Проклятая штука слетела. Я пойду, возьму кое-что, а потом проверю все двери.

Он кладёт дверь на стойку, а затем возвращается к тому месту, где всё ещё стою я.

— Ты в порядке?

— Да.

Я смотрю вниз на свою левую руку.

— Штуковина просто врезалась в мою руку, но всё в порядке.

Дэмиан берёт меня за руку и проверяет каждый дюйм. Есть маленький голубой синяк, где уголок ударил меня, и Хищник слегка касается пальцем чувствительного пятна.

Когда его глаза встречаются с моими, я чувствую трепет в животе. Боясь того, что это может означать, я вытаскиваю свою руку.

— Я просто собираюсь вымыть пол, чтобы убедиться, что мы убрали всё стекло.

Я занимаю себя, убирая дом сверху донизу. Дэмиан достал нам необходимые вещи, и я благодарна, что стиральная машина была одной из них. Он натянул на заднем дворе бельевую верёвку, где я могу развесить нашу одежду.

Я стираю в воскресенье утром. В первые несколько раз, когда я занималась стиркой, я быстро осознала, что в куче не было нижнего белья Дэмиана. Сначала я подумала, что он постирал его сам, но когда убирала одежду, поняла, что он не носит белья.

И теперь я не могу перестать думать, что Дэмиан не носит ничего под джинсами или брюками.

В последний раз, когда он ходил по магазинам, он взял меня с собой, и я купила ещё несколько предметов одежды. Мы медленно делаем эту хижину домом. У нас есть всё, что нам нужно, и это всё, что имеет значение.

Это не воскресенье, но я стираю несколько наших предметов одежды вместе с полотенцами.

Когда я возвращаюсь после развешивания одежды на сушку, то наталкиваюсь прямо на Дэмиана.

Я отскакиваю назад и бормочу:

— Извини.

— Я собираюсь в хозяйственный магазин, чтобы купить кое-какие вещи. Тебе нужно что-нибудь?

Ты.

Слово вибрирует сквозь меня, и как глухонемая, я могу только покачать головой. Как только, он уходит, я закрываю рот рукой.

Что. За. Херня?

Я не просто подумала так. Да, Дэмиан безумно горячий, но я не готова. Кроме того... как можно хотеть того, чего ты боишься?

Я не боюсь Дэмиана, вовсе нет. Я боюсь близости. Я разрушена, когда дело доходит до этой части.

Я провожу рукой сквозь волосы, чувствуя себя всё горячее и обеспокоеннее.

Я решаю принять холодный душ, уверенная, что вода отмоет немного здравого смысла во мне.

Я снимаю одежду и открываю только холодный кран. Я ступаю под воду и позволяю ей омыwać меня, но она ничего не делает, чтобы заглушить нежелательную жажду и жар, которые я испытываю к Дэмиану.

Я хватаю мочалку и начинаю мыть своё тело. Я так чертовски возбуждена, что когда моя рука скользит между ног, мои бёдра дёргаются в поисках большего трения.

Я доводила себя до оргазма раньше, но на этот раз всё по-другому. В других случаях парень всегда был безликим, и, честно говоря, я не мастурбировала с тех пор, как меня изнасиловали. Но в этот раз я вижу глаза Дэмиана.

Я чувствую, как его каменно твёрдое тело задевает меня. Я чувствую, как его пальцы двигаются по моему подбородку, вниз по моей шее. Я прокладываю пальцами путь по моей груди, воображая, что это его пальцы проделывают этот путь вниз к чувствительному местечку между моими ногами.

Я начинаю тереть мочалкой быстрее, и когда я представляю его рот, изгибающийся в медленную улыбку, я кончаю.

Мгновенно, мой разум очищается от состояния, вызванного похотью, в котором оно застряло.

— Чёрт, Кара! — рывкаю я на себя. — Ты живешь с парнем. Ты не можешь мастурбировать, как извращенка. Держи себя под контролем.

Я выключаю кран и быстро сушу себя. Я переодеваюсь в свою одежду, а затем проверяю лицо в зеркале. Дерьмо, мои щёки покраснели, и в моих глазах чёртв блеск. Я так запуталась.

Дэмиан

Кара стала странной рядом со мной. Она почти не смотрит в глаза. Она практически кажется застенчивой, чего я не понимаю.

Я выхожу на крыльцо и обыскиваю окрестности. Она давно ушла на прогулку.

Я начинаю идти в направлении, где видел ее в последний раз. Спустя некоторое время деревья начинают редеть, и примерно через десять минут я добираюсь до пляжа.

Я сканирую участок песка, пока не вижу её одинокую фигуру, сидящую на песке, прижав колени к груди.

Я медленно проделываю путь к ней, и, когда подхожу совсем близко, я останавливаюсь и просто смотрю на неё. Кара смотрит на океан, а затем вздох вырывается из её губ. Она встаёт, стряхивает песок с задницы и затем оборачивается. Когда её взгляд падает на меня, шок отражается на её лице.

— Как долго ты стоишь здесь? — спрашивает она, опустив взгляд на песок.

Я подхожу к ней и, схватив за подбородок, поднимаю её лицо к моему. Я жду, когда её глаза встретятся с моими, прежде чем спросить:

— Что происходит? У меня такое чувство, что ты прячешься от меня.

Она одергивает свой подбородок из моих пальцев и оглядывается на океан.

— Помнишь, ты сказал мне не задавать вопросов, если я не готова услышать правду?

— Да, — шепчу я, и мои глаза непрерывно исследуют её лицо. Она справлялась так хорошо, я не хочу рецидива.

— То же самое для тебя, Дэмиан. Не спрашивай меня что-то, если не уверен, что справишься с правдой.

Она начинает уходить, но я хватаю её за руку и удерживаю.

— Что это означает? Ты не можешь мне сказать, почему ты ведёшь себя так странно рядом со мной?

Она смотрит на наши соединенные руки, а затем её глаза медленно плывут вверх по длине моего тела, пока они не останавливаются на моих глазах.

Кара прочищает горло, а затем расправляет плечи, поднимая подбородок на дюйм.

— Я заключу с тобой сделку, Дэмиан. Я отвечу на этот вопрос, если ты ответишь на один из моих.

Я ищу любую подсказку тому, что может происходить у неё в голове, а затем киваю.

— Договорились.

Она делает шаг ближе ко мне, затем смотрит на меня, её взгляд кружит по моему лицу.

— Я смущена из-за нас.

Она нервно облизывает губы, а потом опускает глаза на мою грудь.

— Я... я что-то чувствую к тебе, и я не знаю, что с этим делать. Я напугана этим до смерти. Я не понимаю, как могу чувствовать влечение к тебе после того, что произошло. Любой другой мужчина... — она медленно качает головой и поднимает глаза обратно на меня. — Я испытываю отвращение к любому другому мужчине. Я имею в виду, что ненавижу их с этой пылающей яростью, которая продолжает течь сквозь меня, как лава. Я просто... — она снова опускает глаза и затем шепчет: — Я не понимаю, почему я... почему я так себя чувствую.

Её плечи опускаются, и я наблюдаю, как она глубоко вздыхает. Это... независимо от того, что происходит между нами, адски пугает её.

Я притягиваю её ближе и обнимаю. Сначала она напрягается и пытается отступить, бормоча:

— Мне не нужна твоя жалость.

Но я тяну её обратно к себе и зажимаю её в своих руках. Я оставляю поцелуй на макушке её головы, а другой — чуть выше уха, и потом шепчу:

— Я не знаю, что происходит между нами, но понимаю, что ты напугана.

Я немного отступаю и, продолжая обнимать её одной рукой, использую другую руку, чтобы смахнуть волосы с её лица. Она смотрит на меня, и я улыбаюсь, пытаюсь её успокоить.

— Ты чертовски великолепна, Кара. Любой мужчина с горячей кровью, перекачивающейся по венам, был бы сумасшедшим, если бы не желал тебя.

Я вижу панику в её глазах при упоминании других мужчин.

— Может быть, ты в порядке со мной, потому что я был тем, кто помог тебе, и если это так, мы просто дадим чувствам пройти. Чувство благодарности — это не повод, чтобы хотеть кого-то, и мы были бы глупы, если бы поддались этому чувству.

Она отворачивается от меня, и я вижу, как на её лице мелькает боль. Она думает, что я отвергаю её. Б**дь, это сложно. Я просто хочу сделать то, что правильно для неё.

— Если ты действительно что-то чувствуешь ко мне, тогда только время покажет, Кара. Это не то, что мы можем вынудить или заставить исчезнуть. Мы просто должны позволить, что бы это не значило, случится.

Она кивает, всё ещё выглядя подавленно. Я касаюсь пальцами изгиба её щеки, и её взгляд переносится на меня.

— Я пойму, если ты не хочешь меня, — она выдавливает слова. Слезы наполняют до краёв её глаза, заставляя их сверкать на утреннем солнце. — Я имею в виду... всё в порядке. Я просто хотела рассказать тебе, как я себя чувствую, чтобы ты не думал, что я психопатка.

— Почему ты думаешь, что я не хочу тебя?

Я подхожу ближе, пока наши тела не соприкасаются. Я наблюдаю, как её щеки розовеют, и это шевелит что-то внутри меня.

— Из-за того, что случилось, — шепчет она. — Потому что мужчина, как ты, не захотел бы чего-то, что было использовано.

Горячая вспышка гнева вздымается через меня.

— Это то, о чём ты думала?

— Всё в порядке, — снова шепчет она, и на этот раз слеза катится вниз по её щеке.

Я обхватываю её лицо руками так, чтобы она не могла отвернуться, и прижимаю свой лоб к её лбу.

— Не думай так, Кара. Ты не использованная. Чёрт.

Я немного отодвигаюсь и встречаюсь с ней глазами.

— Не позволяй им заставлять тебя чувствовать себя бесполезной, потому что ты чертовски бесценна.

Она такая красивая, когда её глаза загораются и медленная улыбка растягивает её губы.

— Ты думаешь, что я бесценна? — шепчет она.

— Я дважды рисковал своей жизнью ради тебя, Кара. Я буду продолжать так делать, пока не умру, если это означает, что я смогу уберечь тебя, потому что ты бесценна.

Она подносит руки к моей груди, а затем скользит ими вверх к моим плечам. Кара поднимается на носочки, а затем прижимается мягким поцелуем к моим губам.

Ещё мгновение я не двигаюсь, и как только она собирается отступить, я не могу больше сражаться. Я скольжу рукой вокруг её шеи и притягиваю ближе. Я наклоняю голову и касаюсь языком соединения её губ. Её губы раскрываются, и воздух, который она удерживала, вырывается. Я позволяю своему языку проскользнуть ей в рот, а затем всё вокруг нас затихает до фонового шума.

Наши языки соприкасаются, и её тело сильнее наклоняется ко мне. Её пальцы вплетаются в мои волосы, и затем тихий стон пробивается в мой рот. Я хочу проглотить его, проглотить её... но, держась за последнюю частицу здравого смысла, я медленно отступаю. Я прижимаюсь одним последним поцелуем к её влажным губам, а затем шепчу:

— Будь осторожна с тем, что ты просишь у меня. Я трахаюсь так же, как убиваю — жестко и быстро.

Я ожидаю, что она отступит от грубых слов, но вместо этого жар вспыхивает в её глазах, и это почти заставляет меня взять её прямо здесь, на открытом воздухе.

Кара

У меня чувственная перегрузка. Я всё ещё могу чувствовать его вкус, и, чёрт, на вкус он, как секс. Я всё ещё чувствую его запах и только одного этого достаточно, чтобы заставлять меня хотеть потащить его вниз, на землю.

Я делаю шаг ближе к нему, но затем он делает один назад... прочь от меня. Дэмиан качает головой, и это меня смущает, потому что я вижу жажду в его глазах. Я читаю его неправильно?

— Не трахайся со мной, — рычит он. Но в том-то и дело! Я хочу трахнуть его так сильно, что мои внутренности дрожат от этой мысли.

Он стонет, а затем быстро двигается. Его рука снова скользит мне за шею, и он тянет меня прямо к себе. Вместо того, чтобы целовать, он шипит:

— Я хочу тебя, так чертовски сильно, Кара, но мы не можем.

Я чувствую, как его эрекция прижимается к моему животу, и это заставляет страх кровоточить в моей душе.

— Видишь, ты не готова. Тебе всё ещё нужно так много исцеляться. В день, когда мы трахнемся, ты будешь хотеть этого так же сильно, как я.

Разочарование омывает меня, гася жар, который тёк по моим венам. Я хочу Дэмиана. Я имею в виду, кто бы не хотел его? Он мужественный, жесткий и грубый, и... эти глаза. Я позволяю своему взгляду ласкать его лицо, принимая грубую красоту человека передо мной.

Я не уверена, что моё желание к нему сильнее, чем мой страх снова быть в близких отношениях. Он прав.

— У тебя был вопрос, — говорит он, отступая от меня.

— Да, был.

Я прочищаю горло, заправляя волосы за уши. Я начинаю идти обратно к дому.

— Мне было интересно, поскольку сейчас ты Алекс Джексон, Дэмиан Вэстон — твоё настоящее имя или просто ещё одно вымышленное имя?

Он идёт рядом со мной, и на мгновение я задаюсь вопросом, собирается ли он отвечать мне, но затем Дэмиан начинает говорить:

— После смерти Лии и убийства своего отца я должен был исчезнуть. Джефф — отставной сотрудник ФБР и отец Лии. Я сделал ему одолжение, уничтожив своего отца, так что он сделал мне ответное, достав мне новые документы. Единственная причина, по которой я смог уйти с моей работы чистильщика, это Джефф. Он просто продолжает замечать наши следы. Это странно, потому что ему не нравился факт того, что Лия и я встречались. Он ни чуточки мне не доверял. Но после того как она умерла, и я убил своего отца, он шагнул прямо мне на помощь.

Он смотрит на меня, а затем говорит:

— Я был Сэмом Ризом, но этот человек очень давно умер.

Сэм Риз.

Такое нормальное имя, для такого экстраординарного человека.

Я останавливаюсь и протягиваю ему руку.

— Привет, Сэм.

Он берёт меня за руку и улыбается, когда шепчет:

— Привет, Кара.

Глава 17

Дэмиан

После того нашего поцелуя на пляже становится труднее с каждым днём. Удерживать руки подальше от неё становится чёртовски сложно.

Всё стало сложнее.

И потом, в наличие постоянный полустояк, с которым приходится ходить везде. Я просыпаюсь с сильным стояком каждое утро после того поцелуя. И каждое утро я начинаю одинаково — я хватаю чистую одежду и иду в душ.

Первые два дня я чувствовал себя виноватым за то, что представлял Кару, в то время как дрочил, но больше — нет. Я открываю краны, снимаю брюки и шагаю в ванну. Я крепко сжимаю свой член и вызываю образ груди и киски Кары, который был, чёрт возьми, выгравирован в моём сознании с тех пор, как я купал её.

Я представляю, как прикусываю её нежную кожу, и когда я позволяю себе представить, как я хочу ворваться своим членом внутрь неё, мои бёдра начинают резко двигаться, и я жёстко кончаю.

Не проходит даже пяти чёртовых минут, и я кончаю, как подросток.

Я быстро моюсь, сушусь и одеваюсь.

Да, моя утренняя рутина теперь вращается вокруг мастурбации от представления сисек и киски Кары.

Я в такой жопе.

Когда я выхожу из ванной, то слышу её на кухне. Когда я вижу её задницу в этих узких брюках, я сохраняю безопасную дистанцию. Я трахну её прямо через эти штаны, вот как сильно я её жажду.

— Я поместил объявление в местной газете, — говорю я, мой голос хриплый от неподдельной похоти. — Мне нужно чем-то заниматься, поэтому я собираюсь выполнять случайную работу, помогая людям ремонтировать всё, что им нужно починить.

Она делает глоток кофе, а затем улыбается поверх кружки.

— Всегда чинишь.

— Да.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Сегодня у меня есть работа. Я не знаю, как долго я там буду.

Она ставит кружку на стойку и подходит ближе ко мне.

— Значит ли это, что я тоже могу пойти поискать работу?

— Конечно, — говорю я, и мой голос снова становится хриплым, когда она перемещается в моё личное пространство. — Просто не забывай называться Ниной Джексон. Если мы собираемся в город, то должны начать называть друг друга Алексом и Ниной.

— Конечно, Алекс, — говорит она, и улыбка играет на её губах, что заставляет меня пилиться на её рот слишком долго. — Ты уезжаешь сейчас?

Я киваю как последний идиот. Как это возможно, что эта женщина привела меня прямо к прогулке со стояком? Хищник стал добычей. У Джеффа скоро будет знаменательный день, когда мы снова встретимся.

— Да. Я сделал дополнительный набор ключей, так что если ты решишь пойти куда-нибудь, просто запри дверь. Ах, да, — ядвигаюсь вокруг неё и открываю один кухонный шкаф, который стал небольшим местом для хранения моих вещей. Я достаю дешёвый телефон и протягиваю его ей. — То же самое, что и раньше. Ты используешь его только для того, чтобы позвонить мне. Никому не давай номер.

— Но... — она забирает у меня телефон, и наши пальцы соприкасаются, посылая электрические импульсы прямо к моему члену. — Что, если мне нужно дать номер работодателю?

— Чёрт, ты права. Мне совсем не нравится эта идея, но ты можешь дать его работодателю. Просто не давай его каждому.

Она свирепо смотрит на меня и от этого выглядит очень мило.

— Я не глупая, мистер Джексон. Иди, работай.

Она начинает идти в сторону спальни, но затем останавливается и поворачивает обратно ко мне.

— На нём есть твой номер, верно?

— Да.

Я не могу удержаться от улыбки.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

Она улыбается и кивает.

— Отлично, спасибо.

Она заходит в спальню, а затем кричит:

— Хорошего дня, муженёк.

Я усмехаюсь как идиот. Да, я такой подкаблучник, а ведь она даже не принадлежит мне.

Кара

После того, как Дэмиан уходит, я быстро принимаю душ и готовлюсь выйти наружу. Я сойду с ума, если буду просто сидеть без дела каждый день. Мне нужно что-то, чтобы занять себя.

Когда я готова, то убеждаюсь, что все приборы выключены и все окна закрыты. Я запираю за собой дверь и направляюсь в сторону города.

Я люблю гулять в этих местах. Всё такое красивое, свежий океанский воздух успокаивает.

Мои мысли возвращаются к сегодняшнему утру, когда я проходила мимо ванной, направляясь на кухню сделать кофе. Я могла бы поклясться, что слышала, как Дэмиан стонал, как будто у него был оргазм. Просто мысль о том, что он сильной рукой поглаживает себя, заставляет моё тело нагреваться и волноваться, но в тоже время причиняет острую боль печали. Это то, что я не могу дать ему. Конечно, я мастурбирую гораздо больше, чем обычно, но я просто не знаю, смогу ли я иметь с ним настоящий секс.

Мы не говорили о нас или о том, кем мы являемся друг для друга после поцелуя. Мы также не целовались снова. На самом деле, он более осторожен рядом со мной, не прикасается ко мне, если только ему не приходится, — и это отстойно.

Может, я спугнула его?

О ком он думает, когда заставляет себя кончить?

Тьфу... я бы умерла, если бы он думал о ком-то другом. Я такая ненормальная. Я хочу всего его для себя, но не могу дать ему всю себя. Насколько это хреново?

Когда я добираюсь до города, там не много перспектив для трудоустройства. Сначала я пробую зайти в «Местечко Пита», местную закусочную, но там нет работы. Это будет сложнее, чем я думала. Я пробую бакалейную лавку, но кассир там говорит мне попытаться в хозяйственном магазине.

Я перехожу дорогу и вхожу в небольшой хозяйственный магазин. Внутри жарко и душно. Я подхожу к огромному чёрному деревянному прилавку. На прилавке есть звонок, и я решаюсь позвонить. Я быстро нажимаю на него, и тихий звон заставляет меня съёжиться. Чёрт, надеюсь, что никого не побеспокоила.

— Чем могу помочь? — спрашивает кто-то с задней части магазина.

Я подхожу ближе и останавливаюсь, когда вижу мужчину среднего возраста, сидящего на ящике. Он занят расстановкой товара на полки.

— Да... хм.

Я прочищаю горло.

— Я хотела спросить, если у вас какая-нибудь работа? Для меня? Я имею в виду, что я ищу любую работу.

Он встаёт и осматривает меня с ног до головы. Я делаю шаг назад в целях безопасности.

— У меня есть вакансия, но не для таких, как ты, — говорит он почти грубо.

Я поднимаю бровь и скрещиваю руки на груди.

— Таких, как я?

— Да.

Он машет рукой на меня.

— Ты слишком маленькая. Мне нужен кто-то с мускулами. Тебе придётся носить тяжёлые ящики, расставлять товар на полки, расписываться за товар, когда его доставляют, и относить его в кладовку. Ты слишком маленькая, и ты женщина.

Мой рот раскрывается от удивления, что он дискриминирует меня только потому, что у меня сиськи! Этот мужчина из средневековья?

— Я сильная, — огрызаюсь на него. — Я тоже трудолюбивый работник. Что бы вы предпочли иметь, какого-то слабака, который не работал честно и дня в своей жизни, или женщину, у которой в теле нет ни единой ленивой косточки?

Мужчина смотрит на меня, и похоже, что мой длинный язык, только что лишил меня какой-либо возможности получить работу. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, когда он говорит:

— Хорошо, я дам тебе неделю. Плата не слишком велика, но это деньги. Никаких преимуществ. Ты работаешь с восьми до пяти вечера, и у тебя есть обеденный час.

Он указывает на коробку, распаковкой которой был занят.

— Ты можешь начать с этого. Ты найдёшь ещё коробки в задней части магазина. Продолжи расставлять товар на полки. Я не хочу потерять доход от продаж, потому что у тебя не было этого на полках. Также убедись, что у нас есть запас в задней комнате. Если у нас кончается что-то, тогда приди и скажи мне, и я сделаю заказ.

Он начинает проходить мимо меня, и я быстро уступаю дорогу.

— Я Нина Джексон. Разве вам не нужна какая-либо моя информация?

Он продолжает идти.

— У меня есть твоё имя. Я буду платить наличными, так что я не хочу знать любое твоё дерьмо.

Я хмурюсь от его грубости. Соппротивляюсь желанию показать ему язык и сажусь на ящик. Я продолжаю ставить крошечные упаковки гвоздей, винтов и болтов туда, где они должны быть.

Прямо сейчас я так чертовки благодарна за то, что работала в хозяйственном магазине раньше. Я собираюсь заставить этого мужчину сожрать все его слова.

Дэмиан

Я уезжаю из дома миссис Перри после того, как устанавливаю её аквариум. Она купила новые лампочки, но они не работали. Проблема была в переключателе. Провод отсоединился, и понадобилась всего минута, чтобы исправить это, поэтому я не взял с неё плату.

Я думаю о другой работе, которая у меня есть. Это займёт большую часть моего времени на следующей неделе. Мистер Тейлор привязан к инвалидной коляске, поэтому они хотят, чтобы я добавил пандус для него в новую беседку, которую они только что купили. Я также должен подправить другие пандусы вокруг и внутри дома, так что, по крайней мере, это займёт меня на некоторое время.

Я останавливаюсь у хозяйственного магазина, чтобы заказать кое-какие пиломатериалы и купить несколько других вещей. Войдя, я вижу Джошуа за прилавком.

— Привет, Джошуа, — здороваюсь я, доставая измерения из кармана. — Мне нужно только несколько вещей.

— Конечно, — он улыбается мне.

— Мне понадобятся доски из обработанной древесины для пандуса для инвалидной коляски возле дома мистера Тейлора, вот замеры.

Джошуа берёт клочок бумаги, на котором я написал все измерения и проходится взглядом по всему списку.

— Я бы предложил тебе использовать болты. Гвозди сорвутся.

В этом есть смысл. Я киваю ему.

— Да, ты прав. Давай с болтами.

— У меня есть несколько досок средней длины в задней части магазина, два на четыре. Они должны отлично подойти, — он направляется к задней части магазина, а затем спрашивает: — Что ты собираешься использовать, чтобы сделать его не скользким?

— Я думал о пескоструйной ленте. У тебя есть несколько?

— У меня не достаточно для пандуса этого размера. Мне придётся заказать.

Он останавливается в задней части магазина, глядя на пиломатериалы.

— Тебе понадобятся более тонкие из них, для ограждения и поручней.

— Да, думаешь, ты сможешь достать всё это для меня? Просто позвони мне, и я заскочу, чтобы забрать это.

— Конечно, — ворчит он, идя обратно к прилавку. — Просто напиши свой номер здесь. Нина! — кричит он внезапно.

Я записываю своё новое имя и номер и толкаю клочок бумаги обратно ему.

— Да? — я слышу знакомый голос позади меня. Я поворачиваюсь и хмурюсь, когда вижу Кару. Что она здесь делает?

— Пойди и проверь, сколько упаковок болтов у нас есть, — рявкает он на неё.

Её взгляд мечется от Джошуа ко мне, а затем она быстро исчезает в задней части магазина.

— Так, значит, — я поворачиваюсь обратно к Джошуа, — она работает на тебя?

— Кто? — спрашивает он, на секунду выглядя сбитым с толку. — О, ты имеешь в виду женщину? Неа, ненадолго. Она пришла сюда сегодня, прося о работе, сказала, что может делать всё, что может мужчина.

Он посмеивается, и мне не нравится, как это звучит.

— Посмотрим, как долго она продержится.

Я не хочу портить её первый день на работе, но необходимо дать Джошуа тонкое предупреждение. Ему лучше не связываться с ней.

Кара возвращается. Она выглядит нервной и остаётся на безопасном расстоянии от прилавка.

— Четырнадцать, — говорит она, пытаюсь казаться уверенной в себе, но неуверенное выражение в её глазах не ускользает от меня.

— Возвращайся к работе, — рявкает он на неё снова.

— Нина, — говорю я, прежде чем она может кинуться обратно в магазин. Я подхожу прямо к ней и беру её лицо в свои ладони, наблюдая, как её глаза расширяются. Я прижимаюсь поцелуем к её губам, а затем улыбаюсь ей. — Во сколько ты освободишься?

— В пять, — пищит она.

— Я буду снаружи.

Я дарю ей ещё один поцелуй, а затем отпускаю её.

— Мы можем поесть в закусочной, отпраздновать твою новую работу.

— Хорошо, — шепчет она, и её взгляд устремляется к Джошуа.

— Позже, — говорю я Джошуа, который пялится на нас. Пусть попробует и свяжется с ней сейчас.

Кара

Забавно, какими милыми могут быть люди с тобой, если бояться вашего мужа. Не то, чтобы Дэмиан действительно мой муж, но им то это неизвестно.

Джошуа полностью переменялся после трюка с поцелуем, что устроил Дэмиан. Так что, по крайней мере, со мной больше не обращаются как с дерьмом, что просто замечательно.

Последние тридцать минут реально чересчур тянутся, и каждый раз, когда я смотрю на часы, проползает только минута.

Я голодная и уставшая. Снова смотрю на часы, и волна облегчения омывает меня, когда я вижу, что до пяти осталась одна минута. Я наблюдаю, как проходят секунды, и потом иду к передней части магазина.

— Пока, — говорю я неловко, не уверенная, могу ли я называть его по имени.

Он улыбается мне, но улыбка не затрагивает его глаза.

— Пока, Нина. Хорошего вечера.

— С-спасибо, — бормочу я, а затем выбегаю из магазина. Дэмиан припарковался прямо напротив, он прислоняется к водительской двери, скрестив руки на груди.

Затем он отталкивается от машины и идёт ко мне.

— Привет, красавица, — говорит он хрипло.

Хищник подходит ко мне, а затем тянет меня в объятия.

Мы строим перед хозяйственным магазином.

Мой босс может видеть нас!

Все могут видеть нас.

Мои глаза расширяются, когда Дэмиан наклоняется ближе ко мне. Я чувствую его дыхание на моей щеке. Его взгляд устремляется через моё плечо, в чём я уверена, останавливаясь на моём боссе, и затем возвращается обратно ко мне, и, о, чёрт возьми, это так горячо.

Он прижимается поцелуем к моим губам и затем ведёт меня вокруг машины.

Я настолько ошеломлена его поведением пещерного человека, что прихожу в чувство только тогда, когда он останавливается у закусочной.

— Красавица? — спрашиваю я, поднимая бровь. — И к чему все эти поцелуи?

Он снимает ремень безопасности и открывает дверь.

— Ты красавица и моя жена. Я просто целую мою жену, здороваясь и прощаясь. Это то, что делают обычные супружеские пары.

Он выходит из машины, оставляя меня в замешательстве. Значит, он целует меня только ради видимости?

Чёрт, я начинаю думать, что вообразила себе поцелуй на пляже.

Глава 18

Дэмиан

Чёрт, здесь становится жарко. Я вытираю пот со лба, а затем ввинчиваю последний болт. Как только заканчиваю, я отхожу и смотрю на то, чего я добился сегодня. Площадка идеальна. Также я предоставил мистеру Тейлору достаточно пространства, чтобы он не ушибся локтями.

Я собираю свои инструменты, а затем вхожу в дом.

— Я иду домой, мистер Тейлор.

— Хочешь остаться на молоко и печенье? — спрашивает миссис Тейлор с кухни. Она испекла его сегодня, и оно пахнет очень аппетитно.

— Нет, спасибо, миссис Тейлор. Я должен забрать Нину.

— Конечно. Я оставлю немного для тебя на завтра. Хорошего вечера.

Я машу им, а затем мчусь к машине. Я не хочу опоздать к Каре. У меня есть маленький сюрприз для неё.

Как только я останавливаюсь у хозяйственного магазина, она выходит. Выглядит немного уставшей, но счастливо улыбается, увидев меня. Работа ей на пользу. Это не та работа, которую я бы выбрал для неё, но ей нравится.

Кара садится в машину, и я наклоняюсь к ней и целую её в губы.

— Привет, красавица. Как прошёл твой день?

Это становится рутиной, приветственные и прощальные поцелуи. Я говорю себе, что это только для видимости, но да, это полная чепуха.

— Хорошо. Остальная часть твоего заказа пиломатериалов пришла, так что можешь забрать его, когда высадишь меня завтра утром.

— О, хорошо!

Я еду в местный автосалон. Я поговорил с продавцом, и он нашёл грузовик, который я смогу обменять за машину. Я не могу быть мастером и не иметь грузовика.

— Я меняю машину на грузовик. Он подойдёт больше для нашей среды, — говорю я Каре.

— О. Хорошо.

Когда останавливаюсь у автосалона, она морщит нос.

— Могу я подождать снаружи?

— Конечно.

Я захожу внутрь и нахожу Бена.

— Всё готово? — спрашиваю я, надеясь, что это будет быстрая сделка.

— Да, — Бен указывает на стол, который переполнен документами. — Мне только нужно сделать копию твоих прав, пока тыставишь несколько подписей.

Я сажусь, и он вручает мне документы и ручку.

— Просто подпиши, где я отметил крестиком.

Я передаю ему свои права на имя Алекса Джексона и слежу, что подписываюсь тоже этим именем. Один промах, и наши жизни могут оказаться под угрозой.

Вся сделка занимает около пятнадцати минут, а затем я получаю ключи.

— Ты увидишь его, он припаркован снаружи. Я вымыл его, но тебе придётся заправиться.

— Конечно.

Я улыбаюсь и протягиваю ему руку.

— Спасибо за помощь.

Кара стоит на улице, просто уставившись в пространство. Беру её за руку и указываю на грузовик.

— Наши новые колёса.

Я открываю ей дверь. Она наклоняет голову, а затем смотрит на меня.

— С ним идёт стремянка?

Смешок срывается с моих губ, и я, схватив её за бёдра, поднимаю её в грузовик.

Я останавливаюсь перед закусочной, и она смотрит на меня с недоумением.

— Снова? Мы были здесь во вторник.

— Просто оставайся на месте. Я скоро вернусь.

Я бегу в закусочную и покупаю нам мороженое.

Когда я выхожу из кафе, Кара широко улыбается.

— О, да!

Она хлопает в ладоши, а затем берёт одно. Я наблюдаю, как она лижет его, и этот жест имеет прямую связь с моим членом, который мгновенно твердеет.

Я еду в тихое место, где есть хороший вид на океан, всё это время пытаюсь успокоить стояк. Мы выбираемся из кабины, и я опускаю задний борт, чтобы мы могли сидеть в кузове. Я полностью откидываюсь назад и опираюсь на заднюю часть кабины. Кара садится рядом со мной, и мы доедаем наше мороженое.

Вид ошеломляющий, и просто сидеть вот так — расслабляет. Нам следует делать это чаще.

— Это было мило. Спасибо, — говорит она, облизывая кончики пальцев. Я наблюдаю, как каждый их этих пальчиков скользит между её идеальных губ. Я слышу каждый крошечный отрывистый звук, когда она вытаскивает палец изо рта.

Б**дь.

Её глаза встречаются с моими, и она замирает с пальцем во рту. Я тянусь к её руке и вытаскиваю его из её губ. Я подношу всё ещё влажный кончик ко рту и затем смыкаю на нём губы. Она нервно облизывает нижнюю губу, следя за своим пальцем у меня во рту.

Я осторожно сосу, замечая жаркую вспышку в её глазах. Сейчас я играю с огнём, и мы оба можем сгореть, но, чёрт возьми, я не могу остановить то, что происходит.

Она встаёт на колени и придвигается ближе ко мне. Кара вытаскивает свой палец из моего рта, а затем обрушивает свой рот на мои губы. Я хватаю её за бёдра и тяну к себе на колени. Она седлает меня и обнимает за шею. Её язык погружается в мой рот, и я удивлён страстью, с которой она целует меня.

Внезапно Кара отстраняется, снова широко раскрыв глаза.

— Извини, ты хочешь этого? — смущенно спрашивает она, указывая между нами тем же самым пальцем, который был у меня во рту всего несколько секунд назад.

Я скольжу рукой вокруг её шеи и притягиваю её обратно.

— Просто, чёрт возьми, поцелуй меня уже, — рычу я.

Когда наши губы снова встречаются, такое ощущение, что что-то взрывается между нами, сдувая весь наш самоконтроль к чёрту. Я настойчиво ласкаю её язык своим, а затем кусаю её нижнюю губу. Я хотел сделать это так чертовски долго. Разрываю поцелуй, а затем продолжаю оставлять поцелуй вдоль её челюсти и вниз по шее.

Она откидывает голову назад, опираясь на мою руку, и даёт мне полный доступ к её шее. Я целую и посасываю, оставляя свой след вплоть до её ключицы.

Я так чертовски твёрд, что мой член собирается прорваться прямо сквозь ткань джинсов. Я хватаюсь за край её рубашки и сминаю кусок материала вверх до тех пор, пока не вижу лифчик. Я тяну тонкое кружево вниз, обнажая её грудь, а затем перехожу в наступление. Беру сосок в рот и сосу мягкую плоть, а потом осторожно прикусываю. Её бёдра дёргаются против моего члена, и я отпускаю её грудь.

Я смотрю на неё и вижу шок на её лице. Она смущена, потому что хочет меня. Я снова целую её грудь, но не останавливаюсь. Остановка сейчас принесёт больше вреда, чем пользы для нас обоих.

Я привлекаю её рот к своему и шепчу:

— Объезди меня, Кара. Заставь себя кончить.

Я захватываю её рот, снова проскальзываю внутрь своим языком и пробую сладость мороженого на её языке.

Я опускаю руки на её бёдра и подталкиваю вниз на мой член. Одежда чертовски мешает. Я позволяю одной руке проскользнуть ей в брюки и трусики. Я чувствую её киску, и она, чёрт возьми, буквально горит для меня.

Я прижимаю к ней ладонь и толкаю один палец внутрь. Она впиивается руками в мои плечи, и я чувствую, что теряю её внимание с поцелуем. Я немного отстраняюсь назад и затем начинаю осторожно потирать её.

— Трахни мою руку, красотка.

Она не сводит глаз с моего лица, когда начинает медленно двигаться. Её щёки вспыхивают от волнения, и вскоре тело берёт верх над разумом. Её дыхание начинает ускоряться, соответствуя каждому рывку бёдер. Она сильнее прижимается к моей руке, и её движения постепенно ускоряются. Она так чертовски близко.

Я толкаю ещё один палец внутрь и смотрю, как её глаза стекленеют от удовольствия. Её рот открывается, но звук не выходит, когда она кончает на моей руке. Обхватываю её за шею и дергаю к себе. Я подминаю её губы и трахаю своим языком, желая поглотить её оргазм. Её тело дергается рядом с моим. Её грудь прижимается к моей груди, и её киска трётся о мою руку, и требуется каждый последний кусочек силы, чтобы я не раздел её и не трахнул прямо здесь, в кузове грузовика.

Кара

О, чёрт! О, чёрт! О, чёрт!

Это всё, о чём я могу думать по мере того, как удовольствие волнами пульсирует во мне. ОТ этого пальчики моих ног поджимаются, а кожа будто покалывает.

Его язык и зубы атакуют мой рот, продлевая оргазм. Его пальцы входят и выходят, а грубая ладонь сильно прижимается ко мне, надавливая в абсолютно правильном месте.

О, чёрт.

Моё тело начинает успокаиваться, и Дэмиан замедляет поцелуй, все еще не вытаскивая руку из моих штанов. Он разрывает поцелуй, а затем подносит пальцы к моему рту.

Я чувствую себя немного смущенной, когда сначала сосу один, затем другой. Я никогда не пробовала себя на ком-то другом раньше.

Он вытаскивает палец из моего рта, и потом обе его руки опускаются на мои бёдра. Он просто смотрит на меня, эти серые глаза тёмные и интенсивные.

Он ничего не говорит.

Я отпускаю его рубашку, а затем поправляю её вокруг его шеи.

Я не могу встретиться с его взглядом, когда понимаю, что я только что сделала. Среди бела дня я просто набросилась на него в кузове его грузовика. Я бесстыдно тёрлась об него.

О, чёрт.

— Посмотри на меня, — шепчет он.

Я трясую головой и начинаю вставать, но его пальцы впииваются в мои бёдра, и он дёргает меня обратно вниз к своей твёрдости.

Мой взгляд устремляется к нему, и это заставляет мои щёки пылать ещё больше.

— Поговори со мной, — говорит он спокойно.

— Я не понимаю, как ты можешь быть так спокоен насчет этого. Я просто набросилась на тебя.

Я снова пытаюсь встать, но он не даёт мне.

— Сэм!

Я кричу, используя его настоящее имя, чтобы привлечь его внимание.

— Отпусти меня.

Этот хищнический взгляд затеняет его глаза, делая их почти чёрными.

— Не называй, б**дь, меня Сэмом.

Он дёргает меня ближе, пока наши грудные клетки не прижимаются вплотную друг к другу.

— Я поцеловал тебя, Кара. Я прикоснулся к тебе. Я хочу трахнуть тебя, но ты не готова, — разъяряет он мне.

Он качает головой, а затем отталкивает меня от себя. Мы оба встаём, и я смотрю, как он спрыгивает с кузова грузовика. Я иду к заднему борту и сползаю вниз.

Он начинает уходить от меня.

— Ты должна перестать думать, что я не хочу тебя! — кричит он, а затем поворачивается ко мне. Он надвигается на меня, и это заставляет меня ощутить, как страх ползёт вверх по позвоночнику. Я делаю шаг назад, но уже слишком поздно.

Он хватается мою руку и прижимает её к своей эрекции.

— Ты чувствуешь это? — шипит он.

Я быстро киваю, не в состоянии сформировать слова.

— Это я хочу тебя, Кара. Я хочу тебя каждый долбаный день. Я дрожу как подросток в душе. Каждое. Чёртово. Утро.

Он отпускает меня и идёт обратно к передней части машины и садится в грузовик.

Я пялюсь вниз на свою руку, его слова проигрываются снова и снова в моём сознании.

Я знаю, что он прав. Проблема во мне. Я думаю, что кто-то вроде него никогда не захочет кого-то вроде меня. Я не возвращаюсь в грузовик, а вместо этого иду домой. Мне нужно время, чтобы подумать.

Я должна записаться на приём к доктору, чтобы суметь хотя бы получить таблетки или инъекцию. Я должна всё это продумать и убедиться, что я готова. Я не хочу испортить свой шанс с Дэмианом.

Я действительно хочу быть его женщиной. Мне просто необходимо найти способ сделать это.

Дэмиан

Всё было неловко между нами последние несколько недель. Кара тихая, разговаривает только тогда, когда я что-то спрашиваю.

Я имею в виду, пятница восемь вечера, а она лежит в кровати, притворяясь, что спит, в то время как я смотрю какую-то скучную программу, потому что антенна, что у меня была для старого телевизора, никуда не годится.

Мне нужно завтра купить новый телевизор. Я со вздохом поднимаюсь и выключаю эту чёртову штуку. Направляюсь в ванную, чтобы почистить зубы. Когда тянусь за зубной пастой, то замечаю, что она закончилась. Я приседаю и открываю шкаф под умывальником, чтобы достать новую. Вот тогда я и вижу *это*... таблетки.

Она на таблетках? Когда она начала принимать таблетки? К чёрту это! Более важно, почему она начала принимать таблетки?

Я чищу зубы, а затем иду в спальню. Сегодня я получу некоторые ответы.

Я включаю свет.

— Нам нужно поговорить, — говорю я, садясь на край кровати.

Она открывает глаза и насторожено смотрит на меня, когда передвигается на середину кровати.

— Я не позволю нам упасть в какую-то извращенную рутину, где мы игнорируем друг друга, когда вместе находимся дома. Если ты чувствуешь, что тебе нужно уйти и найти свой собственный путь, я не стану тебе мешать. Но если ты собираешься остаться со мной, тогда нам нужно поговорить о нас.

Она тяжело сглатывает.

— Я не хочу уходить, — шепчет она.

— Почему? — спрашиваю я. Это один из самых важных вопросов, на который ей когда-нибудь придётся ответить.

Она начинает возиться с покрывалом и шепчет:

— Я хочу остаться с тобой, потому что...

Она снова сглатывает, выглядя чертовски нервной.

— Теперь ты — моя жизнь.

После того, как я слышу её ответ, мои губы растягиваются в улыбке. У нас была бы огромная проблема, если бы её ответ был, потому что я защищаю её. Мы не можем строить сексуальные отношения на этом. Тогда было бы лучше, если бы мы остались друзьями.

Но она этого не сказала. Она сказала, что я — её жизнь, и существенно определяет путь, по которому мы двигаемся дальше.

Кара

Последние несколько недель были мучительными. Я не знала, что между нами происходит, не знала, разрушила ли я свой единственный шанс с ним. Это убивает меня.

Я пришла к выводу, что не узнаю, готова ли я к сексу, если не попробую. Это просто... слово «секс» вызывает образы боли и отчаяния.

Я действительно хочу этого. Я хочу будущего так сильно, что от этого больно. Я хочу, чтобы это будущее было с Дэмианом и только с Дэмианом. Он — единственный человек, который пережил моих врагов. Он — единственный, кто достаточно силён.

Я подползаю ближе и смотрю на него из-под ресниц.

— Я действительно хочу попробовать с тобой.

Его взгляд напряжен, когда он сверлит меня глазами.

— Ты должна быть уверена, Кара.

Я слышу беспокойство в его голосе, и от этого мое сердце плавится.

— Ты спас всё во мне, и я хочу дать тебе это.

Когда он прижимает руку к моей щеке, я перевожу дыхание, и затем он наклоняется и касается губами моего лба, и мой желудок падает. Он собирается отвергнуть меня... снова.

— Помнишь, что я сказал? — шепчет он у моей кожи. — Я трахаюсь жёстко и быстро, а ты, малышка, заслуживаешь нежно и медленно. Я хочу трахнуть тебя, но ещё больше этого я хочу, чтобы ты была уверена, что готова к этому.

Я игнорирую то, что он только что сказал. Я уже выставила себя на уступ и теперь могу прыгнуть.

Я пробую другой подход, надеясь на лучшие результаты.

— У меня проблема, — шепчу я вместо этого. Моё сердце подпрыгивает к горлу.

Я чувствую, как его рука двигается к моему боку, а его пальцы пробегают по некоторым обнажённым участкам кожи. Это начало.

Он поднимает другую руку к моему лицу и заправляет прядь волос мне за ухо. Его тёмные глаза сканируют моё лицо.

— Какая? — спрашивает он. Я бросаю взгляд на окно в тёмную ночь, а затем обратно. Я вижу, что мышцы на его челюсти начинают двигаться.

— Я... — не могу подобрать слова. Опускаю взгляд на его рот, который слегка приоткрыт. — Я никогда не делала сама...

Я позволяю себе снова затихнуть и тяжело сглатываю. В разочаровании сжимаю в кулаке его рубашку, даже не могу произнести ни слова, а затем широко раскрываю пальцы. Я имею в виду, это же мы.

— Ты не...

Он опускает голову, и я задерживаю дыхание. Я поднимаюсь на колени, и одна его рука двигается с моей талии вниз к бедру. Его пальцы сжимаются, впиваясь мне в задницу. Ещё один дюйм, и наши губы соприкоснутся. Мне нужно, чтобы наши губы соприкоснулись. Во мне горит это желание.

— У тебя проблема, — шепчет он. Его голос очень низкий, и он посылает дрожь по каждому дюйму моего тела. — Ты хочешь, чтобы я решил.

Слова буквально опаляют жаром мои губы.

Я стону, потому что не могу выразить то, чего хочу, словами. Он переводит дыхание, как будто вдыхает мой стон. Другая его рука двигается к кромке моей рубашки, он стягивает её через мою голову. Сердце устремляется вверх вместе с материалом, который сейчас между нами, стремительный бег крови буквально покалывает мои губы, что раскрылись, встречая его рот. Он наклоняется, прикасаясь губами к моим губам, а потом ниже, касаясь пульсирующей вены на шее.

— Помнишь, я сказал тебе быть осторожной с тем, что ты у меня просишь, — произносит он, и его дыхание обдувает мою шею. Я откидываю голову назад и закрываю глаза, когда он прижимается своей грудью к моей, медленно толкая меня, побуждая лечь на спину.

Я чувствую холодные пуговицы рубашки чувствительной кожей живота. Медленно двигаюсь назад, и когда он следует за мной. Моё сердце парит. Он накрывает меня своим телом, и я чувствую, как его эрекция прижимается ко мне, когда он толкается бёдрами вперёд один раз. Руками он хватается меня за бедра и поднимает. Я оборачиваю ноги вокруг него, и он двигается вперёд, быстро, а затем его тело вдавливают меня в матрас, когда он устраивает нас по центру кровати.

Мои чувства потрескивают подобно электрическим разрядам, и я чувствую только Дэмиана. Я слышу только его. Он прикусывает кожу на моей шее. Я не ожидаю нежности и сладости. Дэмиан никогда не был нежным и сладким.

Я задыхаюсь, когда его пальцы сжимаются вокруг моих бёдер, собирая ткань. Он дёргает мои брюки, срывая их быстрее, чем я обычно надеваю их. Я откидываюсь назад, когда обе его руки опускаются ниже на мой живот, прямо на мои трусики.

Ритм моего сердцебиения меняется. Он переходит от быстрого к неравномерному. Дэмиан действительно собирается решить эту проблему. Он не снимает мои трусики, а вместо этого ползёт по мне. Его глаза чёрные, и я позволяю себе протянуть руку. Я чувствую, как его тело напряжено, и каждое движение говорит мне, что он серьёзен.

— Нам нужно прояснить одну вещь, — говорит он, и я перевожу дыхание. — Мы не говорим друг другу «я тебя люблю» и дерьмо подобное этому. В день, когда это начнётся, всё выйдет из-под контроля. Мы доверяем друг другу, — говорит он, и я слышу голод в его голосе, который отражается и на его лице.

Я киваю. Он прав.

Я делаю мелкий вдох.

Он опускает голову и целует меня прямо над правой грудью.

— Мы уважаем друг друга.

Его голос намного мягче, когда он целует меня прямо над левой грудью.

— Мы будем заниматься сексом.

Я краснею, но не свожу с него взгляда, когда он двигается, чтобы прижать свои губы прямо между моих грудей.

— И мы будем всегда... — он хватает мои трусики, и сердце взрывается у меня в груди. Когда он начинает стягивать материал по моим ногам, то заканчивает фразу: — всегда прикрывать спины друг друга.

Его рот оставляет горячий след на моём животе. Мурашки разбегаются по моей коже, и когда он поднимается, чтобы накрыть моё тело своим, я понимаю, что он всё ещё полностью одет.

Чёрт, он хорош.

Я действительно начинаю думать, что он может читать мои мысли, потому что улыбка расплывается на его лице, когда я лежу обнажённая перед ним, а он возвышается полностью одетый надо мной.

— Теперь, когда у меня есть ты там, где я хочу, — говорит он. Взгляд на его лице становится абсолютно хищным, и это заставляет меня извиваться от удовольствия. — Что я буду делать с тобой?

Он облизывает губы, а я слежу за каждым движением его языка. Втягиваю воздух, и его взгляд падает на мой рот и затем опускается на грудь. Я собираюсь сгореть в огне только от того, как он смотрит на меня. Он видел меня голой раньше, но никогда этими глазами... этим взглядом, полным сексуального напряжения.

Наконец, он поднимает руку и начинает с моих губ. Он прижимает палец к моим губам, и я открываю рот, чувствуя вкус его кожи. Этот палец скользит по склону моего подбородка, по шее и дальше к впадине между моими грудями. Моё тело начинает дрожать от желания, страха больше нет.

Дэмиан продолжает медленно перемещать палец вниз по моему животу и останавливается, как только достигает места, где было пулевое ранение. Его ласка особо нежная на выпуклой коже. Затем он двигается на юг, и я закрываю глаза.

Я упоминала, что он хорош? Да? Ну, он хорош!

Внезапно он хватает мои бёдра, разводя ноги. Я полностью открыта для него, когда он нависает надо мной. Он наклоняется ко мне, и его дыхание устремляется к моему уху, он прикусывает мочку.

Его палец скользит в меня, и я не могу остановить вздох, который прорывается сквозь губы. Кровь несётся по телу, вызывая тягучее желание и влагу между моих бедер. Тихий стон соскальзывает с моих губ.

Это хорошо. Это я могу сделать. Мне это нравится.

— Я хочу слышать больше этого, — рычит он мне на ухо, и моё тело содрогается под ним.

Он продолжает толкаться пальцем в меня, заставляя мои бёдра дёргаться и раскрываться ещё сильнее. Так же, как я хочу впиться ногтями в него, двигается он, оставляя меня дрожащим хаосом, потерявшейся в его прикосновениях.

Он начинает расстегивать рубашку, а затем оставляет меня лежать на кровати, обнажённой и задыхающейся. Я поднимаюсь на локти и собираюсь начать ясно мыслить, когда слышу разрыв фольги. Во рту у меня пересыхает. Я имею в виду, нет ни капли влаги. Мне кажется, что мой язык превратился в камень.

Он снимает рубашку, а затем сбрасывает джинсы, выходя из них. Я падаю обратно на кровать. Теперь я понимаю значение «хорошо одарённый». В нём всё твердое. Я имею в виду, *всё*!

Осмеливаюсь взглянуть ему в лицо. Он не спускает с меня взгляда, когда кровать прогибается под его весом. Я не понимала, как холодно мне было, пока его рука не касается моей ноги. Он широко раскрывает меня и ползёт вверх по моему телу.

Его рука ложится на мой живот.

— Ты замёрзла, красавица, — шепчет он.

У меня чувственная перегрузка, когда он ложится на меня сверху, накрывая меня своим горячим телом. Он кладёт руки по обе стороны от моей головы, и тепло растекается по моему лицу.

— Мне придётся согреть тебя... снова.

Я выдаю ему дрожащую улыбку.

— Мне нравится, как это звучит, — шепчу я в ответ. Я не хочу разрушать этот момент. Воспоминания грозят прорваться, и это испортит всё.

Он прижимает губы к моему лбу, а затем поочередно к каждой моей щеке. И затем он опускает голову к моей шее, и я предоставляю ему свободный доступ к груди.

Сначала я чувствую укол потери. Как будто он указывает, что это всего лишь бессмысленный секс, не целуя меня в губы.

Но на самом деле так Дэмиан удаляет прикосновение другого человека с моего тела и заменяет его своим.

Этим всем... он исправляет меня.

Дэмиан целует мою грудь, а затем спрашивает:

— Ты уверена?

Уверена ли я?

Да!

Я уверена, что да.

Чёрт, я уверена, по крайней мере, на девяносто процентов.

— Угу, — бормочу я.

Он снова устраивает локти по обе стороны от моей головы и смотрит на меня. Наклоняет голову, а затем я чувствую, как его твёрдая длина прижимается к моему лону.

Всё моё тело неподвижно, и я чувствую страх, трепещущий в груди.

— Мне нужно услышать от тебя слово «да», — шепчет он.

Я киваю, и он ждёт.

Я облизываю губы и открываю рот, но ничего не выходит.

Это Дэмиан.

Я люблю Дэмиана.

Дэмиан никогда не причинит мне боли.

Я в безопасности.

— Да, — говорю я сквозь пересохшее горло, но слово чёткое.

Дэмиан приспосабливается ко мне, стараясь контролировать вес своего тела, и я могу его лучше видеть. И тогда я чувствую его лучше тоже. Он слегка качает бёдрами вперёд, и я сопротивляюсь желанию отодвинуться от него, как только головка его члена вдавливаются в меня.

Рукой он тут же обхватывает мою задницу, удерживая меня на месте. Он не двигается, разве что его глаза изучают моё лицо.

— Кара.

Мои глаза отрываются от его губ, чтобы встретиться с его. Грудь быстро поднимается и опадает, прижимаясь к нему, и каждое прикосновение пронизано электрическим разрядом.

— Ты готова? — спрашивает он снова.

Я киваю. Мой взгляд перескакивает от его рта к его глазам и обратно. Я продолжаю кивать.

— Да, — слово вырывается из меня. И затем моё дыхание прерывается, боль обжигает и растягивается внутри меня, когда его член врезается в меня.

Дэмиан замирает надо мной, и я чувствую его дыхание на уголке моего рта. Поддразнивание болезненное и сладкое. Я никогда не хотела чего-то так сильно, как я хочу почувствовать его на своих губах. Он отодвигает бёдра назад, и я вздрагиваю от болезненного ощущения. Когда он снова толкается вперёд, я пальцами впираюсь ему в спину, и его горячее дыхание обдаёт мою челюсть.

Когда он выходит, я чувствую, как что-то глубоко внутри меня стягивается в узел. Дэмиан поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и толкается бёдрами сильнее, чем раньше.

Задушенный стон теряется в затруднённом дыхании, и я поднимаю бёдра, чтобы предоставить ему лучший доступ. Его дыхание неровное. Я провожу ногтями вверх по его спине, когда он выскальзывает и вновь вонзается, в то время как я приподнимаю бёдра, чтобы встретить его. Тогда боль ощущается не так остро.

Глубокий стон грохочет в глубине его горла, его тело напрягается надо мной. Я получаю восхитительный вид на его шею и завивающиеся чернила на его коже, и погружаю в неё зубы. Вместо того, чтобы выйти, он врезается глубже, перекатываясь, и я громко задыхаюсь, уткнувшись ему в шею.

Я слышу проклятья в моих волосах, а затем он обхватывает моё лицо. Его руки крепко сжимают мои щёки, а глаза пылают, когда он подвигает моё лицо к своему. Его дыхание горячее на моих губах обжигает, и я хныкаю, когда он отстраняется.

— Только я, — рычит он и кусает мою нижнюю губу.

Моё тело дрожит от желания. Нет никаких плохих воспоминаний, угрожающих этому моменту между нами. Дэмиану удалось засунуть их подальше, убедившись, что я вижу и чувствую только его.

Нет никакого страха, никакого стыда — только мы.

— Никто больше не тронет тебя снова, — выдыхает он в мой рот, и я вдыхаю всего его. Он снова врезается в меня, и я кричу от удовольствия.

Его губы поддразнивают меня, кусая и щипая, но так и не целуя. Я не получаю мой поцелуй.

Мужчина, держащий меня, — это всё, что я вижу и чувствую. Он именно то, что представляют собой чернила на его коже.

Он хищный.

Он опасный.

Он *мой*.

Я улыбаюсь ему в губы, и он увеличивает темп движений, сильно врезаясь в меня. Дэмиан стирает улыбку с моего лица, и моё тело напрягается. Он снова кусает мою нижнюю губу и двигается сильнее надо мной, вытягивая ещё один стон из моего дрожащего тела.

У меня никогда не было такого секса. Обычно парень просто входит, кряхтит минуту, а затем кончает.

Дэмиан не отрывает от меня глаз.

Он продолжает разговаривать со мной.

Он удерживает моё внимание с каждым толчком.

— Ты моя.

Слова просачиваются мне в кости.

Его толчки ускоряются, и они жёсткие и быстрые, как он и говорил. Моё тело напрягается до тех пор, пока не кажется, что я взорвусь на кусочки. Он перемещает ладони под мою задницу и двигается ещё быстрее, доводя меня до грани.

Я цепляюсь за него, когда его тело начинает содрогаться. Я держу его так крепко, как могу, в то время как он врезается в меня в последний раз. В этот момент мне кажется, будто он пытается стать единым целым со мной.

Он тяжело дышит мне в ухо, а затем поднимается на локти и просто смотрит вниз на меня. Он сказал, что не будет никаких признаний в любви, но выражение на его лице говорит мне другое.

— Ты моя, Кара Эллисон, — произносит он моё полное имя, и слёзы наворачиваются у меня на глазах.

— Я твоя, Сэм Риз, — шепчу я, потому что моё сердце слишком наполнено. Это тот момент, когда мы становимся сами собой. Эта та часть нас, которую никто другой никогда не увидит. Это то, что делает нас единым... секс и секреты.

Глава 19

Дэмиан

Кара заснула недавно. Я лежу на боку и просто смотрю на неё.

Я рад, что смог сдержаться. Если бы я трахал её так, как действительно хотел, я мог бы напугать её до смерти.

Я провёл много утренних часов, представляя, как возьму её, но все эти фантазии бледнеют по сравнению с тем, чтобы, в конце концов, оказаться внутри неё. Реакция её тела на меня была такой горячей. Чёрт, это снова делает меня твёрдым.

Она растягивается и поворачивается на бок спиной ко мне. Я хочу её снова и хочу её прямо сейчас. Я тянусь к одеялу и медленно стягиваю его, обнажая её тело. Такое ощущение, как будто я разворачиваю подарок.

Я придвигаюсь ближе к ней, прижимаясь всем своим телом к ней. Я отодвигаю волосы с её шеи и целую мягкую кожу там, где шея изгибается в плечо. Её тело дёргается, и я воспринимаю это как знак того, что она просыпается.

Чувствую её жар, чувствую этот свежий запах, который всегда цепляется за её кожу, заставляя меня качнуть бёдра к её заднице.

— Я просто хочу трахать тебя всю ночь напролёт, — рычу я ей в ухо.

Тихий звук прокатывается из её горла, и это заставляет меня похолодеть. Я слышал этот звук раньше, это было на дисках с подвала. Это как ломанное хныканье, но затем оно превращается в дикое рычание, и она откидывает свою руку назад. Её локоть соединяется с моей грудью, и затем Кара бросается вперёд.

Её глаза всё ещё закрыты, когда она падает с кровати. Совершенно ошеломленный я наблюдаю, как её голова ударяется об угол прикроватного столика, а затем она вскакивает и выбегает из комнаты.

Только тогда жизнь возвращается ко мне.

Что, чёрт возьми, я сделал.

Я выпрыгиваю из постели и быстро натягиваю джинсы, которые всё ещё лежат на полу.

Я слышу, как она дёргает одну из дверей, а затем её отчаянные крики достигают меня, и я бегу за ней. Выбегая из комнаты, я как раз успеваю увидеть, как она распахивает дверь.

— Кара! — кричу я, когда она бежит в темноту.

Когда я выбегаю на крыльцо, я вижу, как она на полном ходу врывается в дерево. Чёрт, это должно быть больно.

— Кара!

Она отскакивает назад и затем обегает вокруг дерева.

Я перепрыгиваю через перила и устремляюсь за ней. Мы оба босиком, так что это не одна из самых лёгких пробежек, которые у меня когда-либо были. Она чертовски быстрая. Даже бьющие ветви не замедляют её. Не думаю, что она чувствует какую-либо боль в своём шоковом состоянии. Её тело, должно быть, перешло в режим выживания, и меня убивает то, что это я был тем, кто вызвал это в ней.

Она направляется в сторону пляжа. Я начинаю догонять её, и когда, наконец, настигаю её, она наклоняется и кричит. Она снова кидается вперёд, и на мгновение моё сердце заходится от боли. Видеть её такой — это пожирает меня заживо.

Мы добираемся до набережной, ведущей на пляж, и я в ужасе наблюдаю, как она совершает прыжок. Её тело жёстко врывается в песок, и потом она старается изо всех сил

встать обратно на ноги. Я прыгаю, и мои ноги содрогаются от боли, когда я врезаюсь в песок, поэтому я могу только представить, сколько боли это, должно быть, причинило ей.

Я встаю и иду за ней, когда она начинает входить в океан. Её более короткие ноги, затрудняют её бегство в воду, и это сильно замедляет её, что достаточно для меня, чтобы наверстать упущенное. Я бегу прямо на неё и обвиваю её руками, прижимая её руки к бокам.

Когда я вытаскиваю Кару из воды, а она начинает кричать и бороться с моим захватом.

Как только я возвращаю нас на сухой песок, я опрокидываю ее. Я оборачиваю ногу вокруг её ног и кладу руку на ее лоб, защищая её от себя так, чтобы она не могла причинить себе больше боли.

— Ты в безопасности, — говорю я отрывисто. Это никак не успокаивает её, и я делаю несколько глубоких вдохов, прежде чем говорю нейтральным тоном: — Кара, ты в безопасности. Это я, Дэмиан.

Она рычит на меня, и я незамедлительно шепчу, снова и снова

— Это Сэм. Ты в безопасности. Это Сэм.

Я говорю слова до тех пор, пока мой голос не трескается от душевной боли, которую я испытываю за неё.

Она прекращает свои отчаянные метания, и на мгновение всё, что я слышу, это океан и быстрые вздохи, срывающиеся с её губ.

Она начинает дрожать в моих руках, а затем её тело толкает нас на бок. Она поднимается, и я быстро переворачиваю её так, чтобы она встала на четвереньки. Как раз вовремя, потому что её рвёт.

Я быстро собираю ей волосы за спиной, и мне жаль, что прямо сейчас я не могу сделать большего.

Я сижу на коленях рядом с ней, пока она не начинает дёргаться с сухими позывами к рвоте и рыданиями. Я не могу сдержать своих слёз. Я ненавижу видеть её такой. Я ненавидел это в первый раз и я ненавижу это сейчас.

Я сажусь на задницу и притягиваю её в свои руки. Эмоций, бушующих внутри меня, слишком много. Я чувствую ярость. Я чувствую глубокое желание убить каждого отдельного человека, который когда-либо причинил ей боль. Моя грудь болит за неё. Моё сердце разбивается из-за неё, а моя душа кричит о мести за то, что с ней сделали.

Она дышит с трудом сквозь сопли и слёзы, и я знаю, что должен что-то сделать, чтобы успокоить нас обоих.

Прежде чем я могу придумать что-нибудь, она начинает бить своими крошечными кулачками в мою грудь.

— Я чувствую их всё время, — говорит она скрипучим голосом между криками. — Это никогда не прекратится.

— Расскажи мне, — шепчу я, хрипло.

Это будет преследовать меня вечно, но мне нужно знать, что произошло, чтобы я не вызвал такую паническую атаку когда-либо снова.

— Расскажи мне, что они делали, Кара.

Она трясёт головой, и на минуту я думаю, что она не собирается открываться, но затем слова начинают срываться с её губ. На меня обрушиваются образы после ужасной картинки.

Некоторые слова ударяют сильнее, проникая в мою суть.

— Они толкали меня лицом вниз каждый раз. Я задыхалась от рвоты, но они всё равно не останавливались. Мне казалось, что меня режут снова, и снова, и снова. Было чертовски больно. Я чувствую себя осквернённой... просто разрушенной, не подлежащей восстановлению.

Вся эта боль из-за жадности одного человека. Я собираюсь убить его.

Он точно покойник из-за того, что совершил с женщиной, которую я люблю.

Кара

Кажется, как будто это только что произошло снова, каждая отдельная отвратительная секунда.

Я не могу вспомнить многого из того, что собственно произошло за последние несколько часов. Дэмиан говорит, что я бросилась бежать через деревья и в океан.

Я сижу в ванной, глядя на все царапины на моей груди и руках. Мои ноги болят, но я стискиваю зубы, когда Дэмиан вытаскивает занозу за занозой.

— Что насчёт твоих ног? — шепчу я.

— Не волнуйся об этом сейчас. Давай просто приведём тебя в порядок и в постель.

Когда он продолжает очищать мои ноги, я просто сижу и смотрю на его лицо. Желваки играют на его лице. Он выглядит так, как выглядит в тот момент, когда нашел меня... как убийца.

Он ополаскивает мои ноги и затем хватает полотенце.

— Пойдём, — говорит он грубо.

Такое чувство, как будто меня переехал грузовой поезд. Я осторожно двигаюсь, когда вылезая, и затем шагаю в полотенце.

Я смотрю на Дэмиана и шепчу:

— О чём ты думаешь?

Мне нужно знать, что он не сердится на меня.

Мне нужно знать, что я не оттолкнула его сумасшедшей сценой, что произошла немногим ранее.

Он сглатывает, а затем его взгляд встречается с моим, впервые с тех пор, как мы пришли домой. Слёзы появляются в моих глазах, горло сжимается. Печаль и гнев в его глазах заставляют его выглядеть уязвлённым, и это так больно — видеть его таким.

— Я собираюсь убить его, — говорит он. — Мы полетим в Южную Африку, и я убью его.

Слова проносятся дрожью по моему телу, холодный озноб несётся вверх по позвоночнику.

Я качаю головой и отступаю от него.

— Н-нет. Я не хочу туда возвращаться.

Я туго оборачиваю полотенце вокруг себя, а затем крепко прижимаю его к своему телу.

— Мы не можем просто забыть сегодняшнюю ночь и пойти вперёд, как если бы ничего не произошло? Мы только начали налаживать свою жизнь.

— Забыть, что случилось? — шепчет он. Разъяренный взгляд ужесточает его черты лица, и он рычит. — Я не могу забыть! Кара, ты... звуки, которые ты издавала! Тебя стошнило на пляже. Чёрт, нет, он умрёт, и он умрёт, чёрт возьми, медленно.

Я проношусь мимо него и направляюсь в спальню. Я хватаю чистую рубашку и брюки и быстро одеваюсь. Дэмиан встаёт в дверном проёме и скрещивает руки на своей обнажённой груди.

— Тебе нужно принять душ, а затем позволить мне взглянуть на твои ноги, — говорю я в спешке, надеясь, что он бросит эту свою безумную идею.

— Кара, — говорит он, звуча снова спокойно. Я начинаю поправлять простыни, когда он подходит прямо ко мне. Он берёт меня за руку и поворачивает так, чтобы я была лицом к нему. Он охватывает моё лицо, его ладони охлаждают мою горячую кожу. Его глаза захватывают в плен мои.

— Мы должны закончить это. Мы либо продолжаем бежать, либо дадим отпор и положим этому конец. Я не могу бежать. Это не для меня. Я должен это сделать.

— Я не такая смелая, как ты, — шепчу я, и затем снова приходят тупые слёзы, заставляя меня выглядеть такой же слабой, как я себя чувствую.

— Я не такая, как ты, Дэмиан. Я трусиха. Я бы предпочла бежать.

Он качает головой и прижимает свой лоб к моему.

— Ты не трусиха, Кара. Ты такая чертовки сильная. Ты так много пережила, и ты продолжаешь возвращаться из всего этого. Ты не слабачка, и вот почему я знаю, что ты сможешь сделать это со мной.

Он прижимается мягким поцелуем к моим губам, а потом снова ловит мой взгляд.

— Мы пообещали прикрывать друг друга, Кара.

Я киваю не в состоянии придумать больше оправданий. Мне придётся встретиться с моим дядей.

Следующая неделя небогата на события. Я хожу на работу, как будто ничего не изменилось. Дэмиан сказал, что он связывался со своим другом Джеффом, чтобы достать нам паспорта.

Это обычный четверг в хозяйственном магазине. Я проверяю, что нужно заказать на следующую неделю, в то время как задаюсь вопросом, почему четверги всегда ощущаются такими долгими. Это как два дня, уместенных в один.

Я слышу голоса из передней части магазина, и я знаю, что там Дэмиан. Я медленно пробираюсь по проходу со списком запасов, которые мы должны заказать.

Конечно, Дэмиан разговаривает с Джошуа. Когда они оба смотрят на меня, я натягиваю счастливую улыбку.

Я протягиваю лист бумаги Джошуа.

— Вот заказы на следующую неделю.

Он берёт его и затем смотрит на меня с сочувствием, которое смущает меня до чёртиков.

— Я только что говорил Алексу, что ничего страшного, что ты возьмёшь отгул.

— Да? — это слово выскакивает из меня. Теперь я ещё больше смущена.

— Да, детка, так что мы сможем поехать на похороны твоего дяди.

Наполовину ошеломлённая улыбка исчезает с моего лица, и я рада, что Джошуа, принимает это за печаль.

— Ты можешь идти, Нина. Я попрошу мальчишку Джеймсона прийти помочь после школы на следующей неделе.

Я молча киваю, когда Дэмиан берёт меня за руку. Он притягивает меня к своему боку и потом протягивает руку Джошуа:

— Большое спасибо за понимание. Она вернётся через неделю.

Джошуа машет нам рукой.

— Конечно.

Я чувствую себя роботом, когда Дэмиан выводит меня из магазина и затем помогает мне забраться в грузовик. Я смотрю вниз на свои руки всю дорогу домой.

Когда Дэмиан паркует грузовик перед домом, мы оба просто сидим в тишине.

Дэмиан первый, кто нарушает молчание. Он открывает свою дверь, выпуская часть душного тепла из салона.

— Мы встретимся с Джеффом сегодня вечером и затем проедем в аэропорт. У него билеты и паспорта.

— Как насчёт виз? Как насчёт транспорта, когда мы окажемся там? Как насчёт места для проживания? Как мы приблизимся к моему дяде? Как мы вернёмся? Что если нас поймают?

Вопросы льются из меня в отчаянной попытке найти причину остаться здесь... где мы в безопасности.

Дэмиан берёт меня за руку и подносит её к своему рту. Его слова чувствуются обжигающими на моей коже:

— Нас не поймают. Я выполнил свою домашнюю работу. В Южной Африке высокий уровень преступности. Тысячи людей умирают каждый день, и убийц никогда не находят. Я арендую автомобиль на наши поддельные имена, и мы остановимся в каком-нибудь дешёвом отеле.

Он прижимается ещё одним поцелуем к тыльной стороне пальцев.

— Мы будем в порядке. Я защищу нас.

— Но... но.

Я тяжело сглатываю. Просто для меня нет способа подавить страх.

— Я боюсь.

— Не бойся, — шепчет он. — Мы будем там только три дня. Помнишь, что я тебе говорил? Мы сделаем так, чтобы люди не обращали на тебя внимания. Заставим их не смотреть в твою сторону. Ты не можешь выглядеть испуганной, потому что это привлечёт к нам внимание. Мы всего лишь два человека, которые приехали по своим делам. Ты должна привести в порядок свои мысли, Кара. Тебе нужно будет вести беседу. Люди заметят мой акцент, но ты отлично впишешься. Мне нужно, чтобы ты прикрыла меня в этом.

Я начинаю кивать головой, пытаюсь сосредоточиться на том, что он говорит. Я проглатываю страх и потом хмурюсь.

— Я должна вести разговоры? Что если они спросят меня о чем-то, о чем я не смогу ответить?

— Мы обсудим каждую деталь в нашей поездке до Чарльстона, Джефф встретит нас там. Мы полетим оттуда. Всё будет хорошо.

Я не так уверена, но Дэмиан никогда не лгал мне прежде, так что у меня нет выбора, кроме как довериться ему.

Глава 20

Дэмиан

Полёт был чертовски долгим. Мои ноги начало сводить судорогой. Тот факт, что мы оба устали от чертовски длительного перелёта, сейчас сказывается на нас. Мы выглядим так же, как и все остальные пассажиры: потные, помятые и уставшие.

Чернокожий мужчина едва ли проверяет наши паспорта, и вскоре мы ждём наш багаж, который состоит только из одной сумки. Я не привёз никакого оружия, потому что... ну, это было бы чертовски глупым поступком с моей стороны.

Я взял нам простые имена для этой поездки. Майк и Соня Бёрджесс. Я хватаю сумку, а затем беру её за руку, и мы отправляемся в прокат автомобилей «Эйвис».

Когда мы приближаемся к маленькой стойке, Кара глубоко вздыхает и затем улыбается женщине за стойкой.

— Здравствуйте, мы бы хотели арендовать машину на несколько дней.

Женщина профессионально улыбается.

— Вы приехали на отпуск?

Кара внезапно застывает, хватая мою руку и оттаскивает меня от стойки. Когда мы вне зоны слышимости женщины, она шепчет:

— Ни у кого из нас нет прав. Мы не можем арендовать машину.

Она оглядывается кругом, чтобы убедиться, что никто её не слышит.

Я осматриваюсь, понимая, что она права. Совершенно забыл об этой маленькой детали.

— Подожди, — она указывает на улицу.

— Мы можем взять одно из этих такси, они выглядят достаточно безопасно... я думаю.

Она указывает на блестящую белую машину.

— Да, давай сделаем это.

Когда мы добираемся до машины, мужчина широко нам улыбается.

— Единственная остановка службы такси с улыбкой. Куда вас отвезти?— говорит он с забавно звучащим, акцентом.

— Спасибо, эм...

Кара смотрит на меня, а затем мужчина начинает болтать на языке, на котором я не понимаю абсолютно, черт возьми, ничего.

— Ооо... julle's Afrikaans? Извини, мужик. Waar wil mevrou-hulle gaan? Ek kry julle daar in 'n jiffy (*прим. Вы говорите на африканском? Куда вам нужно, девушка? Я быстро подброшу вас*).

Кара начинает смеяться и качает головой.

— Мой африканский отстой. Давайте придерживаться английского, пожалуйста. Эмм... не могли бы вы отвезти нас в дешёвый отель рядом с Бедфордвью?

— Ох, извини мужик, — смеётся он и потом открывает заднюю дверь. — Конечно, в Иденвейле есть один. Это близко к магазинам.

Я беру сумку с нами в салон, мы садимся на заднее сиденье и вскоре уже едем в отель. Не знаю, что я ожидал увидеть, как только мы сюда приехали, но всё выглядит довольно нормально.

Кара толкает меня, и я смотрю на её улыбающееся лицо.

— Ты ожидал увидеть диких животных, бродящих по улицам?

— Да, — смеюсь я.

— Единственными животными здесь являются люди. Никому не доверяй.

Улыбка спадает с моего лица, когда я вспоминаю, почему мы здесь.

Когда мы добираемся до отеля, Кара рассчитывается с водителем такси. Как только, мы заселяемся в крошечную комнату, я глубоко вздыхаю. Первый этап прошёл хорошо.

Это хреново, что у нас нет машины. Это все усложняет для нас.

Кара садится на кровать и затем пялится в пол. Я встаю перед ней на колени и ловлю её взгляд.

— О чем ты думаешь?

Она пожимает плечами и печально улыбается.

— Я думаю о том, когда я здесь была в последний раз.

Её глаза встречаются с моими, и я вижу печаль.

— Каждое воскресенье мы выезжали на плотину Вааль. Мы проводили там весь день, только втроём. Тогда я была так счастлива, Дэмиан. Я так сильно любила своих родителей, и их просто отняли у меня. Я даже не сходила на их похороны. Дядя Том просто сунул мне деньги с глупым паспортом и сказал мне бежать. Мне было всего восемнадцать. Я не знала ничего другого. Тогда я ничего не понимала, и я до сих пор не понимаю.

Я прижимаю ладонь к её щеке и целую в губы.

— Давай просто покончим с этим, чтобы вновь можно было вернуться домой.

— Звучит хорошо.

Она садится ко мне на колени, робко глядя мне в лицо.

Я наклоняю голову и хватаю её за подбородок так, что у неё нет выбора, кроме как смотреть на меня.

— Что это за взгляд?

— Хм... — она кусает нижнюю губу и затем смотрит на меня из-под ресниц. — Мне просто интересно... хм... не разрушила ли я что-то между нами?

Ооо... бл*дь! Она думает, что отпугнула меня. Я качаю головой и улыбаюсь ей.

— Никогда. Я просто не хочу спешить с тобой, Кара.

Она встаёт, потянув меня за собой. Её руки опускаются на мою грудь, и она снова кусает свою нижнюю губу.

— Так... я всё ещё немного нравлюсь тебе?

Она строит самое милое личико, и моё сердце тает.

— Ты нравишься мне больше, чем немного, — шепчу я, но потом становлюсь серьёзным. Я никогда не говорил ей, что чувствую, и поэтому она так неуверена в нас.

— Дело не только в сексе, Кара.

Она отводит взгляд в сторону. Ей очень некомфортно от слова «секс». Я делаю мысленную заметку — не использовать его снова.

Её руки начинают соскальзывать с моей груди, но я быстро хватаю их, удерживая на месте.

— Я живу тобой.

Её взгляд устремляется к моему лицу, и затем я вижу, как замешательство искажает ее черты лица.

— Любовь слишком похожа на ненависть. Это эмоции, которые приходят и уходят. Жизнь — это совсем другое дело. Ты получаешь *одну* жизнь. Я живу тобой, Кара. Ты — моя жизнь.

Её губы начинают дрожать, но улыбка всё же прорывается.

— Я?

Я прижимаюсь ртом к её губам и шепчу:

— Ты.

Она делает первый шаг, потянувшись к моей рубашке. Я даю ей стянуть её через мою голову, и потом она целует меня в плечо.

— Ты покажешь мне?

— Чёрт возьми, да, — рычу я. Я поднимаю её с пола и бросаю на кровать, но затем застываю.

— Нет презервативов. Чёрт, я не думал, что они нам понадобятся.

Она приподнимается на локтях, и я вижу борьбу в её глазах.

— Ну, это не большая проблема. Мы можем подождать, пока не вернёмся домой.

Вместо того, чтобы согласиться, как я предполагал, Кара садится и стягивает рубашку через голову. Ошеломлённый, я смотрю, как она раздевается до тех пор, пока не оказывается полностью обнаженной. Она ползёт к краю кровати и снимает мой ремень, а затем мои джинсы падают на пол. Я выхожу из них, не так уж уверенный в том, каким должен быть мой следующий шаг.

— Я на таблетках, — говорит она, когда целует мой пресс. — Я хочу этого с тобой, Дэмиан. Я не могу позволить прошлому продолжать стоять на пути.

Её маленькая ручка оборачивается вокруг моей длины, и она начинает медленно поглаживать меня. Её взгляд опускается на мой член, и я смотрю на её лицо.

— Мне надоело быть напуганной. Они были теми, кто причинил мне боль, а не ты.

Она ползёт по моему телу, быстро целуя весь путь по моей груди, и затем прижимается ко мне. Её рот прямо напротив моего, когда она шепчет:

— Трахни меня, Сэм.

И её разрешение — это то, что мне нужно.

— Ложись обратно, — рычу я.

На её лице расцветает улыбка, и она быстро ложится обратно. Я хватаю её под коленями и дёргаю к краю кровати. Встаю между её ногами, вынуждая их открыться шире. Я вдавливаю свои колени в матрас, чтобы сохранить равновесие, и затем наклоняюсь над ней.

Когда я хватаю член, её взгляд устремляется вниз, и она наблюдает, как я трусь им прямо напротив её киски.

— Правильно, красавица. Смотри, как я тебя трахаю.

Я врезаюсь в неё жёстко и быстро, и её рот приоткрывается в тихом стоне. Я хватаю её бедра, чтобы удержать девушку на месте, и начинаю двигаться. Я удерживаю сильный темп, намного сильнее, чем в наш первый раз. Это так, как мне нравится.

Нужно всего несколько толчков для её тела, чтобы подчиниться мне. Кара хватается за одеяло и приподнимает свою задницу от кровати, предоставляя мне лучший доступ.

— Чёрт возьми, да!

Она откидывает голову назад, и её тело начинает сотрясаться подо мной, и это заставляет меня толкаться так сильно, насколько я могу. Крошечные вздохи вырываются из неё, когда она начинает кончать. Всё её тело напрягается, а затем её глаза находят мои, и я наблюдаю, как экстаз омывает её. Нужен лишь ещё один толчок, и затем я освобождаюсь, и это подобно небесам, когда я опустошаюсь внутри неё.

Как только экстаз угасает, я подсовываю под неё руку, и когда я поднимаю её, она сжимает свои ноги и руки вокруг меня. Я несу её в ванную напрямик в душ.

Прижимаю её спиной к стене и шепчу:

— Опусть свои ноги, сделай это для меня.

Она медленно опускает их вниз, и от этого движения мой член выскальзывает из её тела. Я открываю краны, беру мыло, превращаю его в пену и затем скольжу рукой между её ног. Я осторожно мою её, и не нужно много времени, чтобы её бёдра снова начали двигаться. Я наклоняюсь к ней и страстно целую. Она приоткрывает рот, и я скольжу своим языком между её губ, пока она стонет. Я трахаю её рукой, а рот языком, пока она не задышится от удовольствия.

Вот такой я хочу видеть её всё время — потерянной в экстазе из-за меня. Я хватаю её ноги и снова поднимаю, а затем опускаю её киской на свой член. Я никогда не делал это медленно... до сих пор.

Удерживаю медленный темп, каждый толчок настолько глубокий.

— Сэм, — хнычет она, и это заставляет меня улыбнуться, потому что я свожу её с ума, она дошла до того, чтобы умолять меня об оргазме.

Я продолжаю двигаться медленно и глубоко до тех пор, пока её ногти не впиваются в мою кожу, и она не проводит ими по моей спине. Я регулирую свой захват на её заднице и затем сильно врезаюсь в неё. Её губы изгибаются в улыбке, когда я ускоряю темп. Для неё хватает всего несколько сильных толчков, чтобы она крепче сжала мою шею. Она зарывается лицом в мою шею и начинает бормотать, кончая:

— Чёрт, чёрт, чёрт.

Я следую за ней, и на этот раз меня почти не держат ноги от силы оргазма.

Когда Кара опускает ноги с моих бёдер, я тянусь за мылом, но она останавливает меня.

— Нет, подожди.

Она слегка отталкивает меня и затем смотрит вниз на свои ноги. Я хмурюсь, не понимая, что она делает. Я причинил ей боль?

— Ты в порядке? — спрашиваю я, всё ещё слегка запыхавшись.

Она смотрит на меня, и улыбка растягивает её губы.

— Я просто хотела увидеть, как твоя сперма сбегает по моим ногам.

Я не уверен, горячо это или нет для нее, поэтому я просто продолжаю смотреть на неё.

Она прижимается своим телом ко мне и встаёт на носочки, а потом она шепчет:

— Ты заклеил меня, Сэм. Теперь ты лишь должен трахнуть меня сзади, и потом я буду чувствовать только тебя везде на моём теле. Я хочу чувствовать тебя и только тебя. Я хочу ощущать твой запах. Я хочу попробовать тебя. Я хочу, чтобы ты заменил каждый образ, пока всё, что я вижу, всё, что я чувствую, не будет тобой.

Я обхватываю её лицо и почти задыхаюсь от подавляющих эмоций, затопляющих меня.

— Я живу тобой, Кара, так чертовски сильно.

Она улыбается, в её глазах стоят слезы, и она просто смотрит на меня с чем-то сродни благоговению, написанному у неё на лице.

— Ты спас меня, Сэм Риз. Ты спас мою жизнь, ты спас моё тело и ты спас мою душу. Ты спас всю меня.

Кара

Мы рано вырубаемся, нам необходимо хорошо выспаться. Смена часовых поясов — это дерьмо.

Я просыпаюсь и нахожу Дэмиана, уставившегося в телефон, у него такой серьёзный взгляд, как будто мы крупно попали.

Я пользуюсь моментом, чтобы просто посмотреть на него. Я не могу поверить, что он хочет меня. Это кажется нереальным, что этот удивительно красивый мужчина хочет меня.

— Доброе утро, — говорит он, и затем улыбка растягивается на его лице. — Я чувствую твой взгляд на мне.

— Просто наслаждаюсь видом, — смеюсь я, но всё же краснею от того, что меня поймали с поличным.

Он откидывается назад и поворачивает телефон так, чтобы я могла его видеть. Он смотрит на карту.

— У Тома здесь стрип-клуб.

Он указывает на название улицы, а затем смотрит на меня.

— Ты знаешь этот район?

Я смотрю снова и замечаю, что это не так далеко от улицы, на которой я выросла. Я указываю на улицу Клупф,

— Вот здесь я жила. Это недалеко оттуда, может быть, десять минут.

Дэмиан хмурится, а потом смотрит на меня.

— Интересно, что случилось с твоим домом. Наверняка, у твоих родителей было завещание.

Я никогда даже не думала об этом.

— Я не знаю, — шепчу я, ошеломлённая. — Может быть, мой дядя забрал всё. Я действительно не знаю.

Он встаёт и затем осматривает комнату.

— Нам нужно очистить каждый сантиметр этой комнаты. Убедиться, что мы ничего не оставляем. Нам придётся украсть машину. Пожалуйста, скажи, что ты умеешь водить.

Впервые я вижу проблеск беспокойства, и это заставляет меня бояться.

— У меня нет прав. Мне только что исполнилось восемнадцать, когда произошёл несчастный случай. Хотя, я водила. Папа учил меня по выходным. Но я не водила, на самом деле, очень давно.

— Бл*дь, — шипит Дэмиан. Он начинает ходить взад-вперёд перед кроватью, и я начинаю нервничать.

— Давай просто поедem домой, — я почти умоляю.

— Мы достанем машину, и потом у тебя будет около десяти минут, чтобы привыкнуть к ней, прежде чем мы отправимся в стрип-клуб. Я убью его там, и нам придётся бежать оттуда. Я думаю, мы сможем найти дорогу к ближайшей заправке и вызвать оттуда такси, чтобы отвезти нас обратно в аэропорт. Мы можем поспать в аэропорту, и затем завтра мы улетим.

— Дэмиан.

Я подползаю к краю кровати и поднимаюсь. Встаю перед ним, чтобы он прекратил сводящее с ума хождение.

— Мы всё ещё можем вернуться домой. Нам не нужно делать ничего из этого. Просто... давай просто уедем.

Взглядом он ощупывает моё лицо, а затем качает головой.

— Это единственный способ, чтобы мы были в безопасности. Нам нужно закончить это.

Дэмиан

Я украл самый уродливый кусок дерьма, который только смог найти. Кара продолжала визжать каждый раз, когда машина спускалась по дороге, тем самым практически доводя меня до долбанного сердечного приступа. Себе на заметку: никогда снова не красть машину с Карой.

Ох, а найти машину с коробкой автомат в этих местах невозможно, так что это все усложняет. Каре требуется около пятнадцати минут, чтобы ехать хорошо. Машина дёргается каждый раз, когда она начинает движение, и Кара позволяет ей заглохнуть один раз на светофоре. Но она привезла нас в стрип-клуб в целости и сохранности. Я говорю ей припарковаться в дальнем углу, возле мусорных контейнеров. Мы быстро протираем автомобиль, убедившись, что не оставляем никаких отпечатков пальцев.

— Не запирай и оставь ключи, — шепчет она. — Немного удачи, и кто-то ещё придёт и украдёт её.

— Серьёзно? — тупо спрашиваю я. — Ты так думаешь?

— Это Южная Африка, — она пожимает плечами.

Когда мы идём к входу, чернокожий мужчина машет нам и кричит что-то, чего я не понимаю. Кара машет ему и толкает меня вперёд.

— Он предлагал посмотреть за машиной.

— Как тогда кто-то украдёт её?

Я начинаю волноваться, думая, что нам следует найти место, чтобы припарковаться, где я смогу скрыть её. Тогда это даст нам больше времени.

— Дэмиан, он собирается пойти, сесть на задницу и напиться. Он не остановит вора. Тут всё в порядке.

Кара оплачивает вход, и мы заходим. Я остаюсь начеку, когда начинаю искать место для Тома. Так или иначе, сегодняшний вечер обернётся для меня дерьмом. Я лгал Каре, и сегодня вечером она может многое узнать.

Я смотрю на неё. Она такая же напряжённая, как и я. Я вижу Тома за столом в задней части клуба. Он не один. Я делаю глубокий вдох и беру Кару за руку.

— Просто подыграй.

— Что? — шепчет она, и затем её глаза расширяются, когда я начинаю идти к Тому. — Ты просто собираешься подойти к нему и убить его перед всеми этими людьми?

— Нет, — шиплю я. — Просто выгляди испуганной, чертовски испуганной, и делай то, что я тебе говорю.

— Тут нет проблем, — бормочет она мне. — Я вот-вот описаюсь, так я напугана.

Том смотрит на пол и на танцующих полубнажённых женщин, прежде чем его взгляд, наконец, останавливается на нас. Шок отражается на его лице, и затем он машет людям окружающим его. Они быстро встают и разбегаются во все стороны, оставляя Тома одного за столом.

Когда мы приближаемся к столу, он ударяет по нему кулаком, заставляя стаканы дребезжать.

— Почему, чёрт возьми, ты привёл её сюда?

— Тут есть уединённое место, где мы можем сделать это? — рычу я, дёргая Кару ближе. Она спотыкается и почти теряет равновесие, что делает хорошее шоу.

— Да... да.

Он вскакивает.

— Сюда!

Он спешит по тускло освещённому проходу, и я проверяю сзади, убеждаясь, что никто не следует за нами.

Как только мы оказываемся в офисе, я закрываю за нами дверь.

Я даже не могу взглянуть на Кару, когда слова покидают мой рот.

— Учитывая, как ты хочешь её смерти, я подумал, что доставлю её сюда для того чтобы совершить убийство лично.

— Я думал, что сделка отменяется, — рывкает он на меня.

— Только потому, что она сбежала от меня. Но сейчас она у меня, так что тебе выбирать: умереть ей или жить?

— Дэмиан? — шепчет она, и я просто не могу посмотреть на неё. Это полностью выбьет меня из колеи, если я увижу боль на её лице. Том должен мне поверить.

Взгляд Тома мечется от меня к ней, и затем он начинает говорить, и мой мир рушится вокруг меня.

— Прости, Кара, я не могу позволить тебе шататься повсюду. Я думал, что смогу, но они убьют меня.

Он оглядывает грязный офис.

— Я потеряю всё это.

Отвращение вскипает во мне, когда я смотрю на него. Он поворачивается спиной к Каре и говорит:

— Просто сделай это быстро. Я не хочу, чтобы она страдала.

Продолжая держать Кару за руку, я подхожу к столу. Я хватаю ножницы и отталкиваю её от себя. Я бросаюсь на Тома, когда он поворачивается, чтобы посмотреть, что происходит. Я погружаю ножницы в его брюхо и наблюдаю, как он падает на пол. Когда я опускаюсь на колени перед ним, то ловлю его поражённый ужасом взгляд и говорю:

— Я чистильщик, Том, а не убийца. Я избавляю мир от грязи вроде тебя. Ты думаешь, что нанимаешь киллера, но в то же время, ты платишь за свою собственную смерть.

Я выдёргиваю ножницы и погружаю их обратно, прямо под его рёбра, молясь, что б я поразил лёгкое.

— Чертовски больно быть порезанным снова и снова, не так ли?

Он пытается что-то сказать, но это выходит искажённо, кровь льётся с уголка его рта.

Я снова выдёргиваю ножницы и встаю, наблюдая, как свет гаснет в его глазах.

Они говорят, что ад — это место, где ты снова и снова переживаешь свой худший кошмар. Я чертовски надеюсь, что это правда — для этого ублюдка.

Кара

Я смотрю на тело дяди Тома и не могу найти проблеска облегчения. Я чувствую странную грусть, как будто я потеряла больше, чем моего дядю.

Я смотрю, как Дэмиан использует рубашку дяди Тома, чтобы стереть кровь с ножиц, прежде чем засунуть их в задний карман своих штанов.

Мой разум не может пройти мимо того, что сказал дядя Том, что он нанял Дэмиана, чтобы убить меня.

Дэмиан должен был *убить меня*.

Он поворачивается ко мне и, избегая моего взгляда, осматривает офис.

— Ты прикасалась к чему-нибудь?

— Убить меня? Ты должен убить меня? — спрашиваю я, всё ещё находясь в шоке из-за этого.

— Не сейчас, Кара. Ты можешь сходить с ума, когда мы будем на безопасном расстоянии.

Он хватается меня за руки и вытаскивает из офиса. Дэмиан закрывает за нами дверь и затем идёт по тёмному проходу к задней двери. Он толкает тяжёлую дверь, и мы ускользаем.

Он продолжает идти, просто таща меня вперёд, а я, как идиотка, следуя за ним.

Это долгая прогулка до автозаправочной станции. Одно хорошо — полиция не проезжает мимо нас, а значит, они ещё не знают, что дядя Том мёртв, или полиция не спешит.

Когда мы добираемся до станции, мне приходится вызывать такси. Я не знаю, как я сохраняю свой голос нормальным, когда даю адрес службе такси.

Когда я заканчиваю звонок, то отхожу от Дэмиана. Мне нужно немного пространства. Мне надо подумать.

— Кара! — шепчет он, быстро догоняя меня.

Когда мы отходим с дороги и от внимательных взглядов людей, заправляющих свои машины бензином, я возвращаюсь к нему.

— Убить меня! Тебе заплатили, чтобы убить меня?

— Нет, — рывкает он на меня. — Я взял эту работу, чтобы спасти тебя.

— Ты меня не знал. Почему ты бы хотел спасти меня?

Я скрешиваю руки, чувствуя себя совершенно раненной и потерянной.

— Ты сказал, что пришёл за мной, Дэмиан. Ты солгал.

Рыдание разрывает моё горло.

— Ты солгал мне.

— Я просто не рассказал тебе правду, но я не солгал, когда сказал, что пришёл за тобой. Когда я получил твой файл, бл*дь, любой, даже не желая того, мог увидеть, что ты была невиновной. Я не соврал тебе, Кара. Я чистильщик, а не киллер.

— А как насчёт той девушки, которую ты спас? Ты тоже должен был её убить?

— Нет, её похитили, и я просто должен был вернуть её.

— Но я... ты должен был убить меня.

Я не знаю, как осмыслить всё это.

— Это то, чего хотел Том. Я не мог тебе этого рассказать. Бл*дь, Кара ты была разбита. Рассказывать тебе что-то подобное — всё равно, что уничтожить тебя.

— Вместо этого ты позволил мне поверить, что мой любящий дядя послал кого-то, чтобы помочь мне? Ой, подожди, ты сказал, что он заплатил тебе, чтобы ты заботился обо мне? Это была просто ещё одна ложь.

— Да, чтобы уберечь тебя от душевной боли!

— Какова полная история, Сэм? — шепчу я, нуждаясь услышать всё.

Он оглядывается вокруг, прежде чем его глаза снова сосредотачиваются на моем лице. Они наполнены виной, я задаюсь вопросом, вина ли это из-за того, что он солгал, или потому что его поймали?

— Том хотел твоей смерти. Он прислал мне твои личные данные и первую запись. Он сказал сделать это быстро, чтобы избавить тебя от страданий. Он не хотел, чтобы ты страдала.

Дэмиан сглатывает и затем смотрит на дорогу.

— Я сделал вид, что взял эту работу, и когда я достал тебя и диски памяти, я понял, что это победа. Я вернул деньги, которые он заплатил, и закрыл счёт. Я никогда не причиню тебе вреда, Кара. Я просто хотел тебе помочь. Да, я что-то скрывал от тебя, но это было, чтобы избавить тебя от боли от осознания того, кем был твой дядя на самом деле. Я не лгал, когда говорил тебе о мафии. Твой отец и дядя связались с неправильными людьми, и когда твой отец захотел уйти, они убили его. Но твой дядя не хотел уходить. Он отмывал деньги и занимался транспортировкой наркотиков для них годами. Но потом

они узнали, что ты сбежала. Я не знаю, как. Я знаю только, что Том хотел быстрой смерти для тебя.

— Это должно заставить меня чувствовать себя лучше? — шепчу я, когда по щекам начинают скатываться первые слёзы.

— Нет, но тот факт, что я никогда не лгал о своих чувствах к тебе, должен что-то значить.

Он делает шаг ближе ко мне, и я быстро вытираю слёзы.

— Мне просто нужно немного времени. Мне нужно переварить всю эту информацию.

И тут такси въезжает на заправку. Я убеждаюсь, что мои щёки сухие, когда мы подходим к нему.

Возвращение домой тихое. Полагаю, я должна быть счастлива, что мы уехали. Я должна чувствовать что-то, после того, как увидела, как мой дядя был убит человеком, которого я люблю... мужчиной, которого я почти не знаю. Я думаю, что должна чувствовать счастье... но я не чувствую.

Глава 21

Дэмиан

Мы вернулись неделю назад. Из новостей понятно, что у них нет подозреваемых в убийстве бизнесмена Тома Смита, однако он был связан с преступным синдикатом, и, должно быть, сделка пошла не так. Я бросил ножницы в мусорный бак прямо в аэропорту. По крайней мере, не может быть, чтобы они нашли их.

Всё должно быть хорошо, но это не так. Между Карой и мной всё очень нестабильно. Я хочу обнять её, хочу сказать ей, что теперь всё будет хорошо, но я знаю, что это не то, чего она хочет.

Ей нужно пространство, и я даю ей столько пространства, сколько ей нужно.

Как я уже сказал, прошла целая неделя, но легче не становится. Я был занят случайными подработками, но ночная тишина оглушительна. Я слышу, как она словно кричит на меня.

Дни просто протекают, каждый из них такой же тусклый, как и предыдущий. Кара тихая, и я беспокоюсь, что она снова погрузится в депрессию. Единственное, что удерживает беспокойство в узде, это тот факт, что она ходит на прогулку каждый вечер после работы. Это даёт мне покой — знание, что она вернулась к прогулкам как к способу справиться.

Кара

Я больше не злюсь. Нет причины сердиться, когда дело касается Дэмиана. Он пытался защитить меня, и я не могу обвинять его в этом.

Это так больно, что моя семья, моя родная кровь, хотела моей смерти. Дэмиан был прав, когда сказал, что увидел кого-то, кто был одинок в этом мире. Это жуткая мысль... быть одиноким.

Если по какой-либо причине мне понадобится кто-то посреди ночи, звонить будет некому.

У меня нет ни одного ближайшего родственника, если кто-нибудь спросит.

У меня нет друзей.

У меня нет семьи.

Это так больно, что у меня никого нет. Я будто призрак.

Это те мысли, которые давят на меня. Я переживаю их целых три недели, прежде чем они ломают меня.

Сейчас середина ночи, и я не могу уснуть. Последнюю неделю я чувствовала себя дерьмово. Я думаю, что просто всё, что случилось со мной, загнало меня в ловушку.

Я слышу дыхание Дэмиана. Дэмиан... почему я продолжаю называть его так? Это не его имя. Я не могу звать его Сэмом, а имя Алекс всё ещё ново для меня.

Сэм — человек, которого я никогда не узнаю. Призрак в его прошлом.

Дэмиан — человек, который спас меня. Хищник, который убивает и который должен был убить меня, но вместо этого помог мне.

Алекс — человек, который, как предполагалось, должен быть моим мужем. Разнорабочий, который любит чинить вещи.

Кто настоящий мужчина, который лежит рядом со мной?

Я слышу, как он двигается, и шепчу:

— Почему ты на самом деле оставил меня?

Некоторое время тихо, но я знаю, что он проснулся. Я чувствую его энергию.

— Я увидел кого-то, кто был сломан, и я захотел починить тебя.

— Потому что ты не смог спасти Лию?

— Отчасти, но, главным образом, потому что твой собственный дядя хотел твоей смерти. Мой отец однажды пытался меня убить — вот тогда я и ушёл в армию. Это у нас общее. Наши близкие хотели нашей смерти.

Я впитываю то, что он говорит мне, а затем переворачиваюсь на спину. Я смотрю на тёмный потолок.

— Почему ты остаёшься со мной сейчас? — я закрываю глаза, испугавшись того, каким может быть его ответ.

— Я никогда не встречал никого такого сильного, как ты. Обычно люди до смерти боятся меня, но хотя ты была напугана вначале, ты не отступила. Ты была на самом дне, и всё же ты стояла передо мной. Я никогда не видел такой силы в ком-либо. Это редкая красота. Жизнь просто продолжает наносить тебе удары, а ты просто продолжаешь вставать.

— Жизнь бьёт, как сучка, — шучу я, и мы оба усмехаемся, зная, что это не правда. Жизнь бьёт сильно, так чертовски сильно, но это иногда помогает шутить.

— Я не злюсь, — шепчу я. — Это просто поразило меня, то, что я одна. У меня нет семьи. Я не знаю, кто ты на самом деле.

Я глубоко вздыхаю и шепчу:

— Я просто чувствую себя такой одинокой.

Чувствую, как он поворачивается на бок, его взгляд сосредоточен на мне.

— Я всего лишь мужчина, влюблённый в охренительную девушку.

Я смеюсь и тоже поворачиваюсь на бок, впервые за несколько дней глядя ему в глаза. Я рада, что темно, таким образом, я не ощущаю в полной мере воздействия этих серых глаз.

Хочу пошутить, чтобы снять напряжение, но вместо этого всхлип срывается с моих губ, и слова выходят скомкано:

— Значит, ты не оставишь меня?

Он придвигается ближе ко мне, и затем его пальцы скользят по изгибу моей скулы.

— Никогда.

— Даже когда я постарею и потолстею?

Он смеётся и наклоняется, пока я не чувствую жар его дыхания на моих губах.

— Даже тогда.

Он целует меня в губы и потом шепчет:

— Я живу тобой, Кара. Я живу ради тебя и умру ради тебя. Для меня здесь ничего нет, кроме тебя.

— Я живу тобой, Алекс, — шепчу я, и он отодвигается.

— Почему вдруг, Алекс?

— Сэм принадлежит твоему прошлому. Я никогда не узнаю его. Думаю, он умер с Лией, и пусть у неё будет он, чтобы оберегать её, где бы она ни была. Дэмиан — чистильщик, который спас мне жизнь, но Алекс — мой муж, и он собрал меня по кусочкам воедино. Алекс — моя семья.

Он снова целует меня в губы и затем шепчет:

— Я живу тобой, Нина.

На этот раз моя очередь отодвигаться с ухмылкой, растягивающей мои губы.

— Почему вдруг Нина?

— Кара — восемнадцатилетняя девочка, которая умерла в тот день, когда умерли её родители. Я думаю, мы должны позволить ей покоиться с миром вместе с ними. Карен — она испытала так много душевной боли. Честно говоря, никто не сможет пережить всё, что ей пришлось вытерпеть. Я думаю, будет лучше, если мы отпустим её, но Нина — она такая охренительная девушка, работает в хозяйственном магазине, и я реально хочу замутить с ней.

Смех срывается с моих губ, и я бросаюсь ему на грудь.

— Значит, ты хочешь залезть ко мне в трусики?

— Чёрт возьми, да, — рычит он, его руки скользят по моим бёдрам и крепко сжимают мою задницу.

Я отталкиваю его и смеюсь.

— Тогда тебе лучше сначала угостить меня ужином. Я не простушка.

Я слышу его смех, когда иду на кухню, чтобы приготовить себе чай. От запаха кофе последние несколько дней мой желудок беспокоится.

Я рада, что у нас состоялся этот разговор. Я чувствую себя лучше, как будто груз упал с моих плеч. Конечно, нам нужно узнать друг друга, но для этого и есть будущее.

Глава 22

Алекс

Прошло два дня после того разговора. Отношения между нами становятся лучше, и эта оглушительная тишина исчезла.

Я прислоняюсь к грузовику, ожидая, когда Нина выйдет с работы. Я заставляю себя думать о ней, как о Нине, потому что она так сильно боролась за это имя. Это также уменьшит риск того, что один из нас ошибётся.

Пришло время оставить прошлое позади и сосредоточиться на будущем, которое ни один из нас не думал, что когда-либо будет иметь.

Я слышу, как она прощается с Джошуа и затем выходит из магазина. Её глаза находят меня, и она широко улыбается.

Я улыбаюсь ей в ответ и говорю:

— Привет, Нина, — и отталкиваюсь от грузовика, когда она подходит ко мне. — Хочешь прокатиться на моём грузовике? — смех срывается с её губ, и я наклоняюсь ещё ближе. — Мы можем купить мороженое.

— О, мы могли бы? — спрашивает она.

Я перемещаюсь в её личное пространство, почти касаясь её.

— Да, и я мог бы наблюдать, как ты слизываешь его со своих пальцев, — шепчу я.

— Мм... хм, — бормочет она, и я вижу, как вспыхивают её глаза.

— А потом ты можешь слизать мороженое с моих пальцев.

Она начинает кивать.

— Мне нравится идея с мороженым.

Я спешу открыть дверь и запихнуть Нину внутрь. Я слышу, как она смеётся, когда оббегает вокруг грузовика.

Мы покупаем мороженое в закусочной, и затем я везу нас в то же самое место, где мы парковались раньше. Мы садимся в кузов грузовика, и я наблюдаю, как она облизывает мороженое. Она чертовски дразнится, потому что ест эту штуку так медленно, как только может. Я уже закончил своё, а она только на полпути.

— К чёрту это, — говорю я. Я хватаю мороженое и бросаю его в сторону. Нина визжит от смеха, и я хватаю её бёдра, притягивая к себе на колени.

Когда я наклоняюсь для поцелуя, она отталкивает меня, отодвигается, а затем спрыгивает с кузова грузовика. *О, она хочет поиграть.*

Я встаю и бегу за ней. Нина забегает в воду и визжит, как девчонка. Ну, она одна из них, но всё же. Она поворачивается, чтобы увидеть, где я, и я бросаюсь на неё. Она смеётся, когда мы падаем в воду, а я быстро разворачиваю нас так, чтобы она была сверху.

Я смотрю на неё, и у меня перехватывает дыхание. Её волосы мокрые. Опускаю взгляд ниже и вижу, как её твёрдые соски напрягаются под влажной тканью.

— Я знал, что тебе нравится мокнуть, но я никогда не думал, что ты выглядишь, так горячо.

Она снова смеётся.

— Ты помнишь это?

— Да, ты ушла прямо в этот же день.

— Я так ревновала к Джин.

— Почему? — шепчу я, когда вода начинает засасывать нас глубже.

— Потому что я уже тогда любила тебя, — признаётся она мне.

— Могу я открыть тебе тайну? — шепчу я, и она быстро кивает.

— Ты — единственная женщина, которой я позволил быть сверху, но мы утонем, если сейчас же выберемся.

— Задница.

Она толкает меня под воду и встаёт. Я смотрю на неё, когда она уходит от меня, а потом кричу ей.

— Сексуальная задница. Ты любишь мою задницу!

Она показывает мне средний палец, и я слышу, как она снова смеётся. Я встаю и следую за ней к грузовику. Мы оба промокли. Мы можем с тем же успехом продолжить эту «вечеринку» дома.

Нина

Я даже не добираюсь до входной двери, как он успевает внять мою футболку.

Если бы у нас были соседи, сейчас они бы получили настоящее шоу.

Мои шорты остаются в гостиной. Я теряю лифчик у двери спальни, но трусики почти добираются до кровати.

Я помогаю Алексу выбраться из его мокрой одежды и поворачиваю нас так, чтобы он был спиной к кровати. Я слегка толкаю его и шепчу:

— Ложись.

Он качает головой, но ложится, бормоча:

— И единственная женщина, от которой я буду принимать приказы.

Как только он полностью растягивается передо мной, я упиваюсь видом потрясающего мужчины.

— Что это за взгляд? — спрашивает он.

— Просто наслаждаюсь видом, — говорю я, а затем подползаю к нему. Я сажусь верхом на его бёдра и затем опускаюсь на него. Как только он оказывается внутри меня, я замираю, наслаждаясь его ощущением внутри меня. Такое чувство, что я дома. Наконец-то.

***

Я кусаю ногти, когда выхожу из магазина. Я так нервничаю. Чёрт.

Залезаю в грузовик и поворачиваюсь лицом к Алексу. Он начинает отъезжать, а затем, улыбаясь мне, он спрашивает:

— Твой день прошёл хорошо?

Я кусаю нижнюю губу, а затем просто выпаливаю:

— Я беременна.

Он останавливает грузовик посреди дороги и просто смотрит на меня.

— Ты слышал, что я сказала? — нервно спрашиваю я и снова начинаю покусывать палец.

Он медленно кивает, а затем улыбка растягивается на его лице.

— Мы беременны? — спрашивает он, и я наблюдаю, как эмоции наполняют его лицо.

Кто-то гудит позади нас, и он быстро начинает движение. Мы едем молча некоторое время, и мои нервы снова начинают брать надо мной верх.

Затем Алекс просто съезжает на обочину. Он прижимает меня к своей груди и крепко целует.

— Мы беременны? — спрашивает он снова.

— Ну, я не уверена насчёт части «мы». Я — та, кто делает всю работу.

— Моему сперматозоиду пришлось надорвать задницу из-за этой яйцеклетки, побалуй его немного похвалой, — говорит он серьёзно, но я вижу, как улыбка приподнимает уголок его рта.

— Твой сперматозоид не приглашал мою яйцеклетку на свидание. Так что твой сперматозоид лишился моего расположения.

Огромная ухмылка расплывается на его лице, а затем он разворачивает грузовик и едет обратно в город.

— Куда мы едем? — спрашиваю я, витая в облаках от счастья, что он так хорошо воспринял новости.

— Сперматозоид ведёт яйцеклетку на ужин.

Я разражаюсь смехом, когда он останавливается перед закусочной. Он оббегает перед машиной и открывает мне дверь. Затем помогает выйти, позволяя мне скользнуть по его телу, а затем его глаза начинают мерцать от слёз, и это мгновенно заставляет меня хотеть заплакать.

— Я веду мою прекрасную беременную жену на ужин, — шепчет он, и слеза скользит вниз по его щеке.

Пребывая в растерянном состоянии, я шепчу:

— Почему ты плачешь?

— Потому что я, так чертовски счастлив. Я так счастлив, что ты решила остаться со мной. Я так счастлив, что ты живёшь мной. Я так счастлив, что у тебя будет мой ребёнок.

— Я тоже счастлива, — шепчу я и затем встаю на носочки, чтобы дотянуться до его губ. — Спасибо, что сделал каждую мою мечту реальностью.

— Я сделал? — спрашивает он, сдерживая поцелуй.

— Да.

Я немного приближаюсь к его рту.

— Я просто хотела мужа, который любит меня, и дом, полный детей. Это всё, что я когда-либо хотела.

Он нежно целует меня в губы, и я улыбаюсь у его рта.

— Нам придётся приобрести больший дом для всех этих детей.

Было бы здорово.

Я целую его в губы, а затем он отступает. Взяв меня за руку, Алекс ведёт меня в закусочную.

— Пора накормить мою жену и ребёнка.

Его жена.

Его ребёнок.

Я кладу руку на живот и сдерживаю эмоции.

Мой муж.

Наш ребёнок.

Я так благодарна. Я переполнена благодарностью за этого мужчину и за ещё один шанс стать матерью.

Это был долгий и трудный путь. Этот путь привёл меня к Алексу Джексону. Я бы прошла этот путь снова, но только ради него.

Конец